

САРА ХАРРИСОН
МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Толстые цветы

Роман

Продано более миллиона
экземпляров

Трогательная семейная сага,
разворачивающаяся на фоне испытаний
Первой мировой войны. Неожиданные
сюжетные линии, безупречное чувство
времени. *The Times*

Сара Харрисон
Полевые цветы

ООО «ГЕРМЕС БУКС»

1980

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Харрисон С.

Полевые цветы / С. Харрисон — ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1980

ISBN 978-5-9524-6675-3

Теа Теннант, старшая дочь богатого промышленника и прекрасной женщины-аристократки, не готова следовать традиционному пути, предписанному ей по рождению, она хочет посвятить себя настоящему делу. Зато ее красивая, легкомысленная сестра Далси думает только об удовольствиях, о плотских – не в последнюю очередь. С началом войны жизнь семьи Теннант круто изменяется: сын уходит на фронт, Теа начинает работать. И для их горничной Примми, как это случается в пору суровых событий, открываются новые возможности, которыми она полна решимости воспользоваться. На фоне жестокостей Первой мировой войны, которая станет испытанием для всех героев романа, – жителей сельских мест и британской столицы, – раскрываются яркие живые характеры.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-9524-6675-3

© Харрисон С., 1980
© ООО «ГЕРМЕС БУКС», 1980

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	65
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Сара Харрисон Полевые цветы

SARAH HARRISON
FLOWERS OF THE FIELD

ГЕРМЕС БУКС

© Sarah Harrison 1980

© Перевод, ООО «Гермес Букс», 2026

© Художественное оформление, ООО «Гермес Букс», 2026

Глава 1

– Боже милостивый, она просто чудо!

Такими обычными для любого отца словами Ральф Теннант приветствовал появление на свет своего второго ребенка. Это произошло 30 сентября 1892 года в Лондоне, на первом этаже дома номер 20 по Рейнлаф-Роуд.

Ребенок и в самом деле был замечательным – около шестидесяти сантиметров ростом и весом почти пять килограммов, с густыми черными волосами. Девочка внимательно смотрела ясными, широко раскрытыми глазами, ее руки с длинными пальчиками изо всех сил хватали воздух, она оглушительно кричала, словно выставляя напоказ свое красное горлышко.

Ральф взял малышку у сиделки и поднял перед собой, обхватив ее огромными ладонями под мышками. Новорожденная умолкла. Ее крупная головка, похожая из-за курчавого хохолка на спелую репку, упала ей на грудь. Но даже несмотря на это, она взглянула на отца смело и непокорно, после чего энергично заколотила ножками, обернутыми кружевным покрывалом.

– Чудо, – объявил Ральф, счастливо улыбаясь сиделке, – она просто чудо. Как по-вашему?

– Красивая девочка, сэр, – ответила сиделка, как и положено в подобных случаях.

– Ты красивая? – осведомился Ральф у дочери, укладывая ее поудобнее у себя на руках и рассматривая ее красное личико. – Пока еще нет, но скоро можешь стать настоящей красавицей.

Он аккуратно пальцем повернул голову девочки. На ней еще можно было увидеть следы борьбы за жизнь: кровь и слизь за ушами, слипшиеся волосы.

– Папа, можно мне посмотреть?

Рядом с ним стоял пятилетний Обри Теннант в ночной рубашке. Было уже девять часов вечера. Он потирал одну босую ногу о другую, стараясь таким образом хоть немного согреться. Мальчик два часа прислушивался к происходящему у двери своей спальни, томясь от нетерпения. Даже его богатого воображения, а воображение у Обри было действительно богатым, не хватало, чтобы представить картину появления на свет ребенка. Но судя по тому, сколько для этого требовалось помощников, он понимал, что это должно быть непросто.

Простояв два часа, дрожа от холода и волнения, он наконец услышал крик, сначала сдавленный, потом пронзительный. Дверь спальни матери распахнулась, и новорожденную передали на руки отцу.

Теперь Обри, дрожа как осиновый лист, в полумраке готовился к тому, что ему предстоит увидеть.

Отец и сиделка повернулись к нему. Оба они улыбались. Ральф Теннант протянул ему свободную руку.

– Конечно, можно, старина. Теперь у тебя есть симпатичная сестренка. Вот она. – Он обнял сына за плечи и слегка наклонился, чтобы мальчик мог рассмотреть личико малышки.

Обри посмотрел, перевел взгляд на отца и вздохнул. Он сразу все понял. Обри уже не впервые за свою недолгую жизнь почувствовал себя старым. Старым не по сравнению с младенцем, а даже старше Ральфа. Обри всегда казалось, что предназначавшиеся ему так называемые радости жизни – веселье, энергия, беззаботность – достались не ему, а отцу. И сейчас, глядя на лежавшую у Ральфа на руках новорожденную девочку, он испытал разочарование, к которому был готов. Он давно боялся этого. На свет появился еще один из них.

Ральф нежно сжал плечи сына.

– Что скажешь, старина?

– Не очень-то она симпатичная.

– Какие глупости! – Сиделка закатила глаза и поджала губы. – Прекрасная малышка.

Ральф даже не взглянул в ее сторону. Вместо этого он сказал Обри:

– Ты прав. Сейчас она словно мятый обрывок красной бумаги. Все младенцы такие. Но потом она расцветет, расправится, и вот увидишь, у нее скоро пропадут эти смешные морщинки.

– Понятно.

– А теперь ты должен вернуться в постель, здесь холодно, и тебе пора спать. А завтра утром ты снова увидишь свою сестру.

– Хорошо.

Обри повернулся и побрел по коридору. И вдруг вспомнил, что забыл кое о чем спросить.

– Как мама себя чувствует?

– С твоей мамой все в порядке, но она очень, очень устала. Сейчас я как раз хочу к ней сходить. Передать ей, что ты ее любишь?

Обри кивнул. Ему хотелось бы увидеть маму самому, но все вокруг было словно опутано секретами взрослого мира. Глубоко вздохнув, он отправился к себе в комнату.

Ральф снова обратился к дочери:

– Пойдем посмотрим, как наша мама.

Он направился к двери спальни, но сиделка, сильная рослая женщина, вежливо, но твердо преградила ему дорогу:

– Миссис Теннант пришлось нелегко, сэр.

– Я знаю, поэтому и хочу ее увидеть.

– Я все же думаю, сэр, что лучше ее сейчас не беспокоить.

– Мадам, – сказал Ральф с широкой, холодной улыбкой на губах. Если бы сиделка состояла на постоянной службе в его доме, она бы знала, что означает эта улыбка. – Я собираюсь увидеть свою жену.

– Она очень слаба, сэр. – Сиделка совсем не знала этого человека, поэтому говорила то, что считала нужным.

– Я это прекрасно понимаю. И полагаю, что супружество подразумевает помощь друг другу «в болезни и здравии». Так что я сейчас пойду к ней, даже если мне придется для этого убрать вас с дороги силой.

Никогда в жизни ни один джентльмен, занимающий в обществе такое высокое положение, как Ральф Теннант, не разговаривал с ней подобным образом. У сиделки отвисла челюсть, она потеряла бдительность, и Ральф без лишних разговоров прошел мимо нее в спальню жены.

Первое, о чем подумала Венеция через несколько секунд после того, как ее дочь появилась на свет: «Больше детей у меня не будет».

– Больше детей у меня не будет, – произнесла она так выразительно, что и акушерка, и доктор с удивлением отвлеклись от нижней части тела пациентки и посмотрели на ее верхнюю часть, о которой успели совершенно забыть за последние часы.

– Вы не должны так говорить, моя дорогая, – попытался возразить ей доктор Эггертон, хотя, по правде говоря, ему не хотелось бы столкнуться еще раз с подобным случаем тяжелых родов.

Когда наконец, несмотря на все протесты, Ральфа все же удалось выставить из комнаты, Венеция закрыла глаза, стиснула зубы, стараясь думать только о муже. Она вспомнила, как кто-то взволнованно сказал: «Крепко застряли плечи». В тот момент ей чудилось, что ее тело должно разорваться на части, но даже тогда ей показалось нелепым, что вся эта боль, все старания свелись только к тому, что застряли плечи. И еще было странно, что эти люди обсуждают то, чего она не могла видеть. После невероятных усилий упрямые плечи были наконец освобождены.

– У меня никогда больше не будет детей, – повторила она, не желая слушать доктора Эггертона.

Атмосфера в комнате немного изменилась. Непродолжительные тревога и волнение сменились хлопотами и радостной суетой. Под ней поменяли простыню, акушерка нажимала ей на живот, чтобы скорее отделился послед, а сиделка и доктор Эггертон осматривали и пеленали ребенка, чьи неодобрительные крики оглашали комнату.

Венеция изможденно наблюдала за доктором. Ей казалось, что одна половина ее кровати превратилась в поле битвы, в то время как вторая осталась неестественно чистой и аккуратной. Сиделка взбила подушки и привычными движениями быстро разгладила чистые простыни. «Они все рады, – подумала Венеция. – Рады, что работа закончилась. И я тоже рада». Вдруг ее обожгла мысль.

– Кто у меня? Скажите скорее, кто у меня родился?

Сиделка подошла к кровати.

– У вас прекрасная девочка, мадам.

– Девочка? Не может быть.

– Девочка, моя дорогая. – Это уже сказал доктор Брюс Эггертон. – Красивая, крупная девочка.

– Крупная?

– Да, почти пять килограммов.

– О боже! – Венеция отвернулась, она почувствовала слабость. Ее разгоряченное тело было покрыто испариной от всего, что ей пришлось пережить во время родов.

– Вы хотите подержать ребенка, мадам? – Сиделка протянула ей спеленатую малышку.

– Я не могу... У меня нет сил. Просто дайте мне на нее посмотреть, а потом пойдите покажите мужу.

Сиделка отогнула край покрывала, чтобы лучше было видно личико ребенка. Черные глазки, не мигая, словно с осуждением, смотрели на Венецию. Розовый кулачок был прижат к подбородку, будто малышка задумалась о своей судьбе. Венеция слабо улыбнулась:

– Доротей.

– Какое чудесное имя. – Сиделка обвела сияющим взглядом доктора и акушерку. – Я покажу девочку отцу.

Через несколько минут в комнату вошел Ральф с дочкой на руках. Следом за ним появилась покрасневшая сиделка, пытавшаяся слабо протестовать. Доктор Эггертон жестом руки успокоил ее.

Ральф направился прямо к постели Венеции, присел рядом с ней и, одной рукой легко приподняв ее с подушек за плечи, прижал к себе.

– Я люблю тебя, – произнес он. – И люблю ее. Что я еще могу сказать?

– Ты сказал все. Но, Ральф... больше никогда... Мне так больно, и я так устала. Я думала, что умру. – Она тихо заплакала.

– Но ты же не умерла. А теперь нужно отдохнуть, и тебе станет лучше. Обри просил передать, что любит тебя.

– Обри? – Венеция подняла на него глаза. – Бедненький. Как он?

– Как он? Отлично. Вероятно, немного сбит с толку, но не более того. Я отправил его спать.

Эггертон подошел к Ральфу и тронул его за плечо.

– Вашей жене тоже нужно отдохнуть.

– Я знаю, знаю.

Ральф поцеловал жену в волосы и нежно опустил ее на подушку. Он посмотрел на доктора, лицо его сияло от гордости.

– Что скажете о моей дочери, Брюс? Чудо, правда?

– Конечно. Здоровый, крупный ребенок.

– Это точно. Восхитительная девочка.

Последнее, что увидела Венеция перед тем, как погрузиться в счастливый сон, – это удивленные и восхищенные лица склонившихся над ребенком мужа и доктора.

Доротея Теннант, или Тея, как ее называли, с самого нежного возраста восхищала не только родителей, но и всех вокруг. Венеция Теннант была красива, и всем, кто ее знал, было любопытно, станет ли ее дочь столь же прекрасной, когда вырастет. А росла Тея быстро, как на дрожжах, в возрасте одиннадцати месяцев крупная, сильная, бойкая девочка начала ходить. Весь ее облик говорил о том, что все в жизни у нее сложится удачно. Была ли она красива? Никто из окружающих не назвал бы ее красавицей. К тому же она не обладала отличительной чертой характера своей матери – невозмутимостью. Единственное, что Тея у нее унаследовала, – это рост. В остальном она была дочерью своего отца – темноволосая, смуглая, с широкой костью. Как и ее отец, она с трудом могла усидеть на месте, движения ее были порывисты, энергия была ключом, но ее постоянно сдерживали нарекания Венеции по поводу того, как следует вести себя настоящей леди.

Три года спустя, вопреки заявлению Венеции, у Теи родилась сестра Далсимер, и все облегченно вздохнули. Эта девочка наконец-то оправдала их ожидания: белокожая, светловолосая, голубоглазая малютка с самого рождения, казалось, осознавала, какую красоту и изящество она унаследовала.

Викторианское общество любило порядок, и, когда Венеция Д'Акре, красавица знатного рода из Кента, вышла замуж за промышленника Ральфа Теннанта, все в отчаянии развели руками. Венеция благодаря красоте и происхождению была гордостью высшего света. Из-за своего независимого вида всем знакомым ей молодым людям она казалась далекой, неприступной принцессой. Ее отстраненность внушала им любовь к ней, пусть не всегда истинную. Венеция никогда не кокетничала со своими поклонниками. Она была застенчива, любила уединение, которое ограждало ее от окружающего мира.

Но когда Венеция познакомилась на благотворительном бале с Ральфом Теннантом, она не смогла устоять перед ним. Он владел заводом электрооборудования в южном Лондоне и был на десять лет старше ее. Он не замечал никаких преград, решительно смел все условности, разделяющие их, взял ее штурмом, как генералы берут города. Через несколько недель он уже называл ее «старушкой» и возил их с сестрой на свой завод. Этот красивый сильный мужчина был чем-то похож на разбойника и обладал неумемной энергией. Он не обращал никакого внимания на слабые, тактичные возражения по поводу невозможности их с Венецией брака. Его индивидуальность покорила ее сердце сразу, а вскоре он получил и ее руку. Ему удалось убедить леди и лорда Д'Акре, что они уже дали согласие на свадьбу, хотя на самом деле они едва успели привыкнуть к его присутствию в доме. Если бы он потратил больше времени на ухаживание за своей невестой, окружающие успели бы задуматься над его положением в обществе. Но поскольку все были просто сражены его прямолинейностью, то забыли о его слишком промышленном происхождении.

Всего через несколько месяцев Венеция официально стала миссис Теннант и чета поселилась в доме номер 20 по Рейнлаф-Роуд. Ральф был богат, и Венеция сделала дом красивым и уютным. Многие считали, что для нее это не слишком удачная партия, а Ральф не скрывал своего мнения на этот счет.

– Я ее обожаю. У нее прекрасное воспитание и вкус. У меня – голова и деньги. Разве может у нас с ней не получиться? – шокировал он окружающих его аристократов этим риторическим вопросом.

Что касается Венеции, то она просто расцвела. С каждым днем становилась все красивее, оставаясь спокойной и невозмутимой.

Ей было не важно, что из-за мужа пришлось прекратить давать обеды, что он отказывался выезжать с ней за город, считая это пустой тратой времени, и что он принципиально никогда ни

с кем не соглашался. Венеция была выше общественных предрассудков, она осталась всеобщей любимицей, и постепенно Ральф был принят в ее круг или, по крайней мере, его стали терпеть ради нее.

Все друзья с радостью отметили, что третий ребенок Теннантов был копией матери, и решили, что эту девочку ждет большое будущее. Далси, как ее называли, была прелестной малышкой, и няню Доркас часто просили принести ее показать пришедшим на чай друзьям. Тею это не беспокоило. Она была совершенно уверена в любви родителей к ней и друг к другу. Еще она была крайне благодарна матери за то, что та понимала: ей куда интереснее копаться в саду вместе с Обри, чем смиренно сидеть на диване в гостиной и есть пирожные.

В то время Тея еще прибывала в блаженном неведении по поводу того, что ее семья отличается от других и что отношение к миру, воспитанное в ней отцом, тоже расходится с общепринятым. Она восхищалась его живым умом и любознательностью, но воспринимала это как должное. Ей нравилось, когда говорили, что она похожа на отца, и понятия не имела, что говорившие это считали Ральфа опасным сумасшедшим, а Венецию находили тоже не вполне здоровой, поскольку она вышла за него.

Первые облачка сомнений появились на ясном горизонте, лишь когда Тее исполнилось восемь лет и она пошла в школу Стратленов, что в Куэкс-Гарденс. Начнем с того, что и школа и уроки ей нравились, но вскоре стало очевидным, что прилежных учениц там было немного, а точнее – она одна. Тея была в том возрасте, когда большинству девочек хочется ничем не отличаться от сверстниц. Она, как и все в школе, складывала лист бумаги гармошкой, на каждом сгибе писала число месяца и по мере того, как шли дни, отрывала по полоске.

Но если жажду к знаниям она успешно скрывала, то обуздать свой характер она не могла. И когда им задали сочинение на тему «Прекрасное», Тея стала объектом насмешек из-за выбранного ей подзаголовка «Джойс Каммингс: прекрасная навеки». Джойс Каммингс была старшей учительницей, и Тее с ее бурным воображением казалось, что эта величавая молодая леди вобрала в себя качества Офелии, Изольды и Снежной королевы. Однако мисс Каммингс была эгоистична, самодовольна и ограничена, чего не замечала ее обожательница, считавшая ее идеалом женской красоты, на которую Тея (как сама она мрачно заметила) претендовать не могла.

Сочинение вызвало переполох. Впервые Тея совершенно потеряла осторожность. Нельзя сказать, что она была первой обожательницей Джойс Каммингс, но, несомненно, первой заявившей об этом в открытую. Остальные девочки, маленькие предательницы, все до единой, хихикали, перешептывались и хвалили себя за проявленное лицемерие.

Директриса, мисс Виолетта Стратлен (младшая сестра основателя школы), вызвала Тею к себе.

– Садись, Доротея, – сказала она, указывая на стул с тонкими ножками и прямой спинкой, предназначавшийся для просителей и нарушителей дисциплины.

Тея села, скрестив под стулом длинные ноги. Девочка всегда казалась себе слишком высокой, ей хотелось куда-нибудь спрятаться, и она натянула на колени передник так, что от подбородка до коленей получился крутой склон, на который она теперь смотрела, чинно сложив руки.

– Вот это твоё сочинение на тему «Прекрасное», – сообщила мисс Стратлен, что и так было ясно. – Я хочу поговорить с тобой именно о нем. Мне кажется, Доротея, что у тебя не совсем правильный вкус.

– Да, мадам. – В школе Стратленов было принято называть учительниц «мадам».

– Оно, как всегда, написано ярко, хотя твой почерк оставляет желать лучшего, и ты прекрасно справились с раскрытием темы.

Наступила пауза, не предвещающая ничего хорошего, мисс Стратлен поднесла крамольные страницы к свету и несколько театрально их просмотрела. Тея вдруг поняла, что эта беседа

доставляет директрисе настоящее удовольствие. У мисс Стратлен было крупное бледное рыхлое лицо, и она всегда ходила в сером: в серой юбке и серой блузке со множеством складочек, тянущихся, как рельсы, по ее внушительной груди. Ее руки были такими же белыми, большими и влажными, словно две рыбы. Тее было крайне неприятно видеть свое сочинение в этих руках, подобно поцелую человека, которого терпеть не можешь.

– Как я сказала, – продолжала мисс Стратлен, – по-моему, твоя ошибка в том, что ты неправильно поняла тему сочинения. Несомненно, тебе следовало бы выбрать нечто имеющее меньшее отношение к жизни школы.

– Я просто подумала...

– Нет, нет, дай мне закончить, – нетерпеливо махнула рукой мисс Стратлен. – Ты не подумала, как можешь смутить этим мисс Каммингс? Бедная Джойс.

– Но, мадам, я хотела как лучше...

– Лучше? По-твоему, подвергнув ее вульгарному разбору, ты сделала ей лучше?

– Я не хотела делать никакого разбора, мадам.

Упор на начале фразы заставил мисс Стратлен строго взглянуть на Тею.

– А мне бы не хотелось, – сказала она выразительным контральто, – ставить в известность твоих родителей, Доротея. Инцидент сам по себе того не заслуживает, но если ты будешь вести себя так вызывающе... – Она укоризненно покачала головой. – Ладно, на сегодня достаточно. Тебе придется написать другое сочинение.

– На ту же тему, мадам?

– Конечно. Надо попытаться исправить то, что не получилось. Не стоит писать ни о чем личном, выбери пейзаж, произведение искусства. Я хотела бы увидеть твои способности к критической оценке, а не эмоции.

Мисс Стратлен не знала, что эти понятия для Теи неразделимы. Беседа была окончена.

Тее удавалось не обращать внимания на насмешки одноклассниц, и в этом ей помогла лучшая подруга Андреа Саттон, которая разумно решила считать ее сочинение призывом к свободомыслию и борьбе за женское равноправие. Последнее было возможно, но маловероятно, поскольку единственным представителем противоположного пола, нога которого ступала в школу Стратленов, был учитель классических языков мистер Пардо. Но он казался настолько угнетенным, что вряд ли мог представлять угрозу женским правам. Как бы там ни было, Андреа помогла Тее пережить не самое легкое для нее время, пусть даже ей не удалось представить подругу настоящей героиней.

– Ты это здорово придумала, – благодарно произнесла Тея, когда девочки одевались, чтобы идти домой.

В холл они неизменно спускались последними, из-за того что все время говорили и говорили и из-за того что Тея всегда что-нибудь теряла или у нее рвался шнурок на ботинке.

– Здорово то, что ты сделала, – парировала Андреа. – Это замечательно, благородно. Ты написала то, что было у тебя на сердце.

Тея не раз думала о том, насколько они с Андреа не похожи друг на друга. Она обожала подругу, но немного за нее беспокоилась. В свои десять лет Андреа была настоящим дипломатом, способным обратить себе на пользу любые противоречия. Она могла распознать скрытое отношение Теи к чему-либо и превратить его в ясно выраженное мнение или разглядеть в ней едва заметное ранее чувство и четко его сформулировать. Иногда Тее казалось, что она загнана в угол умом своей подруги.

И внешне девочки были настолько разными, что каждый раз, когда Ральф Теннант видел их вместе, он не мог удержаться от смеха и советовал им поступить в цирк, где их, несомненно, ждал успех. Андреа была низенькой худенькой светловолосой девочкой с веснушками, светлыми ресницами и высоким лбом. Она могла показаться совершенно невзрачной, не будь в ней столько уверенности и рассудительности, что с лихвой компенсировало недостатки внешности.

Она просто очаровывала людей своей смекалкой и разумными речами. В школе она была единственной подругой Теи, которая уверенно чувствовала себя на Рейнлаф-Роуд. Однако Далси терпеть не могла Андреа.

– Она зануда, – говорила сестра Тее, с изумительной легкостью давая столь несправедливую оценку.

– Да нет же, она не зануда. И все это знают.

– Мне с ней скучно.

– Это другое дело.

– Она уродина и слишком много болтает.

Далси была готова опуститься до откровенной клеветы в выражении своей ревности. По ее мнению, Андреа Саттон воплощала собой крушение мифа о том, что женщине требуется лишь красота и хорший вкус. Андреа не была красавицей, не имела хорошего происхождения, и тем не менее ее все любили. У нее был особый дар заставлять окружающих почувствовать, что если они не с ней, то они как бы исключаются из магического круга, где блистает интеллектуальная элита.

В 1902 году умерла старая леди Д'Акре, и Теннанты переехали в Кент, в Чилвертон-Хаус. Тея осталась в школе Стратленов на пансионе, впервые вкусила сомнительную радость пребывания в чужом доме и начала понимать, почему Андреа стала такой. До сих пор Тея ходила в гости на «игру», «прием пищи» и «беседу», и лишь вторая часть ее визитов отдаленно напоминала то, к чему она привыкла дома. Теперь она получала приглашения проводить целые недели в домах других учениц.

Напряжение тех дней было невыносимо. Шумные, неинтересные разговоры, непривычная еда, незнакомые обычаи. У нее сводило зубы, пока она ждала подходящего момента, чтобы поблагодарить слугу или дать ему на чай. А хуже всего было понимание того, что ее семья совсем иная, что все увиденное ею в других домах – правило, а ее семья – исключение.

Отец Андреа Саттон служил управляющим в банке, Саттоны жили в Фулхэме, в том показном комфорте, что свойствен представителям среднего класса. Мистер Саттон был радушен, но его радушие казалось ненастоящим, вымученным. Он постоянно похлопывал Тею по спине и, разговаривая с нею, наклонялся к ее уху, словно она была глухая. Миссис Саттон была невзрачной, благоразумной и неустанно правильной. У Андреа была старшая сестра, Дорелия, которая уже вышла замуж и которую Тея никогда не видела, но ей казалось, что знала ее всю жизнь, поскольку миссис Саттон только и делала, что с восхищением о ней рассказывала. Слуг было гораздо меньше, чем в доме Теннантов. Всем им было присуще мрачное раболепие, отчего они казались Тее угнетенными. Когда, впервые попав в этот дом, она утром улыбнулась горничной, на лице бедной девушки появилось такое изумление, что Тея пожалела о сделанном.

Подобная атмосфера за столом также была Тее незнакома. Все умолкали, как только появлялась невкусная пища и мистер Саттон раскладывал ее по тарелкам. Затем следовала молитва, отдельная для каждого дня недели. С тех пор Тея не могла даже взглянуть на картофельную запеканку, не помолясь, чтобы это пошло ей на пользу, ни откусить кусочка вареной баранины, не попросив Бога не показаться неблагодарной после еды. За обедом мистер Саттон делал замечания и читал морали, остальные должны были помалкивать, внимая его нравоучениям.

– Южноамериканское олово растет в цене, – объявлял он загадочно за завтраком, и сидящая у чайника миссис Саттон, опрятная, всегда готовая помочь, кивала, чуть заметно улыбаясь, и смотрела на девочек, чтобы убедиться, что он не мечет бисер перед свиньями.

Тея была общительным ребенком и с радостью бы обсудила с мистером Саттоном проблему южноамериканского олова, но не имела об этом ни малейшего представления. К тому же было совершенно очевидно, что ответа не требовалось: в доме Артур Саттон был толстоко-

жим божком. Гиппо Дэйти прозвала его Тея. В зоологическом саду Риджент-парк она видела гиппопотама, и сходство просто потрясло ее.

В течение дня на девочек мало кто обращал внимания, но, если они выходили в сад, за ними наблюдали неотрывно, потому что там «грязь и прочее», по выражению миссис Саттон. Тея заметила, что присущее Андреа непоколебимое спокойствие дома полностью покидает ее. Она плакала, жаловалась и не раз заставляла мать ставить ей в пример Тею. Только когда Андреа оказывалась вдалеке от родителей, она снова становилась собой. Тее особенно запомнилось, как однажды мистер Саттон отбросил газету, и Андреа, улучив момент, утащила ее к себе в спальню, где девочки были в безопасности. Они расстелили газету на ковре и, встав на колени, принялись изучать ее. Тогда Тее стало понятно, как важно для ее подруги узнавать все последние новости.

Переезд за город неизбежно привел к тому, что Тея осталась без подруг, в незнакомом ей мире. Впервые она увидела Чилвертон-Хаус, что недалеко от Эвхерста, еще маленькой девочкой, когда приезжала сюда навестить бабушку и дедушку. Свои первые впечатления она запомнила навсегда. Ей понравилось там сразу, она словно чувствовала, что магнетическая сила этого дома изменит всю ее жизнь.

По тем временам дом не был особенно большим. В нем имелось восемь спален, а стоял он на участке земли в семь акров, на большей части которого рос густой лес. Там устраивались пикники, Венеция рассказывала о них дочерям, это были простые непринужденные встречи, а не сборища, где встречается несколько сотен весельчаков лишь затем, чтобы выпить уже к полудню. Тея увидела дом, когда их экипаж, выехав из Уэльда, покатился с крутого холма. Из высоких печных труб уютно вился дымок. Вскоре стала различима шиферная крыша, поросшая мхом и лишайником. Затем дорогу окружили живые изгороди, и дом стал вновь заметен, лишь когда они свернули к главному входу.

Чилвертон-Хаус были внушительным, но не пугающим. Он казался удобным и уютным. С двух сторон, симметрично и угодливо, словно вежливо поднятые брови, возвышались фронтоны. Рамы многочисленных высоких окон были выкрашены свинцовыми белилами, к главному входу вели закругленные ступени, а серый камень, из которого была сложена веранда, украшали изображения ананасов и других экзотических фруктов. Летом фасад покрывал красный выюн.

Вдоль задней стороны дома, выходящей на юг, росли персиковые деревья и груши, скрывая длинное узкое окно лестничной площадки. С одной стороны дворик ограждала поросшая мхом кирпичная стена, где была арка, сквозь которую виднелся черный чугунный водяной насос и развешанное на веревках белье.

Чуть правее от окна лестничной площадки двойная стеклянная дверь вела из столовой на террасу. Как и весь дом, терраса была красивой, но совершенно неухоженной. Мох и другая неприятная растительность пустила ростки по всей длине низкой каменной балюстрады, в которой не хватало двух колонн, из-за чего она казалась похожей на щербатую улыбку. Одна из сломанных колонн использовалась теперь как кормушка для птиц, из другой сделали солнечные часы.

С террасы можно было попасть в самую примечательную часть поместья, Вязовую аллею, которая тянулась на четверть мили до самого Эвхерста. Прекрасные вязы, словно деревянные стражи, стояли вдоль дороги, как и много веков назад, со времен эпохи Тюдоров, когда их здесь посадили.

Вязовая аллея разделила лужайку перед домом на две различные зоны. Та, что справа, перед входом в столовую, была местом отдыха, здесь царил покой. Там витал аромат роз, и ровная, как ковер, лужайка, обсаженная рододендронами, лежала в тени сирени и золотого дождя. Слева от аллеи угадывались детские владения, место для игр и беготни. На газоне стояли любимые детьми качели, пни, лестницы, повсюду валялись обручи, веревки, катушки и

прочие атрибуты детских забав. Дальше вдоль аллеи траву не косили, и летом здесь был настоящий шелестящий сад, а зимой – таинственный потерянный мир, куда лишь изредка забредали пасущиеся лошади.

Одним словом, для детей здесь было настоящее раздолье, не особенно ухоженно, но тепло и гостеприимно. Именно таким, думала Тея, и должен быть дом.

Для ее отца было нормальным уехать из города, когда остальные, наоборот, стремились туда вернуться. Но Ральфа Теннанта переубедить не мог никто. Он был без ума от автомобилей, имел две великолепные машины и заявлял в противовес общепринятой точке зрения, что именно автомобили восстановят баланс в обществе и природа станет доступнее горожанам. В маленьком городке Брумли часто можно было увидеть чету Теннант, не спеша едущую по улице в своем фыркающем «принсе» – Венеция в газовой косынке поверх шляпы, а Ральф в великолепном охотничьем клетчатом костюме. Иногда, что, впрочем, не было так уж необычно, в них летел какой-нибудь фрукт и раздавались крики «Не воняй!» и «Проваливай!». Тогда Ральф останавливал машину, выходил из нее и имел с обидчиком беседу, проявляя при этом всю силу своего обаяния и несомненные технические познания, в результате чего оппонент осознавал свою отсталость и признавал ошибку.

В сочельник 1913 года Тея поехала на велосипеде в Эвхерст, чтобы отправить письмо. У нее был «Бистон Хамбер», очень хорошая модель, Ральф просто не мог купить не самое лучшее. Но, несмотря на это, велосипед был для нее самым неудобным видом транспорта. На трассе, которую нельзя было назвать ни дорогой, ни даже тропой, ведущей от боковых ворот Чилвертон-Хаус к шоссе на Эвхерст, было полно глубоких ям, и, чтобы не так трясло, нужно было все время ехать по узкому, поросшему пучками травы гребню в самом центре дороги. Тея придерживала шляпу, поля которой постоянно качались, велосипед так трясло, что шляпа могла в любой момент слететь, или могли растрепаться волосы, или случиться и то и другое.

– Добрый день, мисс Тея.

– Ох, добрый день, Уильям. – От того, что велосипед трясло, голос ее дрожал и был подобен бляению. Посмеиваясь над собой, она притормозила.

Главный садовник Чилвертон-Хаус Уильям Роулз стоял за изгородью в тени под елями. С ним был его семнадцатилетний сын Джордж. Тея заглянула через забор и увидела, что с ними ее старый пони Джо, на котором она каталась в детстве.

– Привет, Джо!

Она протянула руку, и Джордж подвел к ней пони. Он был запряжен в грубые оглобли, от которых тянулись в лес толстые веревки. Тея потрепала его по губам и поцеловала в белую звездочку во лбу.

– Что они с тобой делают, Джо?

– Рождественская елка, мисс, – таинственно произнес Джордж.

Он был рад, что ему удалось заговорить с ней, хотя это было лишь малой толикой того, что ему хотелось сказать. Розоволицый, высокий, с длинными светлыми волосами, Джордж Роулз был более чем немного влюблен в Тею. И радость от того, как засияло ее лицо, была ни с чем для него не сравнима.

– Ну конечно! Елка! Можно я посмотрю?

– Тогда придется немного подождать, мисс. Мы только начали ее рубить.

– Я не против. Я пойду посмотрю, какую вы выбрали.

Она прислонила велосипед к дереву и полезла через забор. Для леди это был необычный поступок, от которого у Джорджа в груди вспыхнул огонь страсти, он покраснел, увидев, как длинные ноги Теи описали дугу над верхней перекладиной забора. Его отец, заметив это, раздраженно взял пони под узцы и повел его вдоль опушки.

– Принеси лопату, – резко приказал он, обернувшись через плечо.

Джордж пробурчал что-то в ответ и подчинился.

– Вот эта? – спросила Тея, когда он вернулся. – Выше, чем та, что была в прошлом году. Она будет отлично смотреться. – Тея обхватила ствол руками и взглянула вверх, меж темных душистых лап. Ее шляпа под весом распущенных волос соскользнула ей на спину. – Будь ты неладна! – Она развязала шляпу, бросила ее на землю, скрутила волосы и, словно делая что-то неприятное, закрепила их шпилькой.

Джордж смотрел на нее с восхищением. «Какие прекрасные волосы у мисс Теи», – думал он.

– Не стой сложа руки, – приказал Уильям. – Иди копай.

Бедный Джордж с пылающими щеками сразу же принялся копать и поэтому не заметил сочувственной улыбки, которой одарила его Тея. Но, поймав взгляд Уильяма, вовремя изменила выражение лица.

Невысокого роста, Уильям Роулз не требовал от жизни многого. Будущее состояло для него исключительно из работы, которую нужно будет выполнить. Эта точка зрения укрепилась у него еще больше, когда не стало старых леди и лорда Д'Акре и он перешел на службу к Теннантам. Было время, когда Уильям хорошо понимал цепь бытия, по крайней мере насколько она затрагивала лично его. Он знал, кому подчинялся, кто подчинялся ему и как все должно быть. Теперь эта приносящая покой определенность осталась в прошлом. Его нынешний хозяин мог вдруг спросить, что он думает о правительстве, или о новом короле, или о размерах пенсии по старости, словно его мнение имело какое-то значение, и ездил по округе в этой безлошадной повозке – изобретении дьявола. И хотя мистер Теннант хорошо платил за работу, он, похоже, совершенно не знал, как подобает себя вести деревенскому джентльмену. И его дочери были ничуть не лучше. Эта, вечная неряха, говорит с ним как с равным, а младшая хотя и умна, но легкомыслия хватит на двоих, и улыбается всем, кто в штанах. Только молодой Теннант, мистер Обри, по мнению Уильяма, вел себя как подобает. В нем был здравый смысл и достоинство. Люди считали его скучным, но тогда и сам Уильям был скучным, а мы любим тех, с кем имеем что-то общее.

Желая справиться с раздражением, которое он испытывал всякий раз, сталкиваясь с кем-либо из Теннантов, Уильям резко сказал сыну:

– Не цепляй лопатой корни, обрубь их!

Тея поняла, что яд в голосе Уильяма предназначался ей за ее вмешательство, а не плохо копавшему Джорджу.

– Мне пора, я вижу, работы здесь еще много, а от меня все равно никакого толка, только стою у вас над душой.

– Все нет, мисс, – взглянул на нее Уильям.

– Не терпится посмотреть на нее, когда вы ее привезете.

– Так будет лучше, мисс.

Тея вернулась к велосипеду и продолжила путь, шляпу она сняла и держала в руке, прижимая к велосипедному рулю.

Тропинка становилась все шире и шире и наконец вывела на шоссе в Эвхерст. Колеса велосипеда зашуршали по ровному шоссе, и она, не крутя педали, скатилась с высокого холма. Ее зеленая юбка раздувалась как парус. Прямо сидя в седле, подняв голову, с развевающимися на ветру волосами, Тея смотрела на замечательный вид, открывающийся перед ней поверх живых изгородей, как царь взирает на свои владения.

Главная улица Эвхерста была недавно вымощена, что делало ее более пригодной для движения моторного транспорта, но пока ожидаемого потока автомобилей не наблюдалось.

Тем не менее здесь было достаточно оживленно. Тея притормозила и не спеша подъехала к продовольственному магазину Гирдлера, возле которого мальчишки, все как один в одина-

ковых кепках и ботинках, бросили игру в камешки и принялись наблюдать, как она слезает с велосипеда и пристраивает его у стены.

В магазине можно было купить практически все. Там были бакалея, аптека, почта, продавались газеты, жители Эвхерста могли заказать здесь товар из крупных торговых фирм. Владельцы, Герта и Сэм Гирдлеры, справедливо гордились тем количеством услуг, которое они могли предложить. Полки были уставлены всеми мыслимыми и немыслимыми банками, бутылками, коробками, которые только могут понадобиться в хозяйстве, некоторые, правда, были покрыты изрядным слоем пыли, поскольку страсть Гирдлеров к расширению ассортимента не всегда соответствовала спросу.

Вдоль стен тянулся прилавок, он также был уставлен товарами – пузырьками с таблетками, порошками и другими лекарствами, занимавшими выгодную позицию рядом с кассой. К потолку были подвешены котелки, кастрюли, сита, связки лука, колбасы, мотки веревок, ботинки, казалось, что в полумраке отдыхают странные пестрые летучие мыши. Через весь магазин тянулся стол, образующий с главным прилавком букву Т, он тоже был завален товаром. Здесь лежали газеты и журналы, стояли ящики с яблоками и сухофруктами, банки с джемом и сладостями, а под столом были аккуратно расставлены огромные жестянки с печеньем и бисквитами. На полу висели мешки с мукой и картошкой, а рядом находилось то, что Сэму Гирдлеру в тот день захотелось вытащить из кладовки. На этот раз – несколько чайников и огромный поднос с яблочной помадкой и сахарной ватой.

– Добрый день, мисс Теннант. – Гирдлер встал с табуретки, где читал газету, и, положив руки на прилавок, склонил голову набок. – Чем могу быть полезен накануне праздников?

Сэму Гирдлеру было около шестидесяти лет, но он из кожи вон лез, чтобы выглядеть на сорок. Постоянно скрывал лысину под кепкой, а также красил аккуратные усики, отчего они казались черными и блестящими, словно нарисованные. Он носил идеально чистую полосатую рубашку без воротничка, поверх которой был серый жилет и черный пиджак. Сэм гордился своей внешностью.

– Я хотела бы отправить письмо, – сказала Тея, доставая свое заявление в секретарский колледж миссис Хоскинс. – Это срочно.

– Может быть, и срочно, мисс Теннант, – ответил Сэм с печальной улыбкой, – но вряд ли ответ придет скоро, ведь праздники. – Он был крайне раздасадован, как и всегда, когда его просили о том, что не в его силах. – Боюсь, что так, – добавил он.

– И все же это очень важное письмо, важное для меня, и я не смогу спокойно провести Рождество, если оно не будет лежать в почтовом ящике. Вам ведь знакомо это ощущение?

Сэм Гирдлер не мог честно признаться, что это ощущение ему знакомо, но взял письмо и вынул из-под прилавка кляссер с марками. Тея положила деньги на прилавок и, пока он наклеивал марку на конверт, принялась бродить по магазину, рассматривая товары. Она вела себя так всегда, но никогда ничего не покупала.

Закончив с письмом, Сэм подобострастно осведомился:

– Чем еще могу служить, мисс?

– Не знаю... – Тея подошла к бесконечному ряду банок со сладостями. – Я бы взяла конфет, но мне не для кого их покупать.

Она провела по банкам пальцем. Карамель, помадка, лакрица – драгоценности ее детства. Сэм Гирдлер тихонько кашлянул, и она повернулась к нему, возвращаясь в сегодняшний, взрослый мир.

– Когда письмо заберут на почту? – спросила Тея.

– Сегодня вечером, мисс.

– Хорошо. Мне так хочется, чтобы все получилось.

– Нам всем этого хочется, мисс. Нам всем этого хочется.

Сэм Гирдлер любил отождествлять себя со своими клиентами, как бы сильно ни расходился с ними во взглядах.

– С Рождеством! И вас, и миссис Гирдлер.

– Спасибо, мисс. И вам хороших праздников.

Звякнул колокольчик, дверь закрылась. Красноносые игроки в камешки подняли на Тею глаза. Как только она взяла велосипед, пошел снег.

После обеда Венеция Теннант с неким волнением вызвала к себе кухарку. Не то чтобы она беспокоилась о праздничном меню, но надо было показать, что этот вопрос заслуживает большого внимания. Миссис Даххэм, «старушка Даки», как звал ее за глаза Ральф, была очень нервной женщиной, постоянно на взводе, как скаковая лошадь, и обращаться с ней надо было так же бережно.

Венеция ждала ее в библиотеке, в комнате, которой в Чилвертон-Хаус пользовались чаще всего. Во времена, когда здесь жила чета Д'Акре, тут действительно была библиотека – хранилище толстых нечитанных книг и свято хранимой могильной тишины. Гостиные были куда более обитаемы. Но Теннанты буквально поселились в библиотеке. Венеция сменила мебель и шторы, отдав предпочтение теплым розовым тонам, следила, чтобы днем здесь всегда горел камин, ей даже удалось найти место для полок со своими книгами. На столе в углу лежали стопки газет и журналов – страсть Ральфа к автомобилям могла сравниться только с его страстью к прессе.

Венеция посмотрелась в высокое зеркало над камином и поправила волосы. Она хотела закончить разговор до того, как Ральф и Обри вернутся с работы, колкости ее мужа оказывали неблагоприятное воздействие на миссис Даххэм. Она была энергичной женщиной, отличной кухаркой, но напрочь лишенной чувства юмора и к тому же старомодной.

Любое проявление легкомыслия, особенно со стороны ее хозяина, смущало ее так, что она впадала в панику, которая продолжалась до тех пор, пока опасность не минует.

В дверь постучали.

– Войдите, миссис Даххэм.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы могла протиснуться худая, как скелет, миссис Даххэм. Она аккуратно прикрыла дверь за собой. Поскольку она готовилась к этому разговору, ее длинный белый фартук, обычно придававший тощему телу некую материальность, остался внизу. Теперь в своем бело-голубом платье и с волосами, собранными в тугий пучок на затылке, она казалась особенно тощей. В руках она держала большую записную книжку с загнутыми страницами. Венеция боялась этой записной книжки. Ее появление не предвещало ничего, кроме перемен в привычном домашнем укладе. Желая немного разрядить обстановку, Венеция сообщила:

– Миссис Даххэм, я просто хотела спросить, все ли у вас в порядке? Я прошу прощения за то, что мне пришлось оторвать вас от дел, когда вы, должно быть, так заняты.

– Не стоит, мадам.

– Скажите, вы за всем проследили? Хотя я уверена, что за всем.

– Как всегда, мадам. Как и будет впредь.

– Боже, вы меня просто пугаете, – ответила Венеция, узнав давно известный оборот словесной игры, которую так любила миссис Даххэм.

Смысл этой ее игры состоял в том, чтобы убедить хозяйку, что ей просто повезло иметь в этой Богом забытой деревне такую кухарку, как Ада Даххэм. Обе стороны намеренно игнорировали тот факт, что, когда Теннанты меняли местожительство, Аде Даххэм некуда было идти, ведь вся ее жизнь и достаток зависели только от них.

– Вас что-то беспокоит? – спросила Венеция.

– Гуси.

– Что-то не так?

– Они недостаточно крупны. Я бы сказала, совершенно тощие старые птицы. Если хотите знать, мадам, – она мрачно понизила голос, – по-моему, это не то, что я заказывала.

– Не беспокойтесь, – сказала Венеция, – я уверена, нам хватит. К тому же мы должны оставить место для вашего замечательного сливового пудинга.

Миссис Дакхэм тяжело вздохнула. Она никогда не показывала, как ей нравится лесть хозяйки. И Венеция знала по опыту, что это хороший способ пригласить кухарку взъерошенные перышки. И она перешла ко второй части:

– А как насчет пирога? Вы ведь знаете, как мистер Теннант любит ваши пироги. Все готово?

– Да, мадам. Осталось только покрыть глазурью.

– Отлично.

Дело в том, что чем старше становился Ральф, тем больше он любил чай, особенно с пирогами. По его приказанию в будние дни обед был простым, но, когда дело доходило до чая, его аскетизм как рукой снимало. Кусочек великолепного рождественского пирога миссис Дакхэм он пробовал уже в сочельник. На Рождество Венеция всегда ограничивала его в еде, поскольку за праздничный стол садились вечером и она просто не могла смотреть, как он портит себе аппетит, расправляясь за пятичасовым чаем с громадным куском фруктового пирога.

– Мадам, не могли бы вы сказать уже сейчас, придет ли завтра на обед священник? – осведомилась миссис Дакхэм.

– Да, мистер Айчисон завтра обедает с нами. Может быть, пока вы здесь, прикинем, как мы сядем за столом? – Венеция подошла к своему столу и достала лист бумаги.

На плане Венеция выделила место своему застенчивому племяннику Морису рядом с давней подругой семьи Дафной Кингсли, мать Мориса Софи, любившую отпускать колкости, устроила рядом с отцом Айчисоном, в надежде на то, что ему легче будет переносить ее, если не из-за правил приличия, то благодаря христианским убеждениям. Обри она разместила между Дафной и Далси, а Тею – рядом с молодым Джеком Кингсли, поскольку Венеция возлагала на него большие надежды. Отец Джека Роберт оказался между ней и Далси. Он находил девушку очаровательной.

Венеции очень хотелось, чтобы Тея и Джек понравились друг другу. На самом деле все время, с тех пор как вышла за Ральфа, она постоянно ждала случая, воспользовавшись которым их семья могла бы наконец стать обычной семьей, вхожей в приличное общество. Но пока ничего не получалось. Миссис Дакхэм взглянула на план и проворчала:

– Очень хорошо, мадам. Я только надеюсь, что вы запомнили то, что я сказала вам о гусях. Если на всех не хватит, я не виновата.

– Ни у кого и в мыслях нет винить вас, миссис Дакхэм. Прошу вас, не расстраивайтесь, я уверена и в вас, и в гусях. – У Венеции на губах появилась очаровательная улыбка, она отвернулась, давая этим понять, что беседа окончена.

Услышав, что дверь закрылась, она подошла к окну и раздвинула шторы. Дворик за окном стал меньше, съездившись под снегом, который падал с низкого серо-голубого неба. Была только половина четвертого, но уже наступили синие сумерки. Краски померкли. Пока она стояла у окна, загнипнотизированная плавным движением сверкающих снежинок, из-за поворота на дороге показалась телега с рождественской елкой. Уильям Роулз вел под узцы пони, а молодой Джордж шел позади, придерживая ствол. За телегой, держась одной рукой за ветви, а другой прижимая к рулю шляпу, ехала на велосипеде ее дочь Тея. На ее темных спутанных волосах лежали белые снежинки.

Тея увидела мать в окне библиотеки и помахала ей. Венеция тоже махнула в ответ. Несмотря на разделявшие их окно, снег и сгущающиеся сумерки, Тея восхитилась грацией

матери. В обрамлении высокого окна она казалась серебряной иконой. Сколько Тея помнила себя, красота матери всегда сияла нежным серебром. Ее мягкие волосы были светло-пепельными, кожа – белой, светящейся. Даже в голосе, который она никогда не повышала, слышался серебряный звон.

Ни одной женщиной Тея не восхищалась так, как матерью. Венеция всегда была готова понять любого, обладала стойкостью и самоотречением, в отличие от Теи, как ей самой казалось. Венеция была красива духом так же, как и прекрасна внешне. Она была воплощением мира, порядка, воли и мягкости. В детстве заходившие к ним дамы казались Тее кораблями – величественные, проплывающие мимо в высоких, как корабельные трубы, шляпах. Среди них мать была похожа на грациозную яхту с высокими мачтами и поднятыми парусами, скользящую по залитому солнцем морю. Пока Тея смотрела на нее, Венеция отошла от окна, подняла руки и голову, задергивая шторы. На секунду она стала похожа на бабочку на фоне горящего позади нее огня камина, почти прозрачную, приколотую за распахнутые крылья. Шторы закрылись, и Тея почувствовала, что становится холодно и темно. Она пошла в дом.

Далси Теннант сходила на шоу «Привет, регтайм». После этого посмотрела еще «Привет, танго» и несколько других модных постановок, но наибольшее впечатление произвела на нее первая. Теперь она жалела о том, что не знала такого культурного развлечения раньше. Премьера шоу состоялась 13 декабря прошлого года на лондонском ипподроме, и, когда они с Венецией приехали на несколько дней в Лондон и заказали билеты на постановку, шоу шло уже несколько месяцев. Даже сейчас воспоминание о том волшебном вечере заставляло ее сердце биться чаще. В пьесе было все, чего Далси хотела от жизни, – радость, красота и даже – Далси улыбнулась про себя – сентиментальность.

Она посмотрела в зеркало. Далси проводила немало времени, тщательно изучая свое лицо, словно пытаясь прочесть на нем свою судьбу. В отличие от Теи Далси была влюблена в свою внешность. Единственное, что ее волновало, так это то, что она не сумеет или ей не представится возможность извлечь выгоду из своих очевидных положительных качеств. Ей было очень, очень скучно. Той, для кого казалось жизненно важным выглядеть очаровательнее, моложе, умнее остальных, не с кем было сравнивать себя здесь, в этом провинциальном Кенте. Стремление Далси к триумфу постоянно наталкивалось на преграды.

Далси была маленькой и изящной. Раньше, сознавая это, она не находила себе покоя, поскольку видела вокруг примеры того, какой должна быть настоящая женщина – статной, полногрудой и величавой. Но шоу «Привет, регтайм» вселило в нее надежду. Там она увидела новый тип женщины – дерзкой, длинноногой, похожей на мальчишку, со страстными, влекущими глазами. Далси до сих пор с замиранием сердца вспоминала эпизод, когда под барабанную дробь Ширли Келлог вывела на сцену свой веселый кордебалет, наряженный гусарами, в высоких щегольских сапогах, в мини-юбках с голыми коленями! Пара за парой стройные ноги высоко поднимались в марше под восхитительный ритм. Она помнила, как одобрительно зашумели и зааплодировали мужчины и как покраснели, завидуя танцовщицам, дамы. Далси, конечно, не покраснела, но она позавидовала.

Ее размышления были прерваны шагами в коридоре. Дверь распахнулась, и в комнату ворвалась Тея. Далси не обернулась, а лишь посмотрела на ее отражение в зеркале. Она смерила сестру взглядом, который долго совершенствовалась: слегка расширенные, как у кошки, глаза и чуть поджатые губы. Этот взгляд казался ей привлекательным, провоцирующим и изысканным. Но, как она и предполагала, сестре не было никакого дела до ее взглядов.

– Далси, елку привезли! Ее уже ставят в гостиной, пойдем посмотрим.

Далси медленно повернулась к ней и положила ногу на ногу.

– По-моему, каждый раз это происходит совершенно одинаково.

– Нет, в этом году она выше. Футов двенадцать. После чая мы должны ее все вместе нарядить, как всегда.

– Не думаю, что мы именно должны, – парировала Далси.

Ее раздражала неумная энергия сестры. Сама она стремилась как можно скорее стать женственной. Тея же, к ее удивлению, старалась придерживаться семейных традиций в поведении.

Тея видела, как сестра поджала губы, и это значило, что она будет упрямиться. Она села на край кровати, расстроенная отсутствием интереса у Далси. Нарядить елку всем вместе было старым обычаем, который Тея свято хранила. При этом в ней крепла уверенность, что она никогда не встретит человека, который сможет занять место ее родных. Она положила большие, красивые, мокрые от растаявшего снега руки на колени и опустила глаза. Далси взглянула на мокрое пятно, появившееся на ковре вокруг ботинок сестры, и снова повернулась к зеркалу.

– Где ты была? – спросила она. – Тебя застала метель?

– Я была на улице, но никакой метели нет. Идет прекрасный мягкий снег.

– И куда же ты ходила?

– К Гирдлеру. Отправляла письмо.

– Тея, ну кто же отправляет письма в сочельник?

– То же самое сказал мистер Гирдлер.

– Он прав.

– Но это было мое заявление о приеме в секретарский колледж. Ты ведь знаешь, неделю назад мне прислали оттуда анкету. – Тея снова оживилась. – Знаешь, я бы просто не смогла заполнить ее и оставить здесь. Мне хотелось отослать его как можно скорее, почувствовать, что я сделала нечто нужное. Мне кажется, что если я в ближайшее время не начну работать, то сойду с ума. Мне здесь нравится, но хочется заняться делом и быть полезной.

– Я знаю, дорогая, и надеюсь, у тебя все получится. Если тебя это успокоит, то скажу, что ты занята куда больше меня. Ты, по крайней мере, помогаешь в школе, пишешь свои статьи и делаешь многое другое. Того, к чему стремлюсь я, достичь гораздо труднее.

– Чепуха. – Тея тут же потеплела и положила сестре на плечо руку. – Ты прекрасно знаешь, что со временем станешь украшением общества. Как мама.

– Как мама до тех пор, пока не вышла замуж за папу, – добавила Далси.

Поскольку она была несколько старомодна, ее отношение к женитьбе родителей совпадало с мнением викторианского общества. Она не могла не любить отца, но втайне ей было все-таки обидно, что ее мать, со всеми ее данными, не сделала более достойного выбора, не вышла за человека из высшего общества, в которое потом он мог бы с легкостью ввести и ее, свою дочь. Представив дочерей лишь однажды, Ральф считал, что выполнил свой долг перед обществом. Он искренне не понимал удовольствий и преимуществ балов, обедов, вечеринок и подобных мероприятий. Сам того не понимая, он поступал по-настоящему жестоко по отношению к своей младшей дочери. Ее угнетала его эксцентричность. Но вместе с тем в ней крепла уверенность, что она обязательно войдет в высший свет. Она будет привлекать внимание всех. С ней будут считаться.

Тея потрясла сестру за плечо.

– Будешь дуться? – Она поднялась. – Перестань хандрить. Пойдем посмотрим елку. Это тебя отвлечет.

– Я не дуюсь.

– Значит, замечталась.

– Ради бога, Тея, перестань командовать!

Взрыв эмоций Далси порадовал Тею. Это было привычнее напускного светского лоска. Она улыбнулась, глядя на отражение сердитого лица Далси, и вышла в коридор. В тот же миг в дальнем конце коридора из комнаты появился ее кузен Морис Максвелл.

– Морис! – радостно воскликнула Тея. – Ты вернулся! – Она бросилась к нему, повисла у него на шее, расцеловала в обе щеки.

Морис смущенно улыбнулся и погладил ее по спине.

– Как видишь.

Возвращение домой всегда вызывало у Мориса смешанные чувства, именно поэтому он старался оставаться в Кембридже как можно дольше.

Больше всего его страшила встреча с матерью. Когда он приехал, она, как и обычно в этот час, отдыхала у себя в комнате, и он порадовался, что увидится с ней только за чаем и встреча будет смягчена присутствием всей семьи. Его мать всегда была олицетворением сбывающихся пророчеств, поскольку, если страдание твое кредо, для него появляется множество причин. Морису пришлось научиться нести бремя печали еще в том возрасте, когда большинство детей уверены, что их родители в состоянии справиться с любым горем. Преждевременная кончина безупречного мужа Софи и последовавший за этим переезд ее и Мориса в Кент, в дом брата Ральфа, лишь усилили извечное чувство печали у Софи.

В Кембридже Морис впервые почувствовал себя счастливым. Там он был среди людей, разделявших его взгляды и интересы. Они не хотели, чтобы он изменился, некоторые даже восхищались им. Самые лучшие часы своей жизни он провел с товарищами, наслаждаясь приятной беседой и чаем с тостами у замерзшего окна своей комнаты, за которым сгушались сумерки.

Но потом в конце семестра нужно было возвращаться в Чилвертон-Хаус. По дороге домой со станции он всегда испытывал крайнее беспокойство, от которого сосало под ложечкой, как это было в первый раз, когда он здесь оказался. Тогда Морису было двенадцать лет, и тогда, как, впрочем, и сейчас, он был невысоким, бледным, худеньким мальчиком с копной прямых непослушных волос и беспокойными, близорукими глазами за круглыми стеклами очков. Он всегда прекрасно осознавал свои физические недостатки. И когда впервые ехал в Чилвертон-Хаус, больше всего его беспокоило то, что Теннанты славились своей красотой.

Первый взгляд на дом ни в коей мере не придал ему храбрости. Дом не был ни большим, ни величественным, скорее его можно было назвать внушительным. Все здесь говорило об уверенности его хозяев в себе. Из-за отражавшегося в высоких окнах света бледного весеннего солнца казалось, что дом живет своей, отдельной жизнью. Он стоял у подножия лесистого холма, вокруг простирались земельные угодья, в небо возносились высокие печные трубы. «Смотри на меня, юный Морис, – словно говорил дом, – и готовься к тому, что я буду властвовать над тобой».

И над Морисом, конечно же, властвовали, хотя и с чрезвычайной добротой. Тетушка Венеция оказалась милейшей женщиной; стоило ей с ним заговорить, как он краснел и начинал заикаться от волнения. Дядюшка Ральф, известный своей прямоотой, похоже, был полон сочувствия. Что же касалось его неожиданных вопросов и пытливого пронизательного взгляда, с этим Морис мог смириться, поскольку к подобным вещам привык с детства.

Жили здесь и две его кузины. Далси – тогда маленькая шестилетняя кокетка, которую он, к своему стыду, боялся, была настоящей террористкой. Она относилась к тому типу детей, которые инстинктивно чувствуют жертву, коей и стал Морис. Это не имело ничего общего с его зависимым положением. Он стал жертвой, потому что был бледным, неуклюжим, любил читать и потому, что его откровенно беспокоило чужое мнение. Далси могла утащить его брюки, перепачкать воротничок, а за столом безжалостно подменить его ножи ложками. Но его всегда спасала Тея.

Иногда Морису казалось, что он не перестанет испытывать благодарность к Тее, проживи они вместе хоть сотню лет. Сразу же, как только он появился в доме, она стала ему другом и хранительницей его достоинства и нормального психического состояния, никому другому

этого не удавалось. Уже тогда она обогнала его в росте, хотя и была двумя годами младше. Густая копна черных волос спадала ей на спину. Она была похожа на отца, те же правильные черты лица, красивые черные брови, прямой нос и волевой подбородок. Тея казалась слишком высокой, чтобы ходить в коротком платьице, передничке и полосатых носках. Далси же в таком наряде выглядела просто восхитительно.

Но хуже всех был, как всегда, его кузен Обри, двумя годами старше Мориса. Когда Морис приехал в первый раз, Обри был в колледже в Мальборо, куда Морис тоже должен был уехать в следующем семестре. Морис не мог вспоминать их первую встречу без содрогания. Сверху из окна он видел, как к дому с фырканьем подъехал автомобиль и остановился у входа в дом. Шофер открыл перед Обри дверь, а затем вытащил с заднего сиденья его вещи. Морис испуганно смотрел на сильного рослого мальчика, выходящего из машины и холодно обнимающего мать. Затем они под руку вошли в дом, и Морис понял, что ему нужно спуститься и представиться.

– Привет, Морис. – Венеция нежно взяла обоих мальчиков за плечи и повернула их друг к другу. – Обри, дорогой, это твой кузен Морис. Теперь он живет с нами, надеюсь, вы поладите.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

Мальчики обменялись рукопожатиями. Обри без всякого удовольствия на секунду сжал ладонь Мориса, который взглянул на его ничего не выражающее лицо: круглое, спокойное лицо конформиста, с глубоко посаженными серыми глазами. Он был коротко подстрижен и аккуратно причесан.

– Не возражаешь, если пойду к себе? – спросил Обри у матери, словно пытаясь освободиться от некой неприятной, но необходимой обязанности.

– Конечно, дорогой, ты, должно быть, устал. Я надеюсь, мальчики, что за каникулы вы подружитесь. Морису будет приятно, если в колледже, куда он пойдет осенью, у него будет друг.

Но, оказавшись в Мальборо, Морис никогда не чувствовал, что у него есть друг. Во время каникул Обри был безупречно вежлив, но не более того. И Морис, не желая показаться навязчивым, проводил долгие часы в своей комнате за чтением. В колледже они занимались в разных аудиториях. Их общение Обри свел до минимума. Нельзя сказать, что Морис был в колледже несчастен. Чтобы быть несчастным, нужно сначала испытать счастье, а за всю свою недолгую жизнь Морис еще никогда не был счастлив. Он просто старался не привлекать внимания к своим слабостям. Его мечом и доспехами были его способности, а поскольку он был добродушен и казался немного не от мира сего, другие ученики к нему не приставали. К нему приклеили ярлык зубрилы и оставили в покое.

Честно говоря, Обри также не увлек водоворот жизни колледжа. Он был тружеником, добросовестным и исполнительным, каким и должна быть опора общества. Он не блистал ни у доски, ни на спортивной площадке, но обладал неоспоримым авторитетом, из него получился прекрасный староста, сила, с которой считались. Возможно, он был несколько угрюм, но никогда не становился объектом насмешек.

И за эти долгие трудные юношеские годы Морис понял, что им с Обри никогда не стать друзьями. Несмотря на всю разницу их характеров, в одном они были схожи – им было сложно общаться со сверстниками. Поэтому они шли каждый своей дорогой, словно по берегам узкой речки, время от времени поглядывая друг на друга, но не пытаясь построить мост.

Теперь Морис вернулся на Рождество домой и был несказанно рад, что спускается по лестнице не один, а с Теей, которая держала его за руку. Как всегда, ему показалось, что семья Теннант собирается с силами. Он откровенно страшился этих обязательных семейных торжеств. Единственное, чего Морис хотел от жизни, – это чтобы ему позволили идти своей дорогой, не доставляя никому хлопот.

Когда он с девочками спустился вниз, послышался рев и грохот дядюшкиной машины, мчавшейся по гравиевой дорожке. Он понял, что началось Рождество.

– Миссис Теннант просит подать ей чай в библиотеку! – крикнула Примми, горничная Теннантов, сбегая по черной лестнице в кухню.

Поскольку наступало Рождество, вернулся хозяин, в гостиной установлена елка, она перепрыгнула через три ступеньки и едва не столкнулась с Джоан, тучной помощницей кухарки, которая несла в кладовую целую гору пирожков.

– С ума сошла! Соображаешь, что делаешь? Я чуть все не рассыпала.

– Прости. Но ты ведь не рассыпала. Значит, ничего страшного.

Джоан поджала губы и скрылась в кладовке. Примми вбежала в кухню. Там витал божественный аромат пекущихся сладостей и сочных фруктов. Миссис Дакхэм стояла у большого поцарапанного деревянного стола и делала последние штрихи на рождественском пироге, покрывая его глазурью. Ее мастерство не могло не вызвать восхищения. Нож в ее руках казался живым – он то вертелся и покачивался, то вдруг, подобно хищной птице, устремлялся вниз. Пирог был просто верхом совершенства.

– Выглядит неплохо, миссис Дакхэм, – сказала Примми, поставив локти на стол и подперев подбородок кулаками. – Дайте мне лизнуть.

– И не думай. Как тебе это в голову взбрело?

Тон миссис Дакхэм был резким, но Примми, эта веселая умелая девушка, ей нравилась, и, закончив с пирогом, она протянула ей нож. Примми облила его.

– Просто наслаждение, миссис Дакхэм, если можно так выразиться, – произнесла Примми, передразнивая хозяйина.

На сей раз, правда, она не стала ждать реакции на ее слова кухарки, так как знала, что та не одобрит ее поведения. Примми осторожно заглянула в комнату, где отдыхали слуги. У очага стояли дворецкий Коллингвуд и шофер мистера Теннанта Эдгар. Последний протянул руки к огню, его плечи были мокрыми от растившего снега. У автомобиля можно было поднять верх, но мистер Теннант никогда не прерывал поездку ради этого. Примми эта причуда казалась забавной, впрочем, ей, в отличие от Эдгара, не нужно было ездить на станцию в любую погоду.

Коллингвуд, тучный мужчина с напоминающей яйцо гладкой округлой головой, обернулся и увидел Примми.

– Тебе нечем заняться, Примроуз? – Его голос вполне соответствовал внешности.

– Нечем, мистер Коллингвуд.

– Миссис Дакхэм, – обратился Коллингвуд к кухарке, пройдя мимо Примми. – У вас наверняка найдется работа для праздных рук.

– Конечно, найдется. Иди сюда, детка. Помоги Джоан приготовить поднос с чаем.

Примми посмотрела на Эдгара. Он поджал губы и сочувственно покачал головой. Примми принялась проворно сервировать поднос для чая. Она была в приподнятом настроении.

– После чая будут наряжать елку, – сообщила она. – А нам можно будет помочь?

– Конечно нет, – ответила миссис Дакхэм. – Они всегда это делают сами, и в этом году все будет как обычно.

Миссис Дакхэм всегда недоумевала, как может нравиться ее хозяевам качаться на этой шаткой стремянке и царапать лица только ради того, чтобы украсить это языческое растение, впрочем, ее мнения никто не спрашивал.

– Я пойду посмотрю, – решила Примми.

– Тебе нельзя, – сказала консервативная Джоан.

– Кто это сказал?

– Тебя не приглашали.

– Никто не станет возражать.

– Ты никуда не пойдешь, пока все не будет сделано здесь, – отрезал Коллингвуд. – Поднос готов?

– Да, мистер Коллингвуд. – Слова Примми были уважительными, но голос – дерзким. – Вот этот с чаем, а этот с едой. Какой нести мне?

– Сможешь отнести чай? Поднос не тяжелый, но нести надо осторожно.

Примми бросила на него уничижительный взгляд. Она гордилась тем, что выполняет свою работу хорошо. Всю, какую бы ей ни поручили. Ее легкомыслие было просто признаком скуки от всего, что ей приходилось делать. Она прикусила язык, взяла большой поднос и стала ждать, пока Коллингвуд надевал свой черный пиджак и нервно поправлял его на плечах. Затем он взял второй поднос с булочками, эклерами, шоколадным тортом в виде большого полена, рождественским пирогом и величественно двинулся вверх по лестнице. Примми последовала за ним.

Примми поступила на работу в дом Теннантов, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Они тогда еще жили в Лондоне. Примми была очень умной и способной девочкой (как постоянно повторяла ее мать в разговоре с миссис Теннант). Она была старшей из пяти детей и поэтому знала, что такое ответственность, хотя ее расчетливая натура и врожденные амбиции были куда сильнее этого замечательного качества. Она не хотела идти в прислуги, но ее матери, властной женщине, всю жизнь проработавшей прачкой, нужно было иметь на один рот меньше. В то время место горничной было самым подходящим и безопасным для девочки такого возраста и с такими навыками, как у Примми. Она была достаточно проницательна и поняла, что в открытой стычке мать все равно одержит победу, к тому же хорошую работу ей все равно не получить, поскольку у нее недостаточно опыта. Вскоре она сообразила, что раз уж она и должна работать у кого-то на кухне, то пусть это будет кухня Теннантов. На Рейнлаф-Роуд, 20 ей открылись преимущества образования, либерального мышления и несогласия с обществом – всего того, чего жаждала ее душа.

С самого начала Примми старалась заслужить повышение. Она была умелой, исполнительской, предприимчивой. Если ее и раздражало, что нужно вставать в половине шестого, или успеть протереть до восьми утра шесть каминных решеток, или размешивать раствор для чистки серебра, пока не потемнеет в глазах, а руки не станут шершавыми, как наждак, она начинала думать о цели своей жизни.

Ей нравилось одиночество. Примми отваживала поклонников и занималась только делами. В детстве она была лидером, первой на улице, неизменной заводилой всех ребячьих игр. Но даже будучи таким сорванцом, сначала всегда делала то, о чем ее просили. Вся ее жизнь была посвящена тому, чтобы достичь в жизни как можно большего.

Ральф Теннант казался ей рыцарем в сияющих доспехах. Он был единственным человеком, которым она открыто восхищалась. Ей нравилась его оригинальность, а внешность просто ослепляла ее. К тому же он разрешал Примми брать книги, спрашивал ее мнение по поводу самых разных вещей и однажды даже поинтересовался, что она смотрела в мюзик-холле в выходные. Иными словами, он всячески поощрял свободомыслие горничной, чего не стал бы делать ни один хозяин.

Несомненно, Примми шагнула на ступень лестницы, ведущей вверх. Теперь она понимала: приближается время, когда на небосклоне засияет ее звезда. Повсюду шумели ветры перемен. Примми чувствовала их соблазнительное дыхание у себя на щеке и стремилась показывать себя на работе с самой лучшей стороны. Именно это ощущение будущих приключений было одной из причин ее возбуждения в этот сочельник. «Следующий год, – думала Примроуз Дилкес, – станет моим».

Теннанты собрались в гостиной, чтобы вместе наряжать елку. По этому случаю там зажгли камин. Все согласилось, что елка просто чудесная. Ее светло-зеленая макушка доста-

вала почти до перил площадки между этажами, ветви были размашистыми, как у пушистой пагоды. Тея носила с чердака коробки с елочными украшениями. Роулзы принесли две стремянки. Тея любила начинать с самого верха. Сейчас она шарила в одной из коробок в поисках звезды. Далси, пришедшая сюда без всякого желания, теперь оттаяла и тоже открыла одну из коробок. Морис и Обри стояли в стороне. Морис с удовольствием помог бы Тее, но чувствовал, что было бы невежливо оставить Обри после того, как не видел его два или три месяца. Обри попыхивал трубкой.

Венеция и Софи сидели у камина, на коленях Софи лежало рукоделие. Ральф Теннант стоял с сияющими глазами спиной к огню, широко расставив ноги и слегка покачиваясь на носках. Он с детства не умел отдыхать. При виде своей собравшейся семьи он приходил в восторг, что и сам считал рудиментом гордости времен патриархата. «У нас чертовски красивая семья, – подумал он, – а если у кого есть недостатки во внешности, – он взглянул на Мориса, – то это компенсируется мозгами».

– Давайте, мисс! – вдруг рявкнул он Тее. – Залезайте на лестницу повыше и наденьте звезду на макушку. Мы знаем, вам уже не терпится.

– Это вам не терпится посмотреть, как я упаду, – рассмеялась Тея. – Но ведь надо же когда-нибудь это сделать. Обри, будь так любезен, поддержи эту штуковину снизу. Ладно?

– Хорошо. – Обри подошел и взялся за ножки лестницы. В зубах он по-прежнему держал трубку.

– Только не говори, что боишься! – крикнул Ральф. – В детстве ты научилась лазать вверх-вниз, как обезьянка.

– Может, и так, но теперь я не ребенок, и, пожалуйста, не отвлекайте меня. – Из-за лестницы показалось веселое, чуть взволнованное лицо Теи. – Тогда я еще не носила длинных юбок и дурацких ботинок.

– Тея, милая...

Венеция сделала замечание скорее для приличия, чем в надежде добиться какого-то результата. Она взглянула на Софи, та покачала головой.

– Они очень радуются, – сказала Венеция. – Особенно Тея. Она любит Рождество.

– Я знаю, – кивнула Софи. – Я знаю, вы все его любите. – Этим она дала понять, что сама терпеть его не может. – Знаешь, – вдруг добавила она, – на прошлой неделе я ездила в Брумли, чтобы купить этот образец для вышивки, и видела там суфражисток¹. Совсем забыла рассказать.

Ральф взглянул на сестру, поразившись ее необычно оживленному тону.

– Боже! Ты к ним не присоединилась?

– Ральф! – укоризненно глянула на него Венеция. – И что же они делали?

– Они стояли у здания парламента. У них были плакаты, и они раздавали листовки. Одна дама била в барабан, а другая обращалась с речью к прохожим. Было ужасно шумно. Мы чуть не оглохли.

– Кто это «мы»? – поинтересовался Ральф.

– Простые люди, конечно.

Ральф запрокинул голову и разразился громким хохотом.

– Выходит, дорогая сестра, что есть ты, я, суфражистки и простые люди. Тебе не стоит так поспешно разбивать людей на группы.

– Я буду разбивать на группы кого захочу и как захочу. – На щеках Софи появился опасный румянец. – Некоторые из этих суфражисток просто девчонки, которым вместо того, чтобы

¹ Суфражистка – участница женского движения за предоставление женщинам одинаковых избирательных прав с мужчинами.

выступать на улице, следовало бы сидеть дома с родителями. Были там и дамы постарше, которым уже следовало бы поумнеть.

Ральф нагнулся, уперся руками в колени и посмотрел сестре в глаза.

– Наверное, то же самое они подумали и про тебя. Они, очевидно, решили: вот этой пожилой леди уже следовало поумнеть. Давайте посильней ударим в барабан, смутим ее, а потом подсунем памфлет об избирательных правах женщин.

– Довольно шуток. Ты ведь знаешь, что некоторые методы, к которым прибегают эти женщины, просто безумны. Преступно безумны. Тебе это известно ничуть не хуже, чем мне.

– Конечно, то, что они бросают камни в окна политических деятелей и совершают самоубийства на глазах у всех, никак не поможет им в достижении цели. Но сама цель не становится от этого преступнее.

Они посмотрели друг на друга как непримиримые политические противники. В разговор вмешалась Венеция:

– Знаете, этим очень интересуется Тея. Андреа Саттон рассказала ей о группе в Фулхэме. По-моему, она не участвует в этом только потому, что живет здесь, в деревне. После того как она поступит в колледж, это станет просто вопросом времени.

– Да помогут небеса правительству его величества, когда она туда поступит, – весело заключил Ральф. – Я всегда придерживался мнения, что, когда Тея направит свой необузданный энтузиазм на что-нибудь стоящее, остановить ее будет невозможно.

– Она может и влюбиться, – нежно произнесла Венеция, посмотрев на стоящих у елки. – И тогда ей станет безразлично, есть у нее избирательные права или нет.

– К черту любовь! – прорычал Ральф, вся жизнь которого была примером того, как сильно может быть это чувство. – У Теи есть все, чтобы стать великой женщиной.

– Великая женщина, – убежденно сказала Софи, – та, которая с благодарностью выполняет предначертанный ей Богом долг, ни на что не жалуясь, и по возможности дает силы великому мужчине.

Это уже было слишком для Ральфа. На мгновение он закрыл глаза, словно молясь о терпении и снисходительности, молитва, впрочем, всегда оставалась не услышанной. Он направился к елке.

– Далси, дорогая, прояви щедрость, повесь побольше мишуры.

– Но елка не должна выглядеть безвкусно.

– А кто тебе сказал, как она должна выглядеть? Пусть она сверкает, поражает ослепительным блеском, как танцовщица в мюзик-холле, который так тебе нравится.

Далси не смогла сдержать улыбку.

– Ты ведь у нас чертовски хороша? – задал он риторический вопрос. – А может, посадим на верхушку крошку Далси?

Он подошел к лестнице. Теперь Морис помогал Обри держать стремянку, поскольку Тея спустилась на несколько ступеней и опасно наклонилась, пытаясь повесить на самый конец ветки игрушку в виде сосульки. Оба молодых человека смотрели на нее: Обри с братской терпимостью, Морис – с нескрываемым восхищением и волнением. Сам он не переносил высоты, и даже одного взгляда на стоящую на стремянке Тею было достаточно, чтобы у него закружилась голова. Обри взглянул на отца:

– Что заставило Роулзов привезти такую огромную елку? Она заняла всю гостиную.

– Прекрасная елка.

– По-моему, слишком большая. И Тея еще не прочь рискнуть своей шеей.

– Не прочь.

Сверху раздался голос Теи:

– Не могли бы вы уделить мне немного внимания и подать вон те игрушки, пока я здесь?

– Сейчас. – Морис бросился к коробке. – Возьми.

– Спасибо. Я сейчас закончу эту сторону, и вы меня повернете.

– Лучше слезь, а мы переставим лестницу, – предложил Обри. – Опасно поворачивать ее, пока ты на ней.

– Ладно. Хорошо, хорошо.

Ральф улыбнулся беспокойству сына и нетерпению дочери. Он взглянул на Мориса:

– Как учеба?

– Спасибо, дядя. Очень интересно.

– Хорошо. Я бы не стал спрашивать, будь ты таким же радостным, как остальные. Но под радостью мы с тобой понимаем нечто совсем другое. Но я рад, что тебе хорошо.

– Спасибо.

Морис уже не в первый раз подумал, что его строгий на вид дядя на самом деле чуткий и добрый.

Теперь Ральф заметил стройную фигуру, стоявшую в дверях черной лестницы.

– О, Примми! Пришла взглянуть на елку?

– Она такая красивая, сэр.

– Тебе не кажется, что слишком высока?

– Нет, сэр. Очень праздничная.

– Очень праздничная, вы слышали? Совершенно верно, девочка, она чертовски праздничная. Хочешь помочь?

– Да, сэр, если можно.

– Тогда за дело.

Ральф занял свое прежнее место у камина. Примми поймала на себе взгляд Венеции.

– Мадам?

– Все в порядке, Примми. Мы рады, что ты нам поможешь.

– Спасибо, мадам.

Примми, как и все домочадцы, знала, что отдавал распоряжения всегда мистер Теннант, но миссис Теннант обязательно должна была одобрить. Примми восхищалась своим хозяином, но также уважала хозяйку за ее доброту и спокойствие.

– Я слезаю! – крикнула Тея. – Кто-нибудь еще хочет залезть наверх?

– Спасибо. Лично я воздержусь, – сказал Обри.

– Далси?

– Не полезу, даже если мне заплатят.

– Прости, я не переносу высоты. – Морис подал Тею руку, чтобы помочь ей спуститься. – А как Примми?

– Примми! Отличная мысль. Ты наверняка не прочь залезть на стремянку.

– Конечно, мисс. Но вы уверены, что больше никому не хочется... – Примми была совершенно в этом убеждена, но тем не менее подобное предложение было сделать необходимо.

– Ты же слышала, что они ответили! – воскликнула Тея. – Мужчины такие трусы.

– Хорошо, мисс, я полезу.

Морис, глядя в спину Примми, которая уже карабкалась наверх, держась за ступени одной рукой, а другой придерживая черную юбку, испытал неожиданное волнение. Он и раньше замечал это за собой, когда смотрел вслед девушке, спешащей по своим делам. У нее была фигура, которую принято называть излишне стройной – худощавая, почти мальчишеская. Прямые линии платья подчеркивали ее изящество. Хрустящий фартук, всегда ослепительно-белый, был так накрахмален, что походил на доспехи. Но было что-то трогательное в широких лентах, пересекающих ее узкие плечи, и в большом, похожем на огромную бело-снежную бабочку банте над ее покачивающимися бедрами. Морис заметил, что в присутствии Примми у него всегда от волнения перехватывает горло и к лицу приливает кровь. Примми была наблюдательна, и это только усиливало его смущение. А что, если она понимает, какое

впечатление производит? Когда она смотрела на него, ее маленькое бледное кошачье личико всегда было спокойным, глаза холодными, губы плотно сжаты – просто образец достоинства. И все же, может быть, она его провоцировала? Он снял очки и принялся яростно их протирать.

– Мистер Морис?

По интонации Морис понял, что Примми окликает его уже не в первый раз. Он поднял глаза, быстро огляделся и с облегчением заметил, что все остальные находятся по другую сторону елки.

– Прости, Примми, что такое?

– Дайте мне, пожалуйста, вот это.

– Ах да, конечно.

Тея поддразнивала Обри:

– Как тебе понравился обед на заводе? Этот ужасный мистер Баргес предлагал тебе печенье?

В сочельник Ральф Теннант всегда устраивал на заводе рождественский обед. А мистер Баргес был мастером, которому Обри, в отличие от отца, упорно не доверял.

– Нет, не довелось. К счастью, я с ним ни разу не столкнулся.

– Обед всем понравился?

– Наверное... Не знаю. Это простая формальность, необходимый жест. Особенно в такое время, как сейчас. Мы должны ублажать рабочих.

– Ох, Обри! – Голубые глазки Далси насмешливо округлились, она расхохоталась. – Это ты, что ли, ублажал рабочих?

– Я делаю все, что в моих силах. И не пойму, черт возьми, что здесь смешного.

– Ладно, не дуйся! Мы вовсе не думали смеяться, – весело соврала Тея. – Просто вспомнили мистера Баргеса в его шляпе.

Они с Далси снова засмеялись, Обри тоже улыбнулся, но встретился взглядом с Морисом и быстро отвернулся.

Венеция смотрела на живописную картину, которую сейчас представляла собой ее семья. Повинуясь охватившим ее чувствам, она дотронулась до руки Ральфа и сжала ее.

– У нас будет прекрасное Рождество, – тихо проговорила она, словно давая себе обещание, непонятно почему, но ей было немного грустно.

Во дворе Джордж Роулз распряг пони и, сделав еще пару дел, которые поручил ему отец, заглянул в окно гостиной, где возле елки расположились Теннанты. Высокая мисс Тея в зеленой юбке сама была похожа на молодую елочку. У него сильно забило сердце. Он был горд оттого, что доставил ей радость, привезя эту елку, самую большую из всех, что когда-либо устанавливали в Чилвертон-Хаус. Самую большую и самую красивую.

Вдруг миссис Теннант встала и подошла к окну, чтобы задвинуть шторы. Джордж отпрянул. Шторы закрылись. Стало темно, лежавшие у стен дома сугробы светились причудливым отраженным светом. Покачиваясь и кружась, в воздухе плыли таинственные молчаливые снежинки, заглушая все звуки.

Джордж поднял воротник и отправился домой.

Глава 2

Утро рождественского дня выдалось мягким и ясным. Робкий солнечный свет прояснил небо, словно первая улыбка после слез. Казавшийся зловещим снег за несколько утренних часов был разбит наголову, и лишь в самых тенистых местах сохранились остатки некогда доблестной армии снежинок.

Тея несколько разочарованно смотрела в окно. Оттепель развеяла восхитительное предчувствие прошлой ночи. Огромный ком снега сполз с карниза над окном и рухнул на землю, словно подведя черту под прошедшими за ночь переменами.

Это испортило радостное рождественское настроение Теи. Но к тому времени, как она оделась и закончила битву со своими волосами, что по случаю праздника заняло у нее больше времени, чем обычно, у нее снова появилось предчувствие, что должно произойти что-то приятное. В конце концов, у нее впереди так много хорошего.

Наконец все семейство, за исключением Далси, собралось за столом к завтраку. Ральф, немного раздраженный, как всегда, если не успел просмотреть утреннюю газету, заметил, что Тея взглянула на пустующий стул.

– Сегодня твоя сестра отклонила предложение позавтракать, – сказал он. – С Рождеством.
– С Рождеством.

Тея поцеловала Венецию, встала, чтобы положить себе почек и бекона, и вернулась на свое место. Рядом с ней сидела Софи. Она была в сером. Нарядная праздничная одежда была сшита по высшему классу. Уже не в первый раз Тея подумала о том, как красива ее тетя и как ей к лицу серый цвет.

Но сам по себе серый цвет не придавал Софи праздничного настроения.

– Далси следовало бы позавтракать, тем более что мы собираемся в церковь и ланч будет поздно, – заметила она.

– Она часто не завтракает, – успокоила ее Тея. – Это для нее, похоже, не обязательно. У нее вообще не очень хороший аппетит.

– Тея, мы едим не для того, чтобы удовлетворять свой аппетит. Мы едим, чтобы поддерживать в себе силы. Будь Далси благоразумной, она вышла бы к завтраку.

Ральф со звоном поставил чашку на блюде.

– Кажется, ты боишься, что Далси может упасть в обморок прямо в церкви и вызвать переполох, – сказал он, глядя взглядом василиска на остатки чая в чашке. – Позволь тебя заверить, что этого не случится. Не переносу женщин, которые падают в обморок. У меня сильные дочери. Так что успокойся.

Венеция попыталась заглянуть мужу в глаза, но у нее ничего не вышло, поскольку теперь он с яростью вампира впился в тост. Тогда она, незаметно меняя тему разговора, что у нее всегда хорошо получалось, сказала:

– Нам нужно поторопиться, если мы хотим раздать подарки слугам до прихода гостей. Софи, платки просто изумительны.

– Спасибо, надеюсь, они понравятся всем.

– Обязательно. Прекрасная работа.

Тея наблюдала за тем, как мать успокаивала Софи, вежливо, привычно. Бедный Морис – как всегда, от подобных стычек страдал именно он – сидел прямо, опустив глаза, вцепившись руками в край стола, словно это была для него единственная опора в мире. Тея под столом легонько толкнула Мориса ногой. Он поднял взгляд. Тея улыбалась.

– С Рождеством.

Тем же утром, немного позже Примми открыла предназначавшуюся ей коробку. В ней оказался кружевной носовой платок от Софи и подарок хозяйки: отрез кружева кремового

цвета, на котором были вышиты пчелы на розах и гроздьях ежевики. Все слуги, прежде чем подняться наверх, сняли фартуки, и теперь на Примми было только черное платье. Она приложила кружево к плечам. Подарок был достоин настоящей леди. Кружево было самым лучшим, самым прекрасным, какое только можно купить. Не слишком много, но самого высшего качества. Она прижала его к щеке и закрыла глаза. Это был подарок из другого мира.

После вручения подарков семья снова разошлась. Тея отправилась в библиотеку и села за стол Ральфа. Она вытащила из правого верхнего ящика газеты и принялась их читать. Ей был приятен скромный успех ее статей в «Кантри компанион», и очередная была уже почти готова. Она чувствовала себя немного виноватой за то, что решила поработать в рождественское утро, но нужно было как-то убить целый час, к тому же она не любила оставлять работу незаконченной.

Тея посмотрела на каминные часы. Семья Кингсли должна прийти в половине одиннадцатого, чтобы сразу же всем вместе отправиться в церковь Эвхерста. Она снова взглянула на статью, прочла несколько строк и поняла, что работать не сможет. Вместо этого она с удивлением обнаружила, что думает о Джеке Кингсли.

Если в воображении Теи ее мать была олицетворением серебра, то Джек Кингсли казался ей красным, а красный – цвет опасности. Он был как братец Лис. Тея полагала, что мысли о нем тревожили ее, потому что он ей не нравился, а это огорчало ее еще больше, поскольку Тея не имела привычки не любить людей без всяких на то оснований. Так что к ее смущению добавлялось еще и чувство вины.

Впервые они встретились, когда ей было четырнадцать, а ему – восемнадцать, у дальнего конца живой изгороди. Они вместе со всеми возвращались с охоты, их спутники легко перескочили через изгородь, и она, с самоуверенностью, свойственной ранней юности, решила не обращать внимания на внутренний голос, говоривший ей, что препятствие слишком высоко, а всадница и лошадь – слишком неопытны.

Тея поспешила направить лошадь к изгороди и поняла, что та сбилась с шага, но все же совершила этот торопливый, безумный прыжок. Лошадь, приземляясь, споткнулась, и, хотя устояла на ногах, Тея не удержалась в седле и упала лицом вниз. Стоял январь, промерзшая земля была твердой как камень. Тея потеряла сознание.

Первое, что она увидела, когда открыла глаза, была лошадиная морда. Животное смотрело на нее, вытянув длинные губы, блестящие скошенные зрачки были окаймлены белыми полумесяцами. Это была не ее лошадь, ее спокойно стояла в нескольких метрах. Эта лошадь была настоящим пугалом – коротко постриженная грива, морда, похожая на кувалду.

Испугавшись, Тея отпрянула. Она почувствовала, что кровь отлила от лица и внутри все похолодело.

– Вам плохо? – услышала она приятный голос, и над уродливой лошадиной мордой появилось незнакомое ей лицо.

Тея покачала головой, но ее губы оставались сжатыми, она боялась, что это окажется неправдой. Молодой человек похлопал лошадь по шее, та попятилась, покачивая головой. Он спрыгнул на землю, снял перчатки и, наклонив Тее голову, осмотрел рану.

– Потерпите немного, – сказал он и полез в нагрудный карман куртки. Достал оттуда большой чистый платок, расправил его и стал вытирать ссадину на подбородке. Тея застонала от боли. – Потерпите, я только посмотрю.

Тея видела его внимательное, сосредоточенное лицо всего в нескольких дюймах от своего. Прикосновения носового платка со слабым запахом слюны напомнили ей, как она падала в детстве, когда гуляла с няней Доркас. Сейчас она была слишком слаба, чтобы возражать.

Молодой человек присел на корточки рядом с ней.

– Ничего страшного. Правда, завтра будет приличный синяк.

Он убрал платок, встал на ноги и, упершись руками в колени, внимательно посмотрел на нее. Узкое, чисто выбритое лицо с большим ртом и сжатыми губами. У него была светлая кожа, карие глаза, рыжевато-каштановые волосы. Он не был красавцем, но обладал той прирожденной элегантностью, которую можно увидеть на портретах фаворитов королевы Елизаветы. Под его невозмутимым пристальным взглядом Тея чувствовала, что нужно что-то сказать.

– Амира в порядке? – Тея кивнула в сторону лошади.

– Как видите, в полном.

– Вы ее остановили?

– Этого не потребовалось. Она встала сразу же после того, как вы решили прыгнуть.

Очень тактичное животное. Вам повезло, что вы ехали последней, иначе бы вас затоптали.

– Извините... – Тея дрожала и чуть не плакала. – Мне не надо было прыгать через эту изгородь. Какая я глупая.

– Не стоит об этом. Все мы время от времени теряем голову.

– Наверное, да. – Она взглянула на него, стараясь по выражению его лица понять, смеется он над ней или сочувствует. Но он отвел глаза, и она так ничего и не поняла. Тея оперлась рукой о землю, пытаясь подняться. – Мне нужно встать.

– Я вам помогу. – Он взял ее за руку.

Тея неуверенно поднялась. Молодой человек был на полголовы выше ее, так что ей не пришлось снова встретиться с ним взглядом. Вместо этого она сосредоточила все внимание на его серебряной булавке для галстука. На ней было изображение улыбающейся лисы.

– Вы сможете продолжить путь? – спросил он.

– Думаю, да. К тому же... – Ей на глаза снова навернулись ненавистные слезы. – Пешком до дома мне просто не дойти.

– А вам куда?

– В Чилвертон-Хаус.

– Так вы мисс Теннант.

– Меня зовут Тея... – Она припомнила полузабытый упрек матери. – Доротея.

– Джек Кингсли. – Он пожал ее слабую руку, что Тея посчитала в данной ситуации излишней формальностью. – Вы пропахали носом землю Кингсли.

– Ну, простите.

В первый раз за все время Джек улыбнулся, как бы извиняясь за то, что его шутка немного задела ее. Он подвел ее к Амуре, поддерживая под локоть.

– Вам повезло, что нога не застряла в стремени, – сказал Джек. – Тогда вы не только ободрали бы подбородок, но и сломали ногу.

– Я благодарна судьбе, что все обошлось. – Тея тоже улыбнулась, уже не чувствуя той неловкости, что вначале.

Джек посадил ее, Тея запрыгнула в седло и взяла поводья. У нее немного побаливала голова, но в целом ей стало гораздо лучше.

– Как вы? – Джек стоял рядом и смотрел на нее.

– Спасибо. Намного лучше.

– Не стоит благодарности. Я поеду за вами.

– Право, в этом нет необходимости. Я прекрасно доберусь сама. Если вы поедете со мной, то пропустите окончание охоты.

Джек пожал плечами.

– Я еду с вами.

Тея вовсе не была уверена в том, что ей хочется ехать до самого дома в обществе Кингсли, но он не собирался оставлять ее. Джек нашел шляпу Теи, отряхнул ее и протянул ей. Затем он вновь забрался на свою уродливую лошадь, которая тут же шарахнулась в сторону и прижала уши.

– Вы поедете первой? – спросил Джек.

Они молча ехали по узкой тропинке. По пути им никто не встретился, если не считать неожиданно выскочившей из-за живой изгороди лисы. Какую-то секунду она с неопишимым страхом смотрела на них, тяжело дыша, затем бросилась через тропинку и скрылась за изгородью с другой стороны. Встреча с существом, которое они травили всего несколько минут назад, потрясла Тею.

– Бедное животное, – сказала она, поклявшись про себя никогда больше не охотиться.

– Она умная. Смотрите, какой она сделала крюк. Теперь ее вряд ли поймают.

– Надеюсь, что так.

– Здесь слишком много лис, их необходимо отстреливать.

Тея почувствовала себя виноватой. До дома они больше не проронили ни единого слова.

Пока Тея сидела в библиотеке, погружившись в невеселые мысли, предмет ее раздумий выехал из своего дома. Обычно он не садился сам за руль, но сегодня у него было отличное настроение, его душа парила. От езды на автомобиле Джека охватила дрожь волнения, которую он надеялся когда-нибудь испытать по другой, менее материальной причине, но пока ему еще не представилось такой возможности.

Он закончил школу, хлебнул университетской жизни, путешествовал и занимался чем подobaет джентльмену из высшего света. Летом ездил в Каус и Хенли, охотился в Шотландии, играл в Биарритце. Но очень скоро подобная жизнь стала ему казаться скучной и удручающей, тогда он пошел служить в армию. Джек верил в свои потенциальные возможности стать хорошим офицером. Временами он испытывал такие приливы энергии, которой не было выхода, что ощущал почти физическую боль.

Джек криво усмехнулся, подумав, что всего пару лет назад был гвоздем сезона, мечтой каждой матери, у которой была дочка на выданье, жертвенным агнцем на многочисленных балах и вечеринках. Но теперь даже самые хищные родительницы не удостаивали его и взгляда. В свое время он не использовал свои возможности. Но теперь, как бы ни относилось к нему общество, он в состоянии сам позаботиться о себе.

Автомобиль достиг крутого холма, по которому проходила дорога в Вилд. Звук ревущего двигателя казался Джеку музыкой. Ему не терпелось показать новую машину Ральфу Теннанту, продемонстрировать ее достоинства, все достижения инженерной мысли и дизайнера. Его отец совершенно не интересовался автомобилями. Так же отчеливо, словно наяву, Джеку представлялось, как он будет катать Тею. Ее черные волосы вырываются из-под шляпы, восхищенно горят глаза, розовеют от ветра ее щеки... Но все же он прекрасно понимал, что эта картина так и останется в его воображении. Тее, которая любила весь мир и с легкостью дарила свою дружбу всем, даже тем, кто меньше всего этого заслуживал, он понравиться не мог.

Джек подумал «не мог», поскольку ему всегда казалось, что она старалась, делала все возможное, но у нее ничего не получалось. И вынести это было еще труднее. Он знал, что, наверное, кажется необщительным и жестким, но ничего не мог поделать. Все его попытки угодить ей ровным счетом ни к чему не приводили. В нем было нечто такое, с чем он не мог справиться, какой-то изъян характера или мышления, из-за чего Тея не могла относиться к нему тепло.

Дорога перевалила через поросший лесом гребень холма и побежала вниз, в долину, где и располагался Эвхерст. Среди вязов показались уютно дымящиеся трубы Чилвертон-Хаус. Машина, набирая скорость, покатила с холма, Джек наслаждался чистым и холодным, как родниковая вода, воздухом.

Поворот налево – и теперь дом стал виден целиком. Перед ним простиралась лужайка, по которой проходила гравиевая дорожка. С тех пор как семь лет назад Джек впервые увидел Чилвертон-Хаус, провозжая сюда Тею, он не мог смотреть на дом без восхищения. В этом месте

его жизнь, словно по волшебству, обретала смысл, здесь его одинокая душа грелась теплом этой семьи. Он был единственным ребенком у своих родителей, и семейная жизнь Теннантов казалась ему замечательной. Достойным восхищения было уже то, что под одной крышей жили семь человек. Ему самому были незнакомы эти простые и вольные отношения между братьями и сестрами, их искренняя и бескорыстная любовь. И даже на вечное недовольство Мориса и на споры Ральфа и Софи он смотрел с восхищением. Но чаще всего он думал, конечно, о Тее.

Джек свернул на дорожку, ведущую к дому, двигатель взревел, возвещая о его прибытии, когда шины захрустели по гравии, дверь открылась и ему навстречу по ступеням сбежала Далси.

Далси нравилась Джеку, что, по его мнению, противоречило здравому смыслу. Она была неисправимой, но восхитительной, чрезвычайно светской и трогательно невинной, часто озабоченной, но не угрюмой. Более того, она прямо-таки восхищалась и завидовала тем эпизодам его жизни, которых он сам несколько стыдился, всех этих вечеринок, балов и прочей светской жизни. Казалось, то, что легко далось ему, значило бы для Далси все. Ей нужно было совсем немного для счастья: выход в свет и чуть-чуть легкомыслия, которое в большинстве девушек воспринимается как должное.

Этим утром она была красива, словно сошла с картины, в кремовой блузке с высоким воротником, с жемчужным ожерельем на шее и в синей шерстяной юбке с поясом и двумя большими перламутровыми пуговицами на талии. Она светила от радости, и Джек сразу же успокоился. Далси была похожа на капризного ребенка, от чьего изменчивого настроения зависело спокойствие сложного взрослого мира.

Теперь она подбежала к машине и послала ему воздушный поцелуй.

– Джек, ты купил новую машину! Или это рождественский подарок какой-нибудь богатой красавицы?

Джек улыбнулся:

– Конечно нет. Ты ведь знаешь, я не вожу дружбу с подобными леди. По крайней мере, – он слегка поклонился, – с такими богатыми.

– Вы так любезны, сэр, так любезны. – Далси обошла машину, проводя рукой по ее сверкающему боку. – Она быстро ездит?

– До тридцати миль в час.

– Боже! А ты меня покатаешь?

– Посмотрим. А где все?

– В доме. Пошли! А где твои родители?

– Едут в экипаже. Сейчас, наверное, они где-то в Вилде. Они подъедут к тому времени, как нам надо будет идти в церковь.

Далси скорчила гримасу и, взяв его под руку, повела к дому. Понизив голос чуть ли не до шепота, сказала:

– Церковь – это так скучно.

– Видишь ли, Рождество не просто шумная гулянка.

– Не будь старомодным, тебе не идет.

– Тогда я буду льстивым. Сегодня ты просто прелестна. Ну как, получается?

– Отлично.

В гостиной никого не было, кроме Гомера, лайки Ральфа, лежавшей у лестницы. Судя по количеству хвои, нападавшей на спину псу, лежал он здесь уже давно. У него были печальные глаза уставшей от суеты собаки. Когда Джек и Далси вошли, он поднял голову и зарычал.

– Сейчас же прекрати! – Далси подошла и шлепнула пса по носу. – Ты же знаешь Джека, так что не сердись.

В холл вбежала запыхавшаяся Примми.

– Капитан Кингсли! Простите, сэр. Коллингвуд с мистером Теннантом был в подвале и не слышал звонка.

– Все в порядке, Примми. Я и не звонил. Мисс Далси услышала шум мотора и открыла мне дверь.

– Хорошо, сэр. – Примми взяла у Джека пальто. – Мне доложить, что вы пришли?

– Не нужно поднимать суеты. В библиотеке кто-нибудь есть?

– Кажется, только мисс Тея.

– Ладно, тогда я пойду, составлю ей компанию.

Тея сидела за столом и писала. Когда вошли Далси и Джек, она обернулась, не выпуская ручки. Далси театрально приложила руку ко лбу, изображая ужас.

– Тея, что это ты делаешь?

– Пытаюсь завершить последнее творение для «Кантри компаньон». От меня все равно нет особого веселья... Но я, впрочем, уже закончила. Привет, Джек.

– С Рождеством, Тея.

Джек подошел к ней. Она поднялась из-за стола, и он поцеловал ее в щеку, но, поскольку Тея замешкалась, отодвигая стул и поправляя юбку, она не ответила на любезность.

Застигнутая врасплох, Тея почувствовала себя неловко. Она полагала, что ее статьи кажутся Джеку банальными, всего лишь способом пустого женского времяпрепровождения.

– О чем пишешь? – спросил он.

В этот момент дверь открылась и появилась Венеция. Она была в костюме с меховой отделкой, с большой брошью из слоновой кости на воротнике. Увидев Джека, она улыбнулась и, протянув к нему руки, подошла.

– Джек, прости, что не смогла тебя встретить, меня задержали дела. – Венеция поцеловала гостя, не выпуская его рук из своих.

Джек нравился ей по одной веской причине – у них было много общего. Они хорошо понимали друг друга. Многие считали его холодным и замкнутым, но она чувствовала тепло тлеющего в нем огня, который только нужно было кому-нибудь раздуть, и он тут же ярко вспыхнет. Раньше и она была такой: скрытной, одинокой, держащей в себе все чувства. Но когда появился Ральф, он не позволял ей быть нерешительной. Он просто заявил о своей любви и научил ее принимать эту любовь. Джеку, думала Венеция, нужно нечто подобное. И по ее мнению, лучше всех с этой задачей справилась бы Тея.

Но, как всегда, возле Джека крутилась Далси, а Тея стояла в стороне. А она сегодня была так хороша... Венеция тихо вздохнула. На Тее был костюм сливового цвета, и, хотя ему было уже несколько лет, он очень шел ей. Под жакет она надела белую блузку с небольшим жабо и жилет с черной отделкой. Несколько мужская одежда всегда была к лицу Тее, а ее черные волосы сегодня были причесаны аккуратнее, чем обычно, открывая и подчеркивая прекрасные линии шеи.

– Не будь такой задумчивой, – сказала ей Далси и побежала открывать входную дверь. – Все уже пришли!

Венеция отвлеклась от своих мыслей. Джек направился за Далси, а Тея прошептала матери:

– Тетя Софи уже стоит в дверях, в шляпе и перчатках. Ей не терпится идти.

Примми скатилась по перилам лестницы в гостиную и посмотрела в высокое окно. На вязовой аллее она увидела возвращающуюся из церкви компанию. На фоне зимнего пейзажа люди казались мирными и праздными.

Она пробежала через гостиную в кухню.

– Они уже на вязовой аллее и скоро будут здесь, миссис Дакхэм.

– Хорошо, девочка. Поднимись наверх и проверь, правильно ли расставлены приборы.

Примми пошла в маленькую столовую. Стол сдвинули к окну, там же стоял сервировочный столик с закусками. Гомер, лежавший у входной двери, положив голову на лапы, поднялся и пошел за ней. По ее торопливым шагам он понял, что скоро вернутся и остальные.

Примми не любила собак. По ее мнению, животные должны были жить во дворе или в зоопарке, а не слоняться по дому, разнося повсюду шерсть, которую ей потом нужно было убирать. Пес, однако, прекрасно знал, что она имела верховную власть, только когда в доме больше никого не было. Он встал в дверях, вежливо виляя хвостом и глядя, как она проверяет стол. Примми не обращала на него внимания. Тогда он сделал несколько шагов в комнату и лег на пол, не то заскулив, не то зевнув от скуки. Примми взглянула на него через плечо.

– Убирайся, Гомер, вон!

Ей не нравилось, что собака находится рядом с едой. Она знала, что, когда семья вернется, они, конечно, впустят его, но пока ей не хотелось, чтобы он вертелся у стола. Здесь стояли заливные цыплята, лососина, фруктовые салаты, сыры и бог весть сколько всего, что он мог утащить.

Гомер прижал уши, застучал хвостом по полу, но не сдвинулся с места. Примми не собиралась отступать. Тот факт, что пес принадлежал мистеру Теннанту, только придавал их спору пикантности. Она подошла к нему и строго указала на дверь:

– Гомер, пошел вон!

Пес медленно поднялся и не спеша направился к двери, всем своим видом выражая недовольство. Он обернулся. Рука в черном рукаве неумолимо указывала на дверь. Он снова улегся на ковер.

Примми с видом победительницы отряхнула руки и вернулась к столу. Он был восхитителен. Красочный пример высочайшего качества и достатка. От одного взгляда на великолепно приготовленную пищу у Примми захватило дух. У нее дома тоже иногда готовили мясо, пудинги, пироги, все это было вкусным и питательным, но никогда не выглядело так аппетитно. Дома пища была одноцветной, тусклой. Здесь же еда была не просто питанием, но и настоящим пышным зрелищем.

Зазвучавшие в гостиной голоса отвлекли ее от размышлений. Примми быстро провела пальцем по стопкам тарелок, быстро пересчитывая их, а потом так же быстро пересчитала сверкающие на кружевной скатерти серебряные ножи и вилки.

Затем она проскользнула через гостиную, где Коллингвуд встречал хозяев и гостей, помогая им снять пальто, принимая от них дорогие шляпы, отделанные мехом и перьями. Гомер вилял хвостом и терся о юбки и брюки. Примми спустилась в комнату для слуг.

Тея сидела возле окна с бокалом вина, наслаждаясь в теплой веселой комнате тусклым бледным холодом зимнего дня. Декабрь казался ей необычным, словно не было ничего общего между радостью раннего утра и унынием вечерних сумерек. Солнце было обманчиво: едва поднявшись на небо и дружески улыбнувшись, оно воровато скрывалось за горизонтом, и все погружалось во тьму.

Перед ланчем все сложили подарки возле камина, после чего Далси раздала их. У нее не хватило сил поднять подарок Ральфа Тее – пишущую машинку самой последней модели. Тея настолько была тронута его пониманием и потрясена щедростью, что потеряла дар речи. Ральф же только попросил «пользоваться ею почаще» и дал пару советов, как с ней обращаться. И Обри, и Морис подарили ей книги. Книга Обри была полезной: большой том по истории, который, как он заметил, должен помочь ей на ее журналистском поприще. Морис подарил стихи Геральда Мэнли Хопкинса. Из всех присутствующих только Ральф и Джек слышали о нем, и Далси, заглянув в книгу, тут же отложила ее, как скучную и непонятную. Но Тея нашла книгу прекрасным подарком и, шепотом сообщив об этом Морису, поцеловала его.

Подарки раздали, получили, обсудили. На полу повсюду валялась оберточня бумага, Гомер рылся в ней носом, словно мародер на поле боя.

Джек пересек комнату, шаря на ходу в кармане пиджака. Он подошел к Тее, повернувшись ко всем спиной.

– Я не забыл о тебе, – сказал он.

Тея посмотрела на него.

– Я в этом не сомневалась, – ответила она не совсем честно.

– Вот, надеюсь, тебе понравится. – Он вытащил коробочку, обернутую в папиросную бумагу, и, зажав ее в ладони, протянул ей, как будто предлагал отгадать, что там спрятано. Он вложил подарок Тее в руку и стал ждать, пока она его раскроет. Потом резко развернулся и отошел, словно не мог больше выносить ее медлительности.

Тея разорвала папиросную бумагу, открыла коробочку и увидела ожерелье. Серебряное ожерелье, состоящее из многочисленных, похожих на рыцарские щиты пластин, подвешенных к цепочке. Каждую пластинку украшал эмалевый цветок, в центр которого был вставлен драгоценный камень. Ожерелье было очень красивым и оригинальным – Тея себе выбрала бы именно такое. Джек словно прочел ее мысли. Она завернула ожерелье в папиросную бумагу и подошла к нему. Джек стоял у окна и наполнял бокал Далси.

– Спасибо, мне очень понравилось.

Джек обернулся, улыбаясь. «Улыбка вежливости», – подумала Тея. Этим подарком он давал ей понять, что они близки, но теперь он снова укрылся от нее за светскими манерами, хотя наверняка знал, что взволновал ее.

– Такое необычное ожерелье. – Тея чувствовала, что краснеет. Ее щеки пылали.

– Мне тоже так кажется. Дело в том, что оно очень старое, это бабушкино ожерелье.

Тея была поражена:

– А ты уверен, что его можно...

– Я спросил разрешения, – ответил Джек.

Далси захихикала. Она уже выпила несколько бокалов вина.

– Тея, а ты думала, он его украл?

– Нет, конечно, – резко возразила Тея. – Просто это такая честь для меня.

– Оно будет тебе к лицу, – произнес Джек. – Ты его наденешь вечером?

– Конечно.

– А увидела, что Джек подарил мне? – спросила Далси, как ребенок вытягивая руку.

На ее запястье был браслет в форме змеи, державшей хвост во рту. Ее гранатовые глазки горели красным светом. Это была оригинальная современная вещь, отвечавшая всем требованиям подражания восточным мастерам.

– Великолепно, – восхитилась Тея, облегченно вздохнув оттого, что не была больше в центре внимания. – Вещь столь же современна, как и красива. Ты с головой выбирал подарки.

– Я всегда тщательно подбираю, что подарить. – Джек отвернулся и взял ломтик сыра, давая понять, что тема исчерпана.

– Я как раз уговаривала Джека покатасть меня на машине, пока не стемнело, – сказала Далси. – Так здорово! А то все сейчас разойдутся по комнатам и будут отдыхать, представляешь? Я же не могу сидеть на одном месте.

– А я с удовольствием останусь дома, – парировала Тея. – Посижу у камина, полистаю свои новые книги.

Далси висела на руке Джека. Сейчас она была похожа на наливное яблочко: яркое, блестящее, готовое к тому, чтобы его сорвали. Джек погладил ее по руке. Жест был несколько нежен для того, чтобы его можно было назвать братским.

– Конечно, если тебе хочется, я тебя покатаю. Только нужно потеплее одеться.

– Да, я мигом!

Она вылетела из комнаты. Джек повернулся к столу, поставил бокал и достал портсигар.

– Не возражаешь? – спросил он.

– Нет, пожалуйста.

Джек не спеша закурил. Потом сложил руки на груди, выпустил дым и уставился сквозь него на противоположную стену. «Как все-таки странно, что я повезу кататься Далси, только чтобы удовлетворить ее каприз. Далси, а не Тею», – подумал он.

– Ты уверена, что не хочешь поехать с нами?

Тея покачала головой:

– Абсолютно. Мне будет очень хорошо у камина в библиотеке, и вовсе не одиноко.

Джеку показалось странным, что она решила сообщить ему и об этом.

Снова появилась Далси. Она светилась от восхищения. Джек поймал себя на том, что не смог сдержать улыбку, глядя на ее восторг. Она была в сером пальто, отделанном серым мехом, и в серой меховой шляпке без полей.

– Я готова! – воскликнула она. – Я готова ехать.

– Я вижу. – Джек подошел к ней. – Должен заметить, что эта шляпка тебе очень к лицу.

Джек с Далси поехали по направлению к Вилду, затем свернули направо, и они помчались по идущей по холму дороге, по одну сторону которой молчаливой армией стоял лес, а по другую – лежали необъятные поля графства Кент. От чистого и прозрачного, как ключевая вода, воздуха у Далси заблестели глаза и порозовели щеки. Джеку стало легко. Ему было приятно доставить удовольствие Далси, как бывает, когда балуешь маленькую девочку или когда тебе говорят комплименты. Это было не сложно. Джек знал, что с Далси он был не настоящим, а таким, каким она хотела его видеть: мужчиной из высшего света.

Она сидела, подавшись вперед, чуть приоткрыв рот. Ее дыхание на морозном воздухе становилось паром, и его тут же уносил ветер. Там, где дорога уходила вправо, огибая вершину холма, чтобы вновь спуститься в долину, на опушке леса была небольшая полянка, усыпанная хвоей. Джек вдруг свернул с дороги и направил машину туда. Машина резко развернулась, двигатель стих, и их окутала церковная тишина соснового бора. Далси захлопала в ладоши.

– Разве это не чудо?! А твоя машина ездит быстрее отцовской.

– Так и должно быть, ведь у меня двухместный автомобиль.

– Понятно...

Было ясно, что она ничего не понимала.

– У меня спортивная машина. Более мощная.

– Да, я поняла.

В первый раз за все время она откинулась на спинку сиденья. Меховой воротник был ей к лицу, делая ее еще более привлекательной, похожей на игривого котенка. Она взглянула на него широко раскрытыми голубыми глазами. На ее ресницах блеснул иней, глаза горели в сумерках, словно звездочки.

– Почему ты остановился?

Далси произнесла это так тихо, что были различимы лишь согласные, из которых, как родник из капель, состояла фраза. Ее едва слышные слова звучали как приглашение к близости.

Джек закурил и оперся локтями на руль, не глядя на нее.

– Красивый вид отсюда.

– Обрато нам придется ехать в темноте.

– Здесь недалеко. К тому же можно включить фары.

Некоторое время Джек молча курил. Он чувствовал запах Далси. К нему примешивался едва различимый запах дыма, поднимавшегося над крышами видневшихся внизу домов. Вдруг он ощутил прикосновение Далси к своей руке. Он повернулся к ней.

– Иди ко мне, – сказала она.

Джек откинулся на сиденье, по-прежнему держа зажженную сигарету, словно защищаясь этим от нее.

– Нет. Не так, – чуть насмешливо, но мягко сказала Далси. – Вот так.

Она взяла у него сигарету и выбросила ее в окно. Потом провела рукой по его шее и притянула его к себе.

Джек был обезоружен ее запахом, мягкостью прикосновений, музыкой ее голоса. Он не мог позволить себе грубость, отказав ей. Джек позволил коснуться губами своих губ, Далси целовала его мягко, нежно и страстно. Вдруг она обхватила его двумя руками, прижимая к себе все крепче.

Он чувствовал на спине прикосновение ее маленьких пальчиков. Далси выгнулась, прижимаясь к нему всем телом. Ее волнение было заразительным, возбуждающим, требующим взаимности. Объятие казалось истовым, страстным, словно детским, но поцелуй был совсем не детский, как и ее голос, когда она прошептала:

– Прошу тебя, Джек, я хочу узнать, как это бывает. Я хочу узнать.

Он в испуге отпрянул. Далси снова откинулась на сиденье. Ее лицо словно окаменело, немного опухло, как от слез или после сна, веки опущены, губы, полные, почти круглые, слегка приоткрыты... Сейчас на память Джеку пришло выражение «губки бантиком», до сих пор ничего для него не значащее. Ее руки отпустили его и скользнули на колени, как будто с дерева упала сухая листва. Ее охватило полное безразличие. Только что она предлагала себя.

– Далси. – Джек нежно коснулся ее щеки, но она оттолкнула его руку.

– Не надо. Не надо этих братских жестов. Не переносу этого.

– А как я должен к тебе относиться?

Ее обидчивость раздражала Джека.

– Ты сам знаешь...

Далси ненадолго отвернулась. Джек решил, что она сейчас заплачет, но, когда она снова повернулась к нему, ее глаза горели, лицо было сердито.

– Ты знаешь!

– Ты хотела, чтобы мы занялись любовью? – Своей холодной откровенностью он сыпал соль на рану, которую она сама себе нанесла.

– Да.

– Я не могу, – твердо сказал Джек, у него появилось странное чувство, что он был на волосок от предательства. – Ты должна понять почему.

Далси казалась ему либо бестолковой, либо толстокожей.

– Ты не хочешь? – Она обиженно надула губки.

Откровенность Далси тронула его, и от этого усилилось его замешательство.

– Я мог бы захотеть. Это не трудно. Но мне не нужно этого.

– А что же тогда?

– Ты слишком молода.

– Я вполне взрослая.

– Послушай, Далси, ты молода и красива. Не надо огорчаться, мужчины еще будут у твоих ног. – Джек пристально посмотрел ей в глаза: недовольно, но просяще, желая, чтобы она поняла, что он не хочет огорчать ее.

У Далси задрожали губы, но он никогда не видел ее плачущей. И на этот раз ей удалось сдержать слезы.

– Ты не слишком высокого мнения о себе, если решил, что я уже отчаялась, – сказала она с долей нехорошего юмора.

Далси отвернулась, Джек коснулся ее щеки тыльной стороной ладони. На сей раз она не стала отталкивать его руку. Сжав кулак, он легонько толкнул ее, но не слишком нежно.

– Далси. Ну же.

Некоторое время они сидели молча. Джек повернулся и включил фары. Лучи света помогли ему заглушить горевший в нем слабый огонек желания, и он полностью овладел собой.

Далси, казалось, приняла какое-то решение.

– Поехали домой, – сказала она совершенно спокойно. Но когда они тронулись с места, добавила: – Только не думай, что я сдалась.

Джек сделал вид, что не услышал.

Тея и Морис сидели на диване в библиотеке. Комнату освещала единственная лампа, если не считать мерцающего света камина. Они вместе читали Манли Хопкинса. Для Мориса эти два часа были самыми приятными и безмятежными. Но для Теи это утверждение подходило лишь отчасти. На улице, за окном полуосвещенной теплой и уютной комнаты было холодно и темно. И там, во тьме, ехали Джек и Далси, беседуя, смеясь, разговаривая о ней? Но почему они должны разговаривать именно о ней? Тея всячески гнала от себя эту мысль, но тревожащий ее вопрос снова и снова возникал у нее в голове... Наконец, услышав, как открылась входная дверь, звук их шагов, голоса, громкие, посвежевшие от морозного воздуха, Тея с виноватым видом поднялась, Морис закрыл книгу. Спокойствию пришел конец.

– Вот и они, – сказал он.

В библиотеку вошла Далси. Она была все еще в пальто, в руках держала шляпку. На ее щеках играл румянец. Она присела на подлокотник дивана.

– Мы изумительно покатались: вдоль леса, до самой вершины холма, откуда видно все на многие мили вокруг.

– А разве в темноте что-то видно? – спросил Морис.

– Когда мы там были, еще не стемнело.

Тее показалось, что Далси как бы оправдывается.

– А вы что делали?

– Читали. – Тея улыбнулась Морису, словно призывая его подтвердить ее слова.

– Как скучно, – сказала Далси, наклонилась и поцеловала Тею в щеку.

Тея, всегда готовая к сюрпризам переменчивого настроения сестры, тем не менее удивленно подняла на нее глаза.

– Скучно? Ты о чем?

– О Рождестве.

– А ты что думаешь, Морис? – поинтересовалась Тея.

Морис смутился.

– Я... Я... – он начал заикаться.

Далси поцеловала его, оборвав его речь.

Ее губы были холодными и жесткими, а поцелуй быстрым и легким, как снежинка. Морис покраснел.

Далси весело рассмеялась и принялась расстегивать пальто. Тея смутно чувствовала, что она чем-то возбуждена. Даже пальто она снимала как-то распутно. В дверях появился Джек. Как всегда, было невозможно определить, в каком он настроении.

– Мы слышали, вы неплохо покатались, – сказала Тея.

Джек пересек комнату, подошел к камину, протянул к огню руки.

– Да, неплохо.

– Наверное, нам уже пора переодеться, – продолжала Тея, стараясь снова увлечь их и хоть как-то скрыть трещины, паучьими лапами расплзающиеся по их безмятежности.

– Да, – ответил Морис, желая теперь, когда вернулись Джек и Далси, как можно скорее уйти. – С вашего разрешения я пойду к себе.

Он встал, неуклюже одернул пиджак и, слегка поклонившись, удалился.

Тея вздохнула:

– Здесь так уютно. И спокойно.

– Ох, как я ждала этого вечера. – Далси, встав за диваном, облокотилась на его спинку и созерцала свое отражение в зеркале над камином. – Бог свидетель, здесь у нас так мало радости. И сегодня я не упущу возможности повеселиться.

Тея подняла голову, взглянув на сестру.

– Ты права, сегодня будет весело. Просто ничего не хочется делать.

– Пошли. – Далси взяла сестру за руку. – Пошли, вместе будет веселее, и мы, как раньше, подберем друг другу одежду и украшения.

Ее хорошее настроение было заразительно. Тея поднялась и позволила повести себя к двери. Джек оставил свой пост у камина и подошел к ним.

– Не забудь ожерелье, – напомнил он.

Но когда Тея обернулась, собираясь заверить его, что не забудет, он, нахмутив брови, рассматривал какую-то книгу на столе Ральфа. У Теи появилось чувство, что перед ее носом захлопнули дверь.

Рождественский ужин. Горели свечи, заливая мягким, ласковым светом лица сидевших за столом. Шел негромкий плавный разговор, головы гостей поворачивались, согласно кивали, тихо позвякивали бокалы и столовые приборы. Тея подумала: «Мы все сегодня друзья. И так должно быть всегда».

Ее шею украшало ожерелье. Джек отреагировал на это лишь едва заметным кивком, как только она появилась. Тея не была уверена, что оно подходит к ее наряду. Она была в зеленом платье с плотным лифом и модной зауженной юбкой. Это платье, казалось, постоянно цеплялось за ноги, но Далси, которая выбрала его, сказала, что это прекрасная вещь, и настояла, чтобы сестра его надела. Далси также помогла ей причесаться, проявив при этом исключительное усердие. Теперь ее волосы были разделены прямым пробором и лежали на висках двумя гладкими крыльями. В целом она была одета в греческом стиле, и ожерелье вовсе не дополняло ее облик. Но Далси ее заверила... Некоторое время Тея подозрительно смотрела на сестру. Для Далси было несвойственно проявлять такую заботу о чьей-то внешности. Ее интересовала лишь своя.

Тея была не единственной, кто смотрел на Далси. Джек сначала разговаривал с Венецией, но теперь откинулся на стуле, вращая в пальцах ножку своего бокала, и время от времени бросал на нее взгляд.

Далси сидела напротив Джека и Теи. Наличие за столом одного «лишнего человека» потребовало от Венеции всей ее изобретательности, чтобы быстро пересмотреть свой план размещения гостей. Однако схема, очевидно, не работала: в то время как ее младшая дочь была в блестящей форме, Тея оставалась необычно малозаметной. Она не перебросилась с Джеком Кингсли ни единым словом, помимо тех, что требовала обычная вежливость.

Далси отчаянно флиртовала с Робертом Кингсли. Его и без того красное лицо стало теперь апоплексически багровым. Перо, украшавшее прическу Далси, живо раскачивалось, словно животное в брачном танце. Тея перевела взгляд на Джека, с интересом смотревшего на Далси, чуть склонив голову. Вдруг он резко повернулся к Тее.

– О чем задумалась?

– Ох... Я просто думала, как здорово, когда вокруг все такие веселые и дружелюбные, так мирно сидят за рождественским столом. По-моему, мистер Айчисон говорил в своей проповеди: «На Рождество все просто». Если бы так было всегда.

– И ты решила, что на моей щеке написано, как этого добиться?

– Прости, я слишком задумалась. Я не собиралась тебя рассматривать.

– Ожерелье тебе очень идет.

– Ты так считаешь? Спасибо. Я не была в этом уверена. В смысле не была уверена, что оно подойдет к платью. Но Далси считает... – Она запнулась и, дотронувшись одной рукой до украшения, другой разгладила юбку.

Джек поднял руку, перебивая ее:

– Ты выглядишь прекрасно. Мне очень все нравится.

Комплимент был совершенно искренен, и это изумило Тею. Но еще до того, как она успела ответить, он уже повернулся к Далси, смеявшейся над тем, что ей сказал мистер Кингли. Ее глаза округлились, она зажала рукой с растопыренными пальцами рот, но все равно не смогла сдержать смеха.

– Надеюсь, – проговорил Джек, – отец не позволил себе ничего лишнего.

– Конечно, позволил. – Далси прижала руки к груди и перевела взгляд широко раскрытых глаз с одного мужчины на другого. – Не сделай он этого, я бы даже расстроилась.

Венеция снисходительно улыбнулась. Но с губ Теи улыбка исчезла.

* * *

– Поиграем! – воскликнула Далси.

Была четверть первого. За последние полчаса многие разошлись, начиная с Софи, заканчивая Ральфом, ушедшим менее двух минут назад. Далси, Тея, Обри, Морис и Джек сидели в библиотеке. Они вышли из-за стола около одиннадцати и с тех пор проводили время за святочной игрой, выхватывая изюминки с блюда с горящим бренди, теперь у них в глазах рябило от мерцания пламени.

Тея сидела на полу возле камина, обхватив колени руками, положив на них голову, и смотрела на огонь. Пока она вот так сидела, огонь был ее другом, ее талисманом, держа ее в своей власти, оберегая от общего разговора. Ей было грустно, и это ее тревожило. В первый раз в ее жизни Рождество оказалось скучным, и Тея никак не могла понять почему.

Но Далси была в приподнятом настроении.

– Кто будет играть? – спросила она, раскинув руки в стороны и резко поворачиваясь, так что ее юбка встала колоколом.

Обри прошел мимо нее к камину и выбил трубку о край решетки.

– По-моему, ты слишком много выпила, – сухо заключил он.

– Ерунда! Не будь таким мрачным. Все много выпили.

– Однако на остальных это не так подействовало. – Обри снова набил трубку и принялся ее раскуривать, выпуская клубы дыма и приминая табак указательным пальцем.

Джек, сидевший на диване, вытянув ноги, сказал:

– Я играю.

– И я, – добавил Морис, чувствуя себя совершенно не в своей тарелке, но зная, что, если он откажется, Далси заставит его чувствовать себя еще хуже.

– Молодцы! – воскликнула Далси. – Тея?

– Не думаю... По-моему...

– Ты все портишь. Кто-нибудь, уговорите ее.

Морис попросил:

– Давай поиграем, Тея, пожалуйста.

Тея улыбнулась и протянула ему руку, чтобы он помог ей подняться с пола.

– Ну, хорошо. – Она знала, что Морис нуждается в ее поддержке. – И во что же мы будем играть?

– В «Сыщик, ищи вора», – с чувством сказал Обри.

– Для этого у нас мало народа, – заметил Джек.

– Тогда в шарады, – предложила Далси. – Я буду кого-нибудь изображать, а вы будете отгадывать, кого именно.

– А как же остальные? – поинтересовалась Тея. – Это игра в одни ворота.

– Потом на моем месте будет кто-то другой. Думаю, всем понравится. – Она выбежала из комнаты.

– Тщеславная затея, – заметил Обри.

– Она, несомненно, в отличной форме, – покачал головой Джек, – но, не правда ли, нам от ее затей хуже не будет?

– Верно, – согласился Морис.

– Давай еще выпьем, – предложил Обри Джеку. – Так будет легче ждать, пока все это закончится.

Они налили себе изрядные порции виски. Далси не появлялась. Все четверо сидели молча и неподвижно. Казалось, что Далси все это время питала их своей энергией, и теперь, когда она ушла, жизнь словно застыла. Слышно было лишь, как потрескивает в камине полено и шуршат оседающие обгоревшие головешки.

Дверь открылась, в комнату вошла Далси. Она была босой, без чулок и несла не то блюдо, не то поднос, накрытый куском ткани. Она подвела веки черной тушью, придав им продолговатую восточную форму. Ее лицо было неподвижным, глаза сверкали. Закрыв за собой дверь, она прошла, даже не улыбнувшись, в центр комнаты и принялась тихо напевать. В этом звуке не было ни ритма, ни мелодии, скорее это было похоже на церковное песнопение. Встав в центр ковра, она начала танцевать, раскачиваясь, перехватывая поднос из руки в руку, каждый раз ее свободная рука извивалась, как змея. На ее запястье сверкал браслет, она ходила, высоко поднимая ноги и беззвучно опуская их на ковер, распутно виляла бедрами. Она резко поворачивалась, и ее прозрачная юбка поднималась, в этот момент становились видны белые бедра, слегка позолоченные мерцающим светом камина.

Она встала у огня и принялась прогибаться назад, рискованно держа поднос перед собой на вытянутых руках. Чем сильнее она наклонялась, тем больше ее лицо с подрисованными черными глазами становилось похоже на страшную перевернутую маску. Вставленное в волосы перо марабу уже почти касалось пола. Ее тело выгнулось дугой, ткань одеяния ниспадала, словно прозрачные струи голубой воды омывали ее маленькую грудь, живот, расставленные ноги. Пламя камина просвечивало юбку, освещая силуэт нижней половины ее тела.

– Она похожа на дервиша, – прошептала Тея.

Теперь жуткое перевернутое лицо Далси было в каких-то трех футах от коленей Джека. Он не пошевелился. Далси стала медленно выпрямляться, держа свой поднос над головой. Она немного постояла, покачиваясь из стороны в сторону, словно повинуюсь какому-то внутреннему ритму, на ее губках появилась загадочная улыбка. Она стояла лицом к Морису и Тее, но было совершенно ясно, что она их не видит.

Свободной рукой Далси взялась за подол юбки и вдруг, резко взмахнув ею, обернулась, упала на одно колено и протянула поднос Джеку, выгнув шею, подавшись вперед всем телом, словно моля о чем-то. Джек в замешательстве беспомощно развел руками. В ответ Далси медленно подняла руку и сорвала с подноса покрывало.

Там оказалась баранья голова, сваренная и наполовину обглоданная. Кожа висела лохмотьями, словно у пораженного проказой, местами сквозь нее просвечивали кости, как у разложившегося трупа.

Бараньи головы были обычным делом в кухне Чилвертон-Хаус. Миссис Дакхэм покупала их для Гомера. Она их тушила, мясо отдавала псу, а из костей варила бульон. Но видеть голову здесь, в библиотеке, среди бархата и вошеного ситца было неприятно.

Тея поднесла руку ко рту и отвернулась.

Морис, уставившись на голову, пробормотал:

– Очень хорошо...

Обри был удручен:

– Отвратительно.

Далси не обращала на него внимания. Она по-прежнему стояла на коленях перед Джеком, не мигая глядя ему в глаза.

Некоторое время он сидел неподвижно, словно в глубоком раздумье, и смотрел на голову. Затем подался вперед и невозмутимо произнес:

– Иоанн Креститель, верно?

Чары развеялись. Далси плюхнулась на пол, поставила поднос на пол и скорчила гримасу.

– Угадал. Это было слишком просто.

– Я восхищен твоими актерскими способностями. Саломея из тебя вышла чудесная.

– Ты очень любезен. – Далси провела рукой по лицу. – Можно попросить платок?

Морис достал из кармана большой чистый, аккуратно сложенный платок и протянул его Далси. Она принялась стирать черную краску вокруг глаз. Под дверью послышалось царапанье, она распахнулась, и вбежал виляющий хвостом Гомер, привлеченный запахом бараньей головы.

Обри поднял поднос и предусмотрительно поставил его на камин.

– Нужно отнести эту дурацкую штуку на место, пока ее не утащил пес.

– Неужели это вас шокировало? – спросила Далси, обведя всех взглядом. – А мне казалось, это прекрасная задумка.

– На меня это нагнало страха, – призналась Тея.

Ей вдруг показалось, что сестра хотела всем этим что-то сказать, что они присутствовали на ритуале, смысл которого остался им непонятен. Перед ее глазами до сих пор стояло похожее на маску лицо, извивающееся тело, зловещий поднос.

– Я отнесу, – сказала Тея, взяв вытянутыми руками поднос и направляясь к двери.

Голова была несвежей и уже неприятно пахла.

«Странно, – думала Тея, быстро проходя через темную холодную гостиную к черной лестнице, – самый привычный предмет превратился в почти оккультную вещь в разыгранном Далси спектакле». Тея поймала себя на том, что ускоряет шаг, гонимая страхом, следующим за ней по пятам. Наконец она побежала по черной лестнице в кладовку, мимо разинувшей от изумления рот миссис Дакхэм, единственной из слуг, кто еще не спал. Там Тея поставила поднос на полку и накрыла его проволочной сеткой для хранения мяса, быстро и крепко, словно поймала крысу.

Вернувшись в библиотеку, она обнаружила, что там идет оживленная беседа.

Говорила Далси:

– Давайте перед сном сыграем в прятки.

– А может быть, – спросил Обри, – кому-нибудь еще хочется продемонстрировать свои актерские способности?

– Ладно, кто-нибудь хочет? – Далси огляделась.

Джек покачал головой:

– Разве после тебя кто-нибудь осмелится?

– Тогда в прятки, – сказал Морис и добавил, решив, что честность – лучшая политика: –

Из меня плохой актер.

– А как ты? – повернулась Далси к Тее. – Ты будешь играть в прятки?

– Хорошо, разок сыграю. А кто прячется?

– Ты. Ты же знаешь хорошие места.

– Мы все знаем, кроме Джека.

– Верно, – Далси подошла к Джеку, взяла его под руку, не сводя с него глаз и улыбаясь, – я помогу Джеку.

– До скольких считаем?

– До пятидесяти.

– Хорошо. – Обри взглянул на часы. – Тогда начинаем. И не прячься туда, где тебя никто не найдет.

Тея выбежала из комнаты. Она прекрасно знала, где спрячется. Ей хотелось стать настоящим привидением: забиться в темный укромный уголок, откуда она могла бы видеть всех, но никто не нашел бы ее, прислониться спиной к стене, чтобы никто не подкрался сзади.

Она взбежала по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, придерживая юбку. Она свернула в коридор и прошла мимо спальни матери. Услышала приглушенные голоса родителей, нежный мамин смех. Секреты. Она бросилась прочь от тихих голосов, от всего, что могла услышать. У нее на глазах появились слезы. Тея почувствовала себя ребенком, которого выгнали взрослые из своего интересного важного общества.

Тея открыла дверь в детскую. Занавески были раздвинуты, комнату заполнял бледный лунный свет. Мебели здесь не было, если не считать высокого шкафа в углу, кровати с пружинным матрасом и белого облезлого умывальника с тазом и кувшином. Игрушки, sentimentalно хранимые ею, были убраны в шкаф. Все, кроме двух. Дэшер, пятнистая лошадь-качалка в ярко-красной попоне и с вечно поднятыми в галопе ногами, стояла у окна. Лошадка смутно ей о чем-то напомнила, но Тея так и не смогла понять, о чем именно.

Второй детской реликвией был магазин. Ральф сделал его Далси на день рождения, когда ей исполнилось восемь лет. Это была несложная деревянная постройка у дальней стены. С одной стороны была дверь, посередине окошко, которое закрывалось. Внутри в магазине вдоль стен тянулись ряды полок. Венеция с детьми приклеивали этикетки ко всяким старым банкам и коробкам, наполненным ракушками, горохом, сухой брусникой и скатанными из фольги шариками. Все это представляло собой «товары». Еще здесь были весы, а на прилавке лежала пачка оберточной бумаги.

Тея открыла дверь и остановилась на пороге магазина. Вздохнув, она проскользнула внутрь и пригнула голову к прилавку. Теперь она была в безопасности.

Через минуту издали донесся крик: «Иду!», и она услышала, как открылась дверь библиотеки. Затем услышала спор, кто куда отправится на поиски, а потом звук шагов в различных направлениях. Кто-то в сопровождении Гомера стал подниматься по лестнице. Тея слышала стук его когтей по полированному паркету. Вдруг шаги стихли. Этот кто-то решал, куда идти дальше, потом пошел в другую сторону. Тея улыбнулась и положила голову на колени.

В этот момент она с ужасом увидела глаза, смотрящие на нее в окошко, и длинную морду с острыми ушами.

– Гомер, уходи. Ты – хороший пес, но сейчас уходи.

Гомер завилял хвостом пуще прежнего и склонил голову набок, замороженно глядя на сжавшуюся, едва различимую в темноте фигуру. Он стерпел несколько толчков, но потом все-таки вышел из комнаты, Тея услышала, как он со вздохом улегся у дверей Ральфа.

Шло время. Тея слышала шаги миссис Дакхэм – шаги старой, уставшей женщины, поднимавшейся по черной лестнице к себе в спальню. Почти сразу дверь магазина открылась и рядом с ней сел Обри. Она подпрыгнула от неожиданности, а потом беззвучно расмеялась. У него во рту по-прежнему была трубка.

– Ты бы хоть это оставил. Они нас унюхают, – прошептала она, вытащив трубку у него изо рта и положив ее на полку.

Обри заерзал на жестком полу.

– Если появится кто-нибудь еще, здесь будет страшная давка, – пожаловался он, нащупывая место, куда можно было прислониться.

– Но ведь это-то и весело.

– Гм.

Некоторое время они сидели молча. Рука Тея касалась твидовых брюк брата. Это ее успокаивало, она чувствовала себя под его защитой.

– Ты больше никого не видел поблизости? – спросила она.

– Видел, Мориса. Я столкнулся с ним. Я как раз раздумывал, где ты можешь быть. Еле от него отделался.

– А остальные?

– Ищут внизу.

– Шш.

В дверях появился Морис. Немыслимо изогнув шею, Тея видела, как он осматривает комнату, его очки блестят в лунном свете. В какой-то момент ей показалось, что он не станет входить, но потом, словно что-то привлекло его внимание, он дошел до середины комнаты, где резко остановился и еще раз как-то застенчиво огляделся. Наконец он прошел в дальний угол и открыл шкаф. Тея беззвучно засмеялась, ее плечи затряслись. В шкафу было множество полок, и туда не влезла бы кошка, не то что человек.

Поняв свою ошибку, он поспешно закрыл шкаф, после чего заглянул под кровать. Вдруг с удивительной решимостью подошел к магазину и заглянул в окошко. Тея приложила палец к губам и кивнула на дверь.

Обри подвинулся ближе к сестре, просунул ноги между ее спиной и стеной, поворачиваясь к Морису своей широкой спиной. Морис неуклюже опустился на четвереньки и закрыл за собой дверь.

Их окутала почти осязаемая тишина. Дом, казалось, все глубже проваливается в бездну беспомыслия, словно они – единственные, кто остался в живых. Их дыхание было неестественно громким, царапающим глянцевою поверхность тихой ночи.

Когда прошли, как казалось, часы, а на самом деле всего несколько минут, Обри сказал:

– Они нас никогда не найдут. Давайте им подскажем.

– Думаю, это розыгрыш, – решила Тея. – Далси знает все старые места, где можно спрятаться. Она просто не ищет. Хочет, чтобы мы просидели здесь всю ночь.

– Тогда я пошел спать. – Обри встал на колени, задев головой угол полки. – Черт возьми!

– Шш.

– Что?

У Мориса затекла рука, так как он все это время придерживал дверь, теперь он отпустил ее, и дверь беззвучно распахнулась.

Тея покачала головой и прислушалась. Вокруг них морем раскинулась тишина, затопляя комнаты, коридоры, но все же она слышала какие-то звуки. Смех. Тихий, короткий смешок, нечто не громче упавшей капли где-то в противоположной стороне дома.

– Кажется, я слышала Далси.

Все трое снова прислушались. Ничего.

Обри сказал:

– Я иду спать. Если это шутки Далси, то с меня достаточно.

– С меня тоже. – Морис с облегчением вылез из магазина, выпрямился и стал растирать затекшую руку.

Обри вылез вслед за ним.

– Тея, уж не собираешься ли ты здесь ночевать?

– Не знаю. Думаю, что нет. А как же Джек?

– А что Джек? Он, наверное, заодно с Далси. Пусть сами и разбираются.

– Наверняка так и есть.

Тея вышла, стряхнула с платья налипшие на него опилки. Ожерелье вдруг показалось ей слишком тесным. Оно просто душило ее.

Все втроем они пошли по коридору обратно. У лестницы Тея сказала:

– Я спущусь попить. Или съем апельсин. У меня жуткая жажда. Все из-за вина. Захватить вам что-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Тогда спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Она посмотрела вслед Обри, который направился в свою комнату. Морис поколебался, словно хотел сказать что-то еще, а затем тоже пошел к себе. Тея спустилась в маленькую столовую. Стол уже был накрыт к завтраку. В стороне на маленьком столике стояла высокая серебряная чаша с фруктами. Тея подошла к ней и взяла апельсин.

Она вернулась в гостиную, держа в руке вожденный фрукт. Дверь в библиотеку была приоткрыта. Тея увидела в камине красные угольки, присыпанные пеплом, огонь догорел. Скорее всего, миссис Дакхэм здесь уже побывала, убрала пепельницы и бокалы, задернула шторы. Тея открыла дверь в столовую. Со стола уже все было убрано, но там по-прежнему носились, как призраки, ароматы праздника – запах бренди и табака. Она закрыла дверь.

На первом этаже оставались только две комнаты, куда она еще не заглянула: кабинет отца и редко используемая большая гостиная. Она направилась туда и неслышно, словно шпион, вошла.

Там стоял могильный холод, поскольку камин не зажигался здесь неделями. Изысканная мебель, в основном французская, дорогая, элегантная, но не практичная. В двух высоких сервантах стоял дорогой фарфор и хрусталь, сверкающий, без единого пятнышка. Картины, большие и тяжелые, угрюмо дремали в своих золоченых рамах. В центре комнаты напротив мраморного камина, спинкой к двери стоял шезлонг эпохи Людовика XV, обтянутый тканью в элегантную кремовую и красную полоску. Томный изгиб его широкой спинки напоминал вздернутое плечо куртизанки.

Тея вошла, сначала ей показалось, что в комнате никого нет. Но когда она уж повернулась, чтобы уйти, что-то ее остановило. Какое-то движение воздуха, звук, настолько тихий, что она его скорее почувствовала, чем услышала. Тея замерла, прислушиваясь к тишине. И тут с шезлонга свесилась маленькая нога с правильной лодыжкой и красивым подъемом – это была нога Далси в спущенном светло-сером чулке. Обнаженное бедро лежало на деревянном подлокотнике. Нога ритмично покачивалась.

Свистящий звук, который, как теперь поняла Тея, был дыханием, стал громче, быстрее, настойчивее. Тея сделала несколько шагов вперед. Комната была больше, чем ей всегда казалось, шезлонг – дальше от двери, а его спинка – выше и шире. Она пошла чуть быстрее и, дойдя до него, схватилась за спинку, словно боясь упасть.

Тея взглянула вниз, прямо перед ней было лицо Далси. Но та ее не видела. Веки были опущены, из приоткрытого рта вырывалось дыхание. Все ее лицо казалось податливым и помятым, как перезрелый фрукт.

На Далси лежал Джек. Он обхватил ее одной рукой за талию, опираясь другой на подлокотник шезлонга за ее головой. Он уткнулся лицом в ее шею. Тея слышала его дыхание, быстрое и прерывистое, как у запыхавшейся собаки.

Синяя юбка Далси был задрана и мягкими складками лежала на ее бедрах. Она хищно обхватила Джека за шею, словно смертоносный цветок, питающийся насекомыми. Движения Джека ускорились, стали резче, Далси повернула голову, изгибая шею, – движение было наполнено болью и наслаждением. Тея видела в ее приоткрытом рту язык – розовый и блестящий. Вдруг она провела руками по спине Джека, властно прижимая его к себе, обхватив его, как клещами. Джек наклонил голову, его лицо прижалось к груди Далси.

Тее стало совершенно ясно, что именно не давало им покоя целый день. Она отпрянула, испугавшись того, что нечаянно подсмотрела.

– Нет!

Голос ее был хриплым, как у старухи. Словно подчиняясь звуку ее голоса, Джек оставил Далси, упал на колени возле шезлонга и закрыл лицо руками, как молящийся ребенок. Тее показалось, что он произнес ее имя. Ее охватила такая ненависть, что она не могла произнести ни слова.

Далси смотрела на нее, не двигаясь. Она лежала в той же позе, разведя ноги, только руки заложила за голову. Внутренняя сторона ее бедер блестела влагой.

Она улыбалась.

Джек застегнул брюки, пригладил ладонью волосы и, чуть покачиваясь, поднялся. Он смотрел Тее прямо в глаза. В его взгляде не было ни вины, ни смущения, лишь какая-то отчаянная печаль. Некоторое время он удерживал ее этим взглядом. Тея понимала, что он видит ее ужас и отвращение и что он бросает ей вызов, призывая оставить их в покое. Сейчас он, как никогда, требовал от нее невозможного.

Далси села, наклонилась вперед, положила руки на подлокотник и посмотрела на Джека и сестру. От нее так и веяло самодовольством, будто от удовлетворенной кошки. Она вся расцвела. Джек же выглядел напряженным и измотанным. Первое впечатление Теи только усилилось, она присутствовала при проявлении неумолимой силы, с которой сама еще не сталкивалась, которую только начинала понимать.

Тея взглянула на Джека, он сделал едва заметное движение к ней, чуть склонив голову.

– Не подходи ко мне!

Она вытянула перед собой руку, словно защищаясь, и стала пятиться из комнаты, сторбившись и волоча ноги, как калека или лунатик. Не сводя глаз с Джека, она другой рукой шарил у себя за спиной. У самой двери она наткнулась на стул и уронила апельсин. Он упал с глухим звуком и покатился по полированному полу.

Выйдя из комнаты, Тея бросилась вверх по лестнице, не заметив еще одного человека, тихо и неподвижно стоявшего в темном углу у двери в библиотеку и так же наблюдавшего за всем происходящим.

Яркий круглый апельсин лежал на полу, как глаз циклопа.

Глава 3

Тея вбежала в комнату, присела на краешек кровати, закрыла лицо руками и так застыла. Возможно, будь она чуть сдержаннее и спокойнее, восприняла бы все как недоразумение и тут же забыла бы это учащенное дыхание, движущиеся тени, вздохи...

Дверь открылась и сразу захлопнулась. Тея до боли надавила пальцами на глаза. Кровать чуть дрогнула и прогнулась: кто-то сел рядом. Тея опустила руки и увидела Далси, она прислонилась к деревянной спинке, сложив руки на коленях. Ее лицо было совершенно спокойно, она укоряюще смотрела на сестру. Тея заметила пятно на ее юбке, ощутила исходивший от нее неприятный животный запах.

– Уходи, – мрачно сказала она, – прошу тебя, уйди.

– Почему? – Тон Далси был вызывающим, как и ее поза, ее взгляд. Она просто рвалась в бой.

– Потому, что это моя комната и я хочу побыть одна, – ответила Тея, желая как можно скорее от нее отделаться.

– Потому что тебе хочется сидеть здесь и дуться от своего же лицемерия, – возразила Далси. На ее голове была повязка с пером, теперь она ее капризно сняла и, повесив на спинку кровати, принялась водить указательным пальцем по перу.

Тея все сильнее сжимала кулаки, пока у нее не побелели костяшки пальцев и руки не задрожали от напряжения. В ней кипели злоба и отвращение. Она ни в чем не обвиняла сестру, ей просто хотелось отделаться от Далси, чтобы ее поглотили тьма, тишина, уединение. Но Далси не собиралась уходить, она надменно бравировала своей смелостью, желая бурного обсуждения происшедшего. И у нее хватало наглости говорить, что Тея дуется. Тея посмотрела на нее. Глаза Далси все еще были намазаны гримом, который она не успела смыть после представления Саломеи. Чуть ниже ключицы были заметны два багровых пятна. Тея вспомнила, как Джек прижимался лицом к ее груди, как терся о нее щекой... Далси, должно быть, заметила ее взгляд. Она подняла руку и кончиками пальцев коснулась этих пятен, осторожно, словно это были ожоги или царапины. Она сделала это жеманно, рисуясь.

Вдруг Тея встала и повернулась к ней. Она протянула руки, резко схватила ее за плечо и сильно сжала. На коже Далси появились белые следы пальцев Теи.

– Убирайся! – Они машинально разговаривали вполголоса, поскольку все в доме уже спали, Тея словно бросала слова сестре в лицо. – Убирайся. Я не могу выносить твоего вида, твоего запаха на моей постели. – Она схватила со спинки повязку Далси и швырнула ее к двери. Она бросила ее со всей силы, но та была слишком легкой и лишь поплыла по воздуху, а потом скользнула по полу, как сухой лист. – Я не хочу тебя здесь видеть, поняла? – Она сжала пальцы и еще сильнее потрясла Далси за плечо. – Или ты не способна понять это?

У Далси на глазах появились слезы от боли, она вырвалась и попыталась подняться, но Тея стояла вплотную, прижимая ее к краю кровати, и она снова повалилась назад. Поджав ноги, отползла к центру кровати.

Тея понимала, что Далси специально провоцирует ее, и даже испугалась собственного гнева. Все ее тело было пронизано яростью, ее трясло.

– Как ты могла? – спросила она. Голос ее дрожал. – Как ты могла? В этом доме?!

Далси надменно рассмеялась. Ее самодовольство буквально пропитало всю комнату, как дешевые духи.

– Ах, вот в чем дело! Я могла бы догадаться. И чем же этот дом так свят? По-моему, обычный дом, а не храм целомудрия. – Она расправила юбку и посмотрела на пятно. Послюнявив палец, она принялась оттирать его с совершенно безразличным видом.

– Это наш дом! – убежденно сказала Далси, но поняла, что скорее распялет себя, чем обличает Далси. Ей уже было ясно, что сестру образумить невозможно.

– Ах, наш дом! – передразнила ее Далси и пожала плечами. – И я его, конечно, осквернила. Только потому, что делала то же, что и все остальные? Потому что доставила себе удовольствие? А как ты думаешь, чем занимаются папа и мама, когда...

– Прекрати! – Тея наклонилась и попыталась вlepить сестре пощечину, но Далси уклонилась от удара и соскочила на пол с другой стороны кровати, где была в безопасности. Она встала и расправила юбку.

– Ведь ты поняла, чем мы там занимались? – спокойно спросила она, но ее губы скривились в усмешке, которую она не смогла сдержать. – И ты просто хотела быть на моем месте.

Тея потеряла дар речи. Она повернулась к Далси спиной, чтобы не видеть ее улыбки, но эта широкая, как у Чеширского Кота, ухмылка стояла у нее перед глазами, дразнила ее, и Тея ничего не могла с этим поделать.

– Дело в том, – продолжала Далси, радуясь, что пущенная ею стрела достигла цели, – что теперь я знаю мужчин. Я знаю, чего они хотят и как им это дать. Джек научил меня. – Она подошла ближе к Тее, ее голос звучал все увереннее. – А тебя нет.

Тея пристально посмотрела на нее.

– Да, да. – Далси прошла мимо нее к зеркалу и стала прихорашиваться, оттирая губы пальцем. – Я знаю, как осчастливить мужчин.

– Что? – Самомнение сестры поразило Тею.

– Я всегда знала как, Джек просто доказал это лишний раз. Я всегда производила на мужчин впечатление, как мама раньше. Ты и сама это говорила. Это дар.

Тея разозлилась еще сильнее, потому что и в самом деле часто так говорила. Ее же собственные комплименты теперь бросали ей в лицо, чтобы оправдать непростительное.

– Ты глупая девчонка, – холодно и медленно проговорила Тея. – И чем больше ты хвастаешься своей сомнительной победой, тем больше кажешься ребенком. Ты мне надоела, уходи.

Ей хотелось обидеть Далси, и это удалось. Далси, разозлившись, резко обернулась. Ее глаза сверкали.

– Как ты смеешь так говорить? Да как ты смеешь? Теперь я женщина. Я больше женщина, чем ты когда-нибудь сможешь стать со всеми своими дурацкими пишущими машинками, статьями, колледжем для секретарей. Я тебя обошла, и теперь ты ревнуешь. Вот в чем дело. И не смей больше называть меня ребенком, ты не имеешь на это права! А я... я плюю на тебя. – Она плюнула на ковер между ними.

У Теи больше не было сил спорить. Она чувствовала себя вымотанной и опустошенной. Снова опустилась на кровать.

– Я не ревную, – тихо и спокойно ответила она, словно произнося заклинание. – Я абсолютно не ревную. Я просто устала и хочу, чтобы ты ушла.

– Я уйду, не беспокойся. – Далси подняла с пола свою повязку, быстро прошла к двери, открыла ее и, держась за ручку, сделала театральную паузу. – Надеюсь, ты будешь думать о нас. Всю ночь, – сказала она и вышла.

И Тея думала.

* * *

Примерно через час она очнулась от беспокойного сна. У нее ныло все тело. Ее переполняли незнакомые чувства. Именно эти чувства и разбудили ее. Пытаясь противиться им, она подтянула колени к подбородку и, обхватив их руками, лежала в темноте, сжавшись, словно плод в утробе. Но ей было плохо, неудобно без нежного биения материнского сердца и обволакивающего тепла, в котором можно покачиваться, как в гамаке, не думая ни о чем. В окно

барабанил дождь, капли падали тяжело, как камни. Ей казалось, что комната проваливается в черную бездну, кружась и раскачиваясь. Она перевернулась на спину. Еще ребенком она привыкла смотреть в потолок, когда не могла заснуть, и мысленно рисовать на нем картины. Но единственная картина, которая сейчас стояла перед ее глазами, – это Далси и Джек, крепко обнявшиеся, ритмично двигающиеся, их движения, одновременно яростные и нежные... Тея непроизвольно провела рукой по груди, ощупав ее, словно впервые. Упругие соски проступали через тонкую хлопковую ночную рубашку. Она провела ладонью вниз по животу, пока ее рука не достигла лобка. Тея прикоснулась осторожно, пытливо, в ответ на это ноги сами собой раздвинулись, ее тело словно растаяло. Не в силах совладать с собой, она отчаянно ускорила движения рукой. Казалось, она только давала телу толчок, от которого все шире и шире расходились волны, пока наконец ее голова не запрокинулась в экстазе позорного удовольствия.

Когда все это закончилось, она заплакала: первые слезы, пролитые ею за многие годы. Она поднялась с постели, пошла к умывальнику, чтобы налить себе воды. На обратном пути случайно заметила свое отражение в высоком зеркале на дверце шкафа, ее охватило омерзение и отвращение к себе. Это была окончательная победа Далси.

– Ох, боже мой, – взмолилась она в темноте. – Что я наделала? Кто я после этого?

Джордж Роулз на второй день после Рождества, когда по английскому обычаю дарят подарки слугам, почтальонам и посыльным, в шесть утра был уже на конюшне. Помимо всего прочего в его обязанности входило смотреть за лошадьми и помогать конюху Мередиту. Кроме старого пони Джо в конюшне Чилвертон-Хаус остались только четыре лошади, хотя стойл здесь было двенадцать. Остальную часть конюшни превратили в гараж для двух автомобилей Теннантов. Мередит, естественно, горевал по этому поводу. С шофером Эдгаром он всегда был настороже, не слишком хорошо относился конюх и к Джорджу, поскольку тот олицетворял для него перемены, произошедшие в доме. Было время, когда Мередит имел в подчинении двух человек, которых он сам всему учил и которые знали толк в лошадях. Джорджа научить было ничему нельзя, даже не из-за его медлительности, а просто потому, что у него было много другой работы и он еще помогал отцу в саду.

Этим утром Джордж должен был вывезти из конюшни навоз. Обычно они делали это вместе с Мередитом, но у конюха был выходной, а покончить с работой нужно было пораньше, поскольку верхом собирались ехать на охотничий праздник в Коннихэм. Туда любила ездить мисс Тея, которая была хорошей наездницей, а иногда туда отправлялись также мистер Обри и капитан Кингсли.

Единственное, что несколько скрашивало Джорджу предрассветную работу, так это ощущение, что он делает ее исключительно ради мисс Теи. Он словно совершал священный ритуал, перелопачивая навоз и дымящееся сено, переставляя тяжелые ящики с кормом и ведра с водой. После того как продали лошадей, которых обычно запрягали в коляску, уборки стало меньше, Мередит буквально помешался на чистоте оставшихся животных и стойл, словно они могли соперничать со сверкающей медью и лощеной кожей обивки автомобилей Эдгара.

Джордж вышел из конюшни, неся в руках ведро. В самом дальнем конце двора был насос. От насоса через высокую каменную арку был хорошо виден фасад дома. Джордж поставил ведро и начал качать воду. Рычаг стучал и поскрипывал, вода бежала в железное ведро.

Вдруг входная дверь открылась и кто-то появился на пороге. Джордж поспешно и виновато опустил голову и стал качать еще яростнее. Одно ведро наполнилось, и, когда он подставлял другое, услышал гравиевый хруст приближающихся шагов. Он поднял голову. Это был капитан Кингсли.

– Привет, Джордж.

– Доброе утро, капитан.

Джордж смутился. Он не мог взять в толк, почему капитан Кингсли в элегантном пальто и кепке стоит с чемоданом в руке во дворе конюшни на предрассветном холоде. Необычность ситуации обескуражила его.

– Я уезжаю, – сказал капитан Кингсли очень спокойно и вежливо, как всегда. – Я не помешаю тебе, если выведу машину?

Джордж перестал качать и вытер окоченевшую руку.

– Я просто убираю навоз, сэр.

– Спасибо.

Джордж снова принялся качать ручку насоса, не сводя глаз с удаляющегося капитана. Через некоторое время тишину нарушил звук автомобильного двигателя: сначала приглушенный, но потом, когда машина выехала во двор, более громкий, надрывный. Капитан Кингсли медленно подъехал и остановился рядом с Джорджем. Он наклонился, положил руку на противоположную дверцу. Джордж подумал, что капитан выглядит необычно усталым. Скорее всего, похмелье.

– Мне пора уезжать. Честно говоря, мне очень неудобно, но боюсь, не смогу поехать сегодня на охоту.

Джордж изумился, что перед ним извиняются. Он покраснел и поднял тяжелые ведра. На его сильных обнаженных руках вздулись мышцы.

– Да, сэр. Жаль, что так. Спасибо вам.

Капитан Кингсли посмотрел на него, подмигнул, затем выпрямился, слегка хлопнул рукой по дверце машины, словно ставя точку в их беседе. Кингсли уехал, во дворе снова воцарилась предрасветная тишина. Джордж слышал, как одна из лошадей бьет копытом и мотает головой, очевидно испугавшись шума мотора. Он недоуменно покачал головой и вернулся к работе.

Джек не проехал и ста ярдов, как увидел на дороге Тею, которая шла в том же направлении, склонив голову и закутавшись в плащ. Поравнявшись с ней, он остановился. Тея посторонилась и ускорила шаг. Джек выключил двигатель, вышел из машины и окликнул ее.

– Тея, ты куда?

Она не ответила.

Он побежал за ней и, нагнав, пошел рядом.

– Ты куда? – снова спросил он.

– Никуда. – Ее голос был тихим, сдавленным, почти неслышным.

– Что ты делаешь? – Он осторожно взял ее за рукав, и она остановилась как вкопанная, хотя смотрела по-прежнему вперед, а не на него. Тея была бледна, под глазами большие темные круги. – Ты ужасно выглядишь.

Она бросила на него печальный взгляд.

– А ты, – ответила Тея, – выглядишь великолепно.

Он заслуживал этого. Он не мог ничего сказать, ничего сделать, чтобы унять ее боль. Он чувствовал себя негодяем.

– Я уезжаю, – сказал он, засунув руки в карманы и глядя под ноги.

– Очень хорошо.

– Очевидно, мне не стоит и мечтать о...

– Нет.

– Тогда, думаю, я должен попрощаться.

Но именно теперь ему меньше всего на свете хотелось расставаться с ней.

– Ты прав. До свидания, – сказала она холодно и высокомерно, что было совершенно не в ее характере.

Джек не мог больше смотреть, как она переменялась из-за того, что он сделал.

– Тея...

– До свидания.

Она быстро пошла прочь, плотнее кутаясь в плащ. Униженный, он повернулся и сначала пошел, а потом побежал к машине. Он проехал, не обернувшись, мимо Теи, не отрывая глаз от дороги. Когда он был уже достаточно далеко и она не могла его услышать, он запрокинул голову и проорал в плоское серое небо:

– Черт бы все побрал!

Но легче ему не стало.

За завтраком Венеция вежливо обратилась к Дафне Кингсли:

– Бедный Джек. Как жаль, что ему нездоровится и он не смог остаться. Когда вернетесь домой, передайте ему от нас привет. Он написал мне такое милое письмо.

Дафна вздохнула:

– Это доставило вам столько неудобств...

– Мне? Вовсе нет.

– Все равно...

Дафна чувствовала себя неуютно. Она хорошо знала своего сына и не сомневалась, что он нашел предлог для отъезда. Подобный поступок был не в его правилах, обычно он был очень щепетилен в своих отношениях с людьми. Она злилась на него, ей было неудобно перед своими друзьями.

– Молодые ни о чем не думают, – сказала Софи, словно подытоживая разговор. – Все им безразлично.

Софи была не тем союзником, которого искала Дафна. А может быть, ей что-то известно? Венеция покачала головой.

– Он оставил мне прелестное письмо, в котором очень извинялся. Наверное, ему и правда нездоровится. Думаю, он поступил правильно.

– И умчался на рассвете? Не знаю... – снова вздохнула Дафна и улыбнулась Венеции, зная, что та ее понимает, и все же сожалея, что так получилось.

– По-моему, не стоит искать здесь никакой другой причины, – предложила Венеция, которая как раз этим и занималась в течение последних трех часов. – Мы все хорошо знаем друг друга, и думаю... – Она взглянула на Ральфа, ища в нем поддержки.

Тот объяснял что-то Роберту Кингсли. Он наклонился к нему и для большей убедительности стучал по столу указательным пальцем. Почувствовав на себе взгляд, он обернулся.

– Прошу прощения?

– Мы про Джека. Мы ведь его понимаем, правда?

– Конечно. Если бедняга неважно себя почувствовал, надо позволить ему сбежать и ненадолго спрятаться. Подозреваю, мои дочери не дали ему уснуть до рассвета. Я его ничуть не осуждаю. Боже упаси.

«Мои дочери»... Венеция посмотрела на Тею. Далси, как обычно, за столом не было.

– Ты поедешь на охотничий праздник, дорогая? – спросила она.

Тея оторвала взгляд от своего тоста, к которому едва притронулась. Отсутствие аппетита за завтраком было ей совершенно несвойственно.

– Нет. Думаю, нет. В другой раз.

– Я слышала, Джордж уже подготовил лошадей. Ты уверена, что не поедешь?

– Я же сказала, – отрезала Тея и тут же закрыла глаза, пытаясь взять себя в руки. – Прости.

– Что такое со всеми сегодня утром? – поинтересовалась Софи.

Морис снял очки и принялся тереть глаза. Венеция присмотрелась к Тее внимательнее. Девушка выглядела утомленной: бледная, глаза запали, под ними большие черные круги.

– С тобой все в порядке, дорогая? – заботливо спросила она. – Ты выглядишь совершенно измотанной. Уж не собираешься ли ты слечь?

– Со мной все в порядке. – Тея улыбнулась, стараясь сгладить этим свои резкие слова. – Спасибо, со мной все в порядке. Честное слово.

– До стола ты, по крайней мере, доплелась, – заметил практичный Обри. – Далси еще валяется в постели.

– Верно, – сказала Софи.

Казалось, она приготовилась продолжить проповедь, но Ральф пристально посмотрел на нее, и она тут же притихла, сжала губы, давая понять, что в другое время и в другой обстановке сказала бы больше.

Роберт Кингсли наклонился к Тее, взял ее за руку и дружески потряс.

– Ночью было бурное веселье, да? После того как старые зануды пошли спать?

– Так, поиграли немножко.

Его рука была тяжелой и горячей. Его веселость, всегда казавшаяся приятной, теперь была грубой, навязчивой. Тея чувствовала себя загнанной в угол.

– Я не называла бы это бурным весельем.

– А мы назвали бы? – парировал он.

Они с Ральфом рассмеялись.

Обри откинулся на стуле и громко хлопнул себя по ноге.

– Поскольку Джек уехал, а у Теи нет желания, я тоже не поеду на охоту...

Вошла Далси, и он посмотрел на нее. Она была свежей, цветущей.

– Боже правый. – Ральф уставился на нее. – За что мы удостоены такой высокой чести?

– А почему бы и нет? Я проголодалась и решила позавтракать.

– На тебя приятно посмотреть, – произнес Роберт Кингсли, когда Далси подошла к столу с закусками, чтобы положить себе ветчины.

Она села рядом и одарила его лучезарной улыбкой.

– Как самочувствие? – Далси обратилась ко всем. Она держалась бодро, словно хотела прогнать апатию окружающих.

– Сегодня мы уже без Джека, – сказала Венеция. – Ему нездоровилось, и он уехал домой.

– Да? – Далси намазала хлеб маслом и взяла с тарелки ломтик ветчины. – Жаль. Еще вчера он, кажется, был совершенно здоров.

– Нам кажется, что это вы, девушки, его утомили, – усмехнулся Роберт.

Далси, как белка, грызла тост.

– Мы? Да никогда! Разве это мы, Тея?

– Не думаю... – Тея была готова сквозь землю провалиться со стыда.

Обри поднялся из-за стола.

– Ладно, с вашего разрешения...

Вдруг, нахмурившись, Морис неожиданно заявил:

– Вчера вечером Далси изображала Саломею и преподнесла Джеку баранью голову.

Далси резко подняла на него глаза. Сообщать что-либо подобным образом было не в правилах Мориса. Теперь об этой забаве узнали все, это ей не понравилось. Тея тоже посмотрела на него. Казалось, он был таким же, как всегда. Скорее всего, он просто пытался угодить, объяснить Софи, в чем именно заключалось их вчерашнее «бурное веселье».

– Она была великолепна, – продолжал он. – И изобразила все весьма вдохновенно.

– Заткнись, Морис! – Голос Далси прозвучал, несомненно, чересчур резко.

– Вероятно, пикантное было зрелище? – осведомился Роберт. – Устроила спектакль?

Далси раздраженно пожала плечами.

– Глупости, – возразила она. – Мы просто играли.

– Ты была неотразима.

Морис, казалось, собирался и дальше идти по самому острию бритвы.

– Чепуха!

– Нет, правда. И Джек так считает. Он ведь сразу угадал, кого ты показывала.

– Ну, конечно, он угадал! – Это Софи произнесла настолько необычно оживленным тоном, что все тут же обратили на нее внимание. – Это было крайне удачное представление.

– Что вы хотите этим сказать, тетя Софи? – спросила Далси тонким, срывающимся голосом. – Ведь вас там не было.

– Возможно, не с самого начала... – Софи загадочно улыбнулась. – Но финал я застала.

– Правда?... – Далси засмеялась и обвела взглядом присутствующих, ища у них поддержки, доказательств того, что это невозможно.

Софи театрально сцепила руки под подбородком, ее увядающее лицо уже выражало некое раздражение.

– Ты прекрасно вошла в роль, – заявила она. – И я могу это подтвердить.

Теперь уже Ральф бросил на сестру угрожающий взгляд.

– Софи, может быть, ты все-таки объяснишь, что значат все эти твои туманные намеки? – потребовал он объяснений.

– Ни на что она не намекает, – запротестовала Далси. – Как она может на что-то намекать?

– А ты помолчи. – Ральф не сводил глаз с Софи и даже не взглянул на дочь. – Мы тебя слушаем.

– Если ты хочешь...

– Да, хочу.

– Очень хорошо. Как помните, я вчера рано отправилась спать. – Софи замолчала и обвела глазами аудиторию. Она не могла припомнить, когда в последний раз привлекала к себе внимание такого количества людей одновременно. Ее охватило радостное волнение. Ей было приятно, что все замолчали в ожидании ее рассказа. Стало так тихо, что было бы слышно, как упала иголка.

– Знаем, знаем, – нетерпеливо подгонял ее Ральф.

– Хорошо. Несмотря на то что рано вас оставила, уснуть я не могла: во-первых, было очень шумно, а во-вторых, за эти дни я снова убедилась, что обильная пища не идет мне впрок. Промучившись примерно до часа ночи, я решила спуститься выпить минеральной воды и заодно немного пройтись... – Она снова замолчала. По лицам племянниц она поняла, что они уже обо всем догадываются. Они поняли, что их ждет и что им придется как-то выкручиваться, отрицая все сказанное теткой. – На лестнице я столкнулась с миссис Дакхэм, она уже поднималась к себе, но была так любезна, что пообещала принести мне воды. Тогда я пошла в библиотеку, чтобы взять что-нибудь почитать. Выходя оттуда, я услышала шум. – Она в очередной раз замолчала, поджав губы.

– Шум? – переспросила Венеция.

– Да, было очень шумно.

Снова тишина.

– Какой шум? – поинтересовался Роберт. – Крысы? Воры? – Он весело рассмеялся, но никто не обратил на него внимания.

– Я сразу не поняла, в чем дело. Но в этот самый момент на лестнице появилась Тея.

Тея! Все посмотрели на нее. Новое действующее лицо на сцене. Какое отношение имела она ко всему этому? Атмосфера накалялась.

– Тея спустилась и взяла в столовой апельсин, – продолжала Софи. – А затем она пошла по дому, словно кого-то искала. Меня она не заметила. Наконец она открыла дверь большой гостиной. Там-то она их и обнаружила.

– Кого? – невинно уточнил Морис.

У Теи бешено колотилось сердце, она вспыхнула от стыда. Далси откинулась на спинку стула и всплеснула руками:

– Там были Джек и я. Кто же еще?

– Да? – В Дафне Кингс проснулось любопытство. – И?..

Софи величественно поднялась.

– Далси вам сама расскажет, – объявила она. – Я вижу, что теперь она солгать не посмеет.

С этими словами она вышла. Туманным облаком всех окутало беспокойство. Ральф повернулся к Далси:

– Ты намерена закончить рассказ?

– Придется! – Далси рассвирепела. Ее загнали в угол, но сдаваться она не собиралась. – Тея застала нас с Джеком на преступном месте, или как там это называется...

– На месте преступления, – негромко подсказал ей пораженный Морис.

Кто-то тихо вздохнул. Поступок Далси был столь ужасен, что даже признание не смягчило ее вины. Гомер толкнул дверь лапой и принялся вертеться у стола, выпрашивая объедки. Но повисшая в комнате тишина подействовала даже на него, он сел у ног Ральфа, не сводя с хозяина глаз. Ральф заговорил первым.

– Это правда? – обратился он к Тее.

Она молчала.

– Смотри на меня.

Она посмотрела ему в глаза.

– Это правда?

– Да.

– Далси?

– Конечно. Ты же слышал, что сказала тетя Софи. – Далси резко поднялась. – По-моему, меня здесь больше не хотят видеть, поэтому я пойду.

– Сядь!

Далси опустилась на стул, ее щеки пылали, но губы были плотно сжаты, а голова гордо поднята. Она не собиралась мириться с подобным отношением к себе. Венеция поставила локоть на подлокотник кресла и прикрыла глаза рукой. Дафна Кингсли поднялась и вышла. Дверь за ней закрылась, из коридора послышалось приглушенное всхлипывание.

– Скажи мне только одно, – промолвил Ральф. – Кто, по-твоему, несет ответственность за эту... связь?

– Видишь ли, участвуют обычно двое...

– Это мне известно. – Громадная рука Ральфа опустилась на стол с такой силой, что приборы со звоном подпрыгнули. – Я повторяю, – очень тихо произнес он. – Кто?

– Я его соблазнила.

Вот оно, это слово. Тея была не в силах поднять глаз на Далси. Как она могла? Как могла оказаться столь глупой, безрассудной, жестокой?

– Хорошо. – Голос Ральфа сразу стал деловым. – Заканчивайте завтрак. Я хочу видеть тебя и Тею у себя в кабинете через час.

– Хорошо, я пойду прямо сейчас.

– Нет, через час. Сейчас я за себя не отвечаю. – Он повернулся к Роберту. – Боб, может быть, пройдемся?

Роберт Кингсли вышел в сад за Ральфом. Казалось, что за эти несколько минут он сильно постарел.

Обри подошел к камину и стал яростно ворочать горящие поленья. В нависшей тишине Морис передвигал в тарелке крошки от тоста. Далси взяла ломтик ветчины и откусила кусочек. Жуя, она посмотрела на оставшихся за столом.

– Он сказал мне закончить завтрак, – сообщила она насмешливо, как бы извиняясь за свой хороший аппетит. – Я это и делаю.

Дверь оставалась открытой. Через несколько секунд послышались торопливые шаги и в столовой вновь появилась Софи.

– Я не оставила здесь свои очки?

– Не знаю, – машинально ответила Тея. Она не верила своим глазам, даже подумать не могла, что тетка вернется.

– Кстати, а зачем они вам? Вы, кажется, прекрасно видите и без них. Даже в темноте. – Голос Далси дрожал от ярости.

Софи не обратила на нее внимания. Казалось, она просто не расслышала ее слов. Торопливо подойдя к своему месту, принялась искать пропавшие очки.

– Их здесь нет, – объявила она наконец. – Ладно. Чем мы сегодня займемся?

Обри недовольно фыркнул.

– Вам следовало бы знать, тетушка, что благодаря вашей честности и неосмотрительности Далси сегодняшний день безнадежно испорчен. Лично я не собираюсь ходить тут на задних лапках. Я еду кататься. Всего доброго.

Он вышел. Тея почувствовала гордость и расположение к брату. Его откровенность, невозмутимость по поводу случившегося – именно то, что ей так сейчас нужно. Все остальные были готовы участвовать в драме Далси и поддерживать эту самозваную примадонну. Морис сидел неподвижно, как изваяние.

Вдруг Софи наклонилась и, улыбаясь, погрозила пальцем у самого лица Далси.

– До чего же ты капризная девчонка, Далсимер, – проговорила она без всякого стеснения. – Как была маленькой капризной девочкой, так и осталась.

Ровно в десять часов Далси и Тея стояли у двери кабинета Ральфа. Чета Кингсли уехала пол часа назад. Обри отправился кататься верхом. Венеция и Морис пошли в свои комнаты, София сидела в библиотеке и рукодельничала. В доме было тихо. У них за спиной Примми, стоя на коленях, чистила ковер: очень тщательно, ползая по нему из конца в конец. Она знала, что-то случилось.

Тея постучала.

– Входите.

В кабинете Ральфа был беспорядок. Свалка в полном смысле этого слова, сплошной хаос. Слугам сюда заходить запрещалось, и поэтому страшный кавардак дополнялся пылью и грязью. Эта маленькая комнатка отражала все самое худшее в Ральфе, словно только здесь он был самим собой. Вещи валялись там, где он их бросал. Корзина для мусора была переполнена бумагами: письмами в газеты, неподписанными договорами, старыми журналами. На книжных полках царил такой же беспорядок. Книги стояли не той стороной, просто лежали, некоторые из них были открыты. Можно было подумать, что хозяин судорожно их просматривал, отыскивая какое-то нужное место, но, не найдя, бросал их, словно раненых на поле боя: с безвольно свисающими с полок страницами, разодранными корешками, потрепанными и потертыми обложками. Стол был завален бумагой, как чистой, так и исписанной торопливым размашистым почерком Ральфа. В углу валялся старый пиджак, на котором спал пес. Рядом стояли две миски, в одной из них была вода, где плавали мухи. Все вокруг покрывал толстый слой пыли, на ковре валялись комки пуха и собачьей шерсти, стоило открыть дверь, как они начинали двигаться, словно перекасти-поле в заброшенном городе.

В этом кабинете Тея всегда вспоминала увиденную в детстве картину. На ней был изображен Бетховен, старый, оглохший, с растрепанными волосами и горящими глазами. Он так сильно бил по клавишам рояля, что струны оборвались и торчали из-под крышки, как оголен-

ные нервы. Рисунок испугал ее – столь сильна была сражающаяся с отчаянием личность. И точно так же ее пугал кабинет отца.

Ральф стоял у окна, спиной к двери. Тея снова подивилась его громадной фигуре, его росту, его широким плечам, загораживающим почти весь оконный проем. Он стоял, сложив руки на груди и слегка склонив голову, словно в глубоком раздумье. Тея знала, что это не так, что сейчас он повернется к ним и станет неумолим.

Далси хотелось как можно скорее вступить в схватку.

– Ну, – сказала она, убрала со стула старые газеты, села и изящно положила ногу на ногу. – Мы пришли.

Ральф не отвечал. Он стоял молча еще целую минуту, а потом медленно к ним повернулся. Он был холоден, но в нем кипел гнев. Вспыльчивый и несдержанный по мелочам, он мог совладать со своими чувствами, когда речь шла о чем-то действительно важном. Сейчас Тея вспомнила, что ни разу в жизни отец не ударил ни ее, ни кого-либо другого. Он был таким большим и сильным, что его ярость сама по себе являлась предостережением. Дети чувствовали, когда он был готов их ударить, и, возможно, он не раз был на грани этого, но его сдерживало присутствие Венеции. А теперь ее здесь не было. Все эти годы они жили как бы в кредит, и сейчас наступил час расплаты. Тее было по-настоящему плохо от страха. Ральф, слегка нагнувшись, оперся руками о край стола. Тея смотрела на пульсирующие, вздувшиеся, толстые, как канаты, вены, на густые черные волосы на запястьях, на большие усы и густые брови.

– Знаете, – тихо и спокойно спросил он, – знаете, что меня больше всего огорчило в этом некрасивом деле?

Тея покачала головой. Далси барабанила пальцами по коленке, не сводя глаз со своих ногтей.

– Я понял, что мои дочери глупы! – Последнее слово было выплюнуто с отвращением. Это было одно из самых обидных его ругательств. – Я всегда думал, что, какими бы они ни стали: своевольными, бестактными, гордыми, ошибающимися... – он повернулся к Далси, – никогда не совершат того, что выйдет за рамки общепринятых норм приличия. – Он помолчал. – Но теперь, – продолжал он, и его голос резанул их, как бритва, – оказывается, что вы словно малые дети: глупые, неразумные, не способные отвечать за свои поступки... – Ральф махнул рукой, высказывая этим свое презрение к ним, что, будь у него время, он бы вылил на них целый поток брани. Пачка бумаги, лежавшая на краю, соскользнула со стола, листы разлетелись по полу. Никто их не поднимал. – Далси. – Голос Ральфа вдруг стал вежливым. Словно хирург занес над ними свой скальпель, чтобы расчленил их с ужасающей аккуратностью. – Ты меня огорчаешь. Ты сказала... – Он замолчал и сдвинул брови, будто еще не верил, – сказала, что соблазнила Джека Кингсли.

– Да. – Далси смотрела на него дерзко, открыто.

– И сколько же ты знаешь мужчин, моя дорогая?

Она недовольно надула губы.

– Очень немного.

– Скольких ты знала в библейском смысле слова? Ты меня понимаешь? – Он слегка склонил голову и вопросительно посмотрел на нее.

– Никого. – Далси потупила взгляд.

– Прошу прощения?

– Никого! – прокричала она, морщась от унижения.

– Именно. Следовательно, данный эпизод мы можем рассматривать как простое удовлетворение любопытства. Ты устала. Ты выдумала себе, что томишься в неизвестности. Поэтому ты посмотрела по сторонам и выбрала Кингсли, частого гостя и друга детства.

– Ты говоришь так, словно он не мог поступить никак иначе. Почему во всем виновата одна я? – Далси чуть не плакала.

– Дорогая, – сказал Ральф. – Я абсолютно уверен в том, что бедный Кингсли до сих пор жалеет о каждой секунде этого некрасивого любовного приключения. И он, возможно, будет жалеть до конца своих дней. Далси, он выполнял твой каприз, как это делаем все мы с самого дня твоего рождения.

– Вы никогда бы об этом не узнали, если бы тетя Софи не...

– Хватит! Твоя тетя – несчастная озлобленная женщи-ина. Хотя я тоже считаю, что она повела себя не совсем правильно. Но что сделано, то сделано. А ты не проявила ни деликатности, ни такта, когда она тебя выдала, ни сколько-нибудь достоинства. Ты согласилась, что виновата, и даже не попыталась оправдаться. Ты сама захотела взять на себя вину. Ладно, ты получила, что хотела. Я обвиняю во всем именно тебя.

Далси пожала плечами, ее губы дрожали, она заерзала на стуле.

– Мне стыдно за тебя, Далси, – жестко продолжал Ральф. – Не за то, что ты сделала, – это всего лишь одно из самых больших доступных нам удовольствий, а из-за того, как ты сама относишься к этому. – Он перевел внимание на Тею. – А ты, Тея? Как ты могла ей в этом потворствовать?

– Я едва ли потворствовала этому. Я даже не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Ты понимаешь, моя девочка, ты все понимаешь. Ты знаешь в глубине души, что была соучастницей этого происшествия и что несешь за это такую же ответственность, что и Далси.

– А что мне оставалось делать? Побежать к тебе и все рассказать?

– Да, именно так, – ответил ей отец. – До сих пор ты оказывала на Далси только хорошее влияние, – продолжал он, словно Далси вообще не было в комнате. – Я доверял тебе, ты помогала ей быть более сдержанной, не впадать в крайности, помогала развивать ей то хорошее, что в ней есть, дружески ее критиковала, если она заходила слишком далеко. Но вчера вечером и сегодня утром ты сняла с себя эту ответственность.

Тея глубоко вдохнула.

– А кто виноват в том, что мы так глупы? – раздраженно спросила она. – Кто виноват в том, что мы уже разочаровываемся во всем? Что мы незрелы и нецивилизованны? Кто виноват в том, что нас сжигает любопытство? Кто? – Она пристально смотрела на Ральфа, впервые в жизни испытывая к нему ненависть. Она ненавидела его за невероятное мужское самомнение, за ум, за эгоизм, за слепоту. – Ты во всем этом виноват. Все это из-за тебя! Да, ты хотел, чтобы мы выросли образованными, чтобы у нас было чувство собственного достоинства, чтобы мы были самостоятельными и независимыми. Но разве ты учил нас, как вести себя в обществе? Когда ты устраивал для нас праздники? Или приглашал к нам гостей? Никогда! Ты похоронил здесь маму. Теперь хоронишь и нас, превращая в старых дев еще до того, как мы выросли. Почему мы не можем быть как все остальные девушки и жить в свое удовольствие? Почему мы должны быть другими? Мы прозябаем здесь, словно комнатные растения, думаем о каких-то пустяках, считая дни. И ты пытаешься нас уверить, что мы вполне можем довольствоваться твоим обществом? А это вовсе не так! И я – первая, кто этим недоволен! И чем скорее я смогу отсюда выбраться и зажечь своей жизнью, тем лучше! – прокричала она и умолкла.

Ральф поднял брови.

– И тогда мы еще посмотрим, кто от кого зависит, – закончила Тея.

Она дрожала всем телом. Далси, взволнованная яростной речью Теи, встала рядом с ней. Ральф некоторое время пристально на них смотрел, затем запрокинул голову и рассмеялся, громко и раскатисто. Смех залил всю маленькую комнату. Этим смехом он давал понять Тее, что вся ее гордость, злоба и боль для него не более чем детский лепет.

Примми, протиравшая за дверью перила лестницы, недоумевала, что могло случиться веселого, поскольку пару минут назад инициатор встречи пребывал в крайне мрачном настроении.

Вдоволь насмеявшись, Ральф скептически покачал головой.

– Ты хорошо умеешь говорить, дочь. Прекрасная речь. А теперь я вам скажу, что собираюсь сделать с этими двумя комнатными растениями. Ваши молитвы услышаны. Я намереваюсь отправить вас в Вену на неопределенный срок. – Он окинул их веселым взглядом, словно ожидая, что от изумления они рассыплются в пыль.

– Прошу прощения? – сказала Далси.

– Я собираюсь отправить письмо Джессике фон Крифф, сестре вашей матери. На протяжении двух последних лет она приглашала меня навестить их семью, но я постоянно отказывал. Я считал, что ты, Далси, слишком молода, а у тебя, Тея, есть иные, более увлекательные занятия. Но теперь я вижу, что эта поездка – именно то, о чем вы мечтаете. Там вы будете жить как все, великолепно, я надеюсь. Там вы будете ходить на балы, в гости, на бесконечные вечеринки. Вас будут таскать по операм и театрам, вы будете наслаждаться всеми светскими удовольствиями, но... – он выразительно посмотрел на дочерей, – но от вас потребуются умение вести себя как следует. Поездка станет для вас одновременно увлекательной и полезной. Я уже заканчиваю письмо Джессике и сегодня же его отправлю. – Он сел и приподнял руки, прежде чем положить их на колени, словно говоря этим: «Вот так. Что скажете?»

– Понятно, – произнесла Тея.

– А теперь мы можем идти? – поинтересовалась Далси.

Ральф кивнул. Она повернулась и пошла к двери, а когда проходила мимо Теи, на ее губах появилась злорадная ухмылка. Дверь за ней закрылась, и послышались ее легкие шаги. Тея повернулась к Ральфу:

– Это несправедливо. И ты это понимаешь. А как же колледж?

– А в чем дело? У тебя впереди вся жизнь. Ты же сама сказала, что хочешь отсюда выбраться.

– Да, но жить самостоятельно – не значит тратить время попусту на бесконечные танцы и легкомысленные разговоры.

Ральф расхохотался, но на этот раз не так громко.

– Тебе еще нужно узнать, дорогая, что такое общество и что такое легкомыслие. И только тогда ты сможешь до конца узнать, насколько это пустые вещи. Ты поедешь в Вену. А когда вернешься, мы подумаем о колледже.

– Но ты же подарил мне пишущую машинку.

Тея была готова расплакаться. Это было полным предательством. Поцелуем Иуды. Но все это произошло тысячу лет назад, еще до грехопадения. С того момента ее мир взорвался, разлетелся, разбился вдребезги, и она, лишившись всякой опоры, оказалась посреди бесконечной голой равнины.

Ральф взял со стола карандаш и принялся точить его сначала с одного конца, потом с другого, бросая стружки на промокашку.

– А мама знает?

Это была зыбкая надежда, что Венеция ее спасет, поймет несправедливость этого драконовского наказания, остановит Ральфа.

– Нет, но она будет в восторге. Она всегда считала, что я не уделяю должного внимания вашему продвижению в обществе.

– Я не хочу никуда ехать. – Тея старалась, чтобы ее слова прозвучали сурово и решительно, но они были похожи на мольбу.

– Это пойдет тебе на пользу. Кроме того, кто-то должен присматривать за Далси.

– Это нечестно. Почему я должна быть надзирательницей? Ты разве не понимаешь, что для нее это не наказание? Ты даешь именно то, чего ей так хочется.

– Не совсем. Ей придется научиться сдерживать свои аппетиты, вести себя подобающе.

– Ясно. Иными словами, ты спешишь отделаться от нас обоих, как только мы начали доставлять тебе неприятности, перекадываешь всю ответственность на меня. А ведь это не я...

– Я знаю.

Лицо Ральфа вдруг стало грозным. Она, наверное, зашла слишком далеко. Он все еще вертел в руках карандаш: удар одним концом – поворот, удар другим – поворот. Тея стало казаться, что она похожа на этот карандаш, которым вертят как хотят. Если что-то будет не так, ее просто переломят. Тея направилась к двери. Обернувшись, чтобы закрыть ее за собой, она увидела лицо отца: он уже справился с раздражением и смотрел ей вслед печальным понимающим взглядом, перенести который было невозможно. Она поспешила закрыть дверь. Ей стало стыдно.

Когда она прошла через гостиную, на лестничной площадке появилась Далси, взволнованная, с горящими глазами.

– Ну, наконец-то все в порядке! – восхищенно воскликнула она.

– Да.

Далси не побоялась тайных приключений и была весьма довольна тем, что из этого вышло. После разговора с Ральфом, после поступка Далси Тея начала сознавать то, что раньше хранилось где-то в глубине ее сознания. Увидев свое отражение в большом зеркале, она поняла, что именно это было. Тея остановилась, внимательно разглядывая свое изможденное лицо, и заставила себя прознести так, словно изгоняла духов:

– Я ревную, – произнесла она сквозь зубы. – Я ревную и очень жалею о том, что это случилось не со мной.

Тея брела по коридру в свою комнату. Ей вдруг все стало безразлично. Ее окружала разбитая скорлупа прежней жизни: статьи, которые она собиралась написать, лошади, на которых она так любила кататься, новая, еще не опробованная пишущая машинка. Какой теперь во всем этом смысл? У двери своей комнаты она остановилась. Сейчас ей не хотелось оставаться одной, она нуждалась в тепле и сочувствии. Тея постучала в дверь Мориса.

– Кто там? – Морис всегда был настороже.

– Это я, Тея.

– Да, входи.

Когда она вошла, Морис уже стоял посередине комнаты, он сделал шаг ей навстречу, но, поколебавшись, отступил и в результате остался на том же месте.

– Я тебе не помешала? – Тея взглянула на книги, разложенные на столе.

Морис махнул рукой.

– Ничего, я все равно не мог заставить себя заниматься.

Он подошел к столу и аккуратно сложил книги стопкой. Морис усвоил с ранних лет, что опрятность и порядок могут служить неплохой защитой от внешнего мира. Если все вещи убраны в шкафы и ящики, в них не сунет нос кто-нибудь любопытный. Хотя раньше, когда в доме царил террор Далси, убрав что-либо так, чтобы она не могла найти, можно было все только испортить. В те дни в его комнате царил полнейший беспорядок. Морис сочувственно посмотрел на Тею:

– Жаль, что утром так все получилось.

– Глупенький, почему ты извиняешься? Ты ведь не сделал ничего плохого.

– Я не совсем точно выразился. Мне было жаль тебя. Что сказал Ральф?

Тея обхватила себя руками, словно замерзла, и подошла к окну.

– Он отправляет нас в Вену. На неопределенное время. Это, видишь ли, пойдет нам на пользу. Мы научимся вращаться в обществе и вести себя как леди.

Его поразила горечь, прозвучавшая в ее голосе.

– Мне казалось, для Ральфа это не имеет никакого значения.

– Верно. Но он решил, что нам это необходимо. Для Далси это станет необходимым уроком этикета.

– А для тебя?

– Я еду присматривать за ней.

– Боже мой, это невероятно. Ведь она виновата, и ей же, как я понимаю, предоставляют каникулы, а на тебя возлагают родительские обязанности.

– Дело не только в этом.

Тея смотрела на голые вязы, стоявшие вдоль дороги: сейчас они были похожи на скелеты. Опять пошел дождь. Джордж Роулз разравнивал следы автомобильных шин на гравийной дороге.

– А в чем? – Морис подошел и встал рядом с ней.

Тея нащупала его руку и сжала ее.

– Хороший урок не мешает преподавать и мне. Есть вещи, которым я должна научиться.

Он прав.

– Да. – Морису было совершенно очевидно, что она не станет рассказывать подробно, что это за урок.

Тея села у окна и потянула его за руку к себе. Она по-прежнему смотрела в окно. Ее, наверное, одолевали мысли. Не желая беспокоить ее, Морис тоже стал смотреть в окно. Он видел отсюда, как приезжали и уезжали Теннанты, слышал их взволнованные голоса, когда они встречались или расставались, смотрел со страхом и завистью, как они быстро и целеустремленно отправляются по своим делам. Отсюда он видел автомобили, которые, как драконы, с ревом проносились по дороге, и всадников, возвращающихся домой. Отсюда он видел Тею в тот день, когда она возвращалась, очень бледная, с охоты, а рядом ехал Джек Кингсли. Сейчас она выглядела так же, как тогда, тем морозным январским утром: бледной, растерянной, потрясенной.

– Поступок Далси просто отвратителен, – вдруг яростно произнес он. – Ей не может быть прощения.

Тея пожала плечами.

– Простить можно все, что угодно.

– Нет, я не согласен. – Морис вдруг решил сказать все, что думает. Все эти годы, на протяжении которых Далси причиняла ему столько неприятностей, он мечтал, чтобы ее наказали, но никогда не жаловался, не желая прослыть ябедой. Но теперь, когда Далси обидела Тею, он скажет все, что думает о ней, назовет вещи своими именами. – Она вела себя с Джеком как дешевая проститутка.

– Морис! – Тея улыбнулась нежно и удивленно.

– Да. И сцена, которую она устроила за завтраком, расстроив всех, нужна была лишь затем, чтобы шокировать нас. И это еще раз доказывает, что я прав. Что бы она ни делала, это все показное. Решительно все.

– Я знаю, знаю. – Тея сжала его руку. – Я знаю, она невыносима. Но она не стала бы такой, будь у нее больше радости. На самом деле единственное, что ей надо, – это радость, веселье, флирт и все тому подобное. Но поскольку она лишена всего этого, она и ведет себя безобразно.

– Ты великодушна к ней.

– Вовсе нет. Вчера ночью я была готова ее убить, а теперь просто устала. Такое ощущение, словно меня побили. Я хочу отдохнуть. Знаешь, – задумчиво продолжала она, словно разговаривая сама с собой, – в те времена, когда мама была совсем молодой, на домашних вечерах этим все занимались. Я имею в виду не жен и мужей, а молодых людей, которые собирались, специально чтобы пофлиртовать. На каждой двери вешали табличку с именем гостя, а когда все ложились спать, таблички меняли местами. На самом деле неплохо придумано.

– Конечно, Венеция...

– Ох, нет, мама – никогда. – Тея покачала головой. – Понимаешь, она любила отца.

Морис понимал. Тея восхищалась огромной любовью родителей, и преступление Далси состояло также и в том, что она разрушила ее представление о любви.

– Даже у короля Эдуарда была мисс Кеппел, – сказала Тея.

– Да.

– Я ее однажды видела. Я тебе не говорила? Она симпатичная, но не такая красивая, как королева Александра. Королева очень хорошая женщина: спокойная и сильная. У нее достаточно сил, чтобы нести свое бремя в чужой стране и оставаться с мужем, который не смог устоять перед симпатичной женщиной. Она не потеряла достоинства, и на самом деле король ее всегда любил. – Тея доверительно взглянула на Мориса.

Он был тронут. Казалось, что она исповедуется перед ним, проверяет правильность своих убеждений.

– Что меня больше всего расстроило в поступке Далси, – продолжала она, озабоченно глядя ему в глаза, ища в них полного понимания, – так это то, что она сделала это исключительно для себя. Не ради любви, не ради дружбы и даже не ради... – она подыскивала подходящие слова, – не ради обычного человеческого тепла. Она ничего не дала взамен. Ей было все равно.

Морис кивнул. Он мог это представить.

– На самом деле, – тихо сказала Тея, – я их видела. И это была не любовь, а прелюбодеяние, от чего предостерегает Библия.

– Жаль, что ты их видела, – нежно ответил Морис. – Не случись этого, ты бы, наверное, так и не узнала.

– Какое это имеет значение? – Ее голос сорвался. – Это произошло, теперь все пойдет наперекосяк. – Тея закрыла лицо руками. Ее подбородок задрожал. Она была расстроена.

– Так что насчет Вены? – изменил Морис тему разговора. – Когда вы уезжаете?

Тея покачала головой, не отрывая рук от лица, боясь расплакаться.

– Я много думал, – продолжал Морис, хотя на самом деле эта мысль пришла ему в голову только что, ослепив, как вспышка, – не захочется ли тебе съездить в Кембридж на несколько дней. Маленькие каникулы, подальше от всего этого. Перед отъездом в Вену... – Он запнулся и замолчал. Прежде чем продолжить, ему хотелось посмотреть на реакцию Теи.

– Правда? А ты уверен, что это не помешает твоим занятиям?

Сквозь тучи пробилось солнышко. Она хотела поехать. Морис, довольный своим успехом, решил действовать напрямую.

– Я уезжаю завтра или послезавтра. Здесь мне оставаться незачем. – Он помолчал, не желая показаться занудой и стремясь быть откровенным. – Чем раньше я уеду, тем лучше. Я подыщу место, где ты сможешь остановиться, скажем, в начале февраля. Мы будем делать, что захотим. Я покажу тебе окрестности, свожу в колледж, познакомлю с друзьями. Ральф вряд ли отправит вас раньше февраля. По крайней мере, я так думаю. Надеюсь, и погода будет хорошей. Еще есть время до твоего отъезда.

Тея обняла его и поцеловала. Он почувствовал слезы на ее щеке.

– Морис, дорогой. Мне так хочется поехать к тебе. Что бы я без тебя делала?

* * *

Джек поставил машину в гараж, не относя в дом чемодан, глубже засунул руки в карманы пальто и пошел вниз по холму, к вытянутому озеру, именем которого и называлось это место.

Было восемь часов. Ранний утренний туман почти рассеялся, но кое-где он все еще висел громадными изогнутыми перьями. На левом берегу темнела роща: остроконечные кроны были

усеяны черными точками грачиных гнезд. На другом берегу озера, за туманом, стал виден другой холм, который отсюда казался гораздо внушительнее, чем был на самом деле. С самого детства он казался Джеку не просто грязным холмом, а загадочным, непостижимым местом. Хотя он и располагался на земле Кингсли, играть ему там не позволялось. Оттуда он не услышал бы, как его зовут домой, и там, в долине, было болото, в котором, по мнению Дафны, он мог бы найти ужасный конец. Но как только он впервые приехал домой на каникулы из Винчестера, забыл обо всех детских запретах и отправился на холм обследовать видневшиеся на вершине руины. Постройка была прихотью далекого предка Кингсли. Это была высокая башня, но почва под ней оказалась нетвердой, и она предательски наклонилась. Крыша разрушилась, так что теперь строение напоминало обломанный зуб. Но как только Джек обнаружил башню, она стала его любимым местом, именно тем, о чем он давно мечтал. Здесь он просиживал часами, просто наслаждаясь независимостью. Ему нравилось даже то, что башня могла в любой момент рухнуть, не оставив от него и мокрого места. У него не было ни братьев, ни сестер, которых он мог бы сюда привести. Единственным человеком, кого ему хотелось взять сюда с собой, была Тея, но он не знал, как пригласить ее. «Пошли посмотришь, где я прячусь»? Слишком по-детски. К тому же это значило для него гораздо больше. Но она всегда приезжала с семьей, и Далси наверняка стала бы докучать просьбами, чтобы ее взяли тоже. В конце концов место так и осталось его тайной.

У озера он пошел по берегу между деревьев. Неподвижный воздух наполнялся птичьим гомоном. В низине было сыро, и он поднял широкий воротник. Джек быстро шел сквозь молчаливую гвардию деревьев, ковер прошлогодней листвы заглушал его шаги. Тропинку перед ним перебежала белка и бросилась вверх по дереву. Ее заостренная мордочка высунулась из-за ствола, зверек уставился на него. Джек вышел из леса и стал подниматься по холму к руинам. Почва здесь была истощенной, и скот сюда не выгоняли. Неряшливый склон был изрыт заячьими норками и кротовыми ходами.

Башня на вершине холма стояла как пьяная, не теряя равновесия только благодаря наваленным под стену камням. Джек с усилием поднялся на вершину и обошел башню. Когда-то давно здесь была красивая арка, ведущая внутрь, но теперь здесь зиял пролом с лохмотьями сорной травы, пробивавшейся между камней. Пригнув голову, Джек вошел. В башне стоял ужасный запах, настолько сильный, что у него перехватило дыхание, и он прижал ладонь ко рту, чтобы остановить подступившую тошноту. Сначала в темноте не было ничего видно, но потом он смог разглядеть ровный земляной пол, потрескавшийся под корнями нескольких огромных чертополохов, стены, поросшие мхом, в дальнем углу – деревянный ящик, который он сюда притащил еще мальчишкой. В нем были свечи, спички, немного конфет, веревка, мотки проволоки, несколько номеров «Газеты для мальчишек», а также старая чайная коробочка, где хранились самые большие его ценности: перочинный нож, кусочки мрамора и все тому подобное. Большинство этих вещей давным давно сломались и заплесневели, но у него не поднималась рука их выбросить. Сюда никто не ходил, они никому не мешали. Даже только потому, что они служили ему так долго, ему было жалко с ними расставаться. Пусть уж они, эти реликвии детства, лежат здесь, пока не рухнет башня.

Он прислонился к каменной стене, сполз на пол и сел, обхватив руками колени и глядя на разрушенную дверь. Плоское оранжевое солнце, похожее на монету, поднялось над вершиной холма. У Джека было ощущение, что он наконец в безопасности. Он подумал, что сейчас Венеция, наверное, уже прочла его письмо и либо поверила, либо сразу же поняла, что все это ложь. Далси и Тея, очевидно, уже встретились и сказали друг другу... Что? Он не мог забыть лицо Теи перед тем, как она попятилась к двери. Она была несчастна. Он до сих пор не мог поверить в то, что сделал. Видит Бог, он не хотел этого.

Джек горестно покачал головой. Неприятный запах снова напомнил о себе, ему стало любопытно. Он взглянул на темневший в полумраке деревянный ящик. Восходящее солнце

осветило еще один лежавший рядом продолговатый предмет. Он поднялся, подошел и потрогал его носком ботинка.

Это был труп. Так как тело сильно разложилось, судить о возрасте человека было невозможно, но грязная внешность выдавала в нем бродягу. Когда Джек пнул тело, оно чуть отодвинулось, как мешок с песком, но поза не изменилась. От рваного покрывала отвалился кусок, открывая лицо или, вернее, то, что от него осталось, оно, искаженное дикой улыбкой, оказалось повернутым к Джеку. На щеках и в глазницах засуетились мухи, волосы валялись клочьями на земле, словно овечья шерсть.

Некоторое время Джек смотрел на него, потом перевел взгляд на ящик. Чайная коробка была открыта, ее содержимое разбросано по полу. Один маленький предмет показался ему незнакомым. Джек поднял его, чтобы лучше рассмотреть. Это был овальный медальон, очевидно принадлежавший страннику, слишком исцарапанный и заляпанный грязью, рассмотреть его было невозможно. Джек опустил находку в карман. В углу возле тела на земле стояла последняя свеча, почти догоревшая.

Джек снова подошел к покойнику и осторожно прикрыл его лицо шляпой. Потом он вышел из башни и, спотыкаясь, побежал с холма. Это место уже ему не принадлежало.

Глава 4

В субботу после Рождества у Примми был выходной. Она могла уехать из Чилвертон-Хаус утром, после того как сделает уборку, и вернуться только в воскресенье к вечеру.

Она ждала этих выходных со смешанными чувствами, поскольку нужно было ехать домой. Обычно она не ездила в Лондон, а, как правило, ходила в Брумли за покупками, с Джоан или одна – одиночество не пугало ее. Но на уикэнд нужно было съездить домой.

Примми не питала иллюзий по поводу своей семьи. Она, конечно, не стыдилась родственников, но и гордиться было нечем. Когда два года назад ее младший брат Сэм погиб, попав под поезд, мать даже не сообщила ей, и она узнала об этом лишь три месяца спустя, когда приехала погостить домой. Ей ничего не сообщили не оттого, что миссис Дилкес было не под силу написать грамотное письмо, а скорее по той причине, что она не сочла новость достаточно важной. Примми почти не видела Сэма с тех пор, как поступила на службу. Когда она уезжала, Сэм был всего лишь сопливым шестилетним ребенком, так что особой любви друг к другу возникнуть у них не могло. Примми, узнав, что он погиб, отнеслась к этому философски. Она не испытала чувства горечи или потери, брат ничего не значил для нее. Многие снова и снова повторяли ей, что это «большое горе» и «тяжелая утрата», но сама она не горевала, и тяжело ей не было. Случилось то, что случилось, и дело с концом.

Что касалось матери, Примми не любила ее и не считала себя чем-то ей обязанной. Если она и была ей что-то должна, то честно возвращала долг, как в детстве, так и потом, когда поступила на службу. Из семи шиллингов, что ей платил мистер Теннант в неделю (хорошее жалованье для горничной), три она отправляла матери и навещала ее как могла часто. Единственное чувство, которое Примми питала к матери, – это некоторое уважение за то, что она смогла выжить в суровой городской действительности без всякой финансовой поддержки, а после ухода мистера Дилкеса – и без единого взрослого человека рядом.

Но Примми никогда не смогла бы простить до конца матери того, что она продала ее в работницы. Она до сих пор вспоминала с дрожью от пережитого унижения, как ее мать рассказывала о ней, когда они впервые пришли на Рейнлаф-Роуд договориться насчет работы.

«Она хорошая, аккуратная девочка... Она станет делать все, что скажете... всегда помогает мне справиться с четырьмя детьми... Вы будете довольны, мэм». Она говорила так, словно Примми была товаром, способным приносить ей по несколько шиллингов в неделю.

Накануне они всю ночь ругались из-за этого решения. Примми наотрез отказывалась идти, и мать, схватив за плечи, трясла ее, словно тряпичную куклу, а остальные дети сидели вокруг и с интересом наблюдали за происходящим. Примми в ответ ударила ее, и миссис Дилкес отлетела назад, ударилась о складную раму для сушки, постиранное белье упало на пол. Дети, заинтригованные и перепуганные одновременно, бросились к ней из углов маленькой кухни, словно цыплята к наседке. Пропавшая стирка вызвала у миссис Дилкес настоящий гнев. Она не рабыня, чтобы стирать людям грязное белье лишь затем, чтобы ее дочь, эта упрямая корова, разбрасывала все по полу. Она не могла этого так оставить. Миссис Дилкес была одного роста с Примми, но жилистой и сильной, на протяжении многих лет она одерживала верх в схватках с мужем, которые происходили каждый субботний вечер. Справиться с четырнадцатилетней девчонкой ей было просто. Она бросилась на Примми, крепко и умело схватила ее за волосы и принялась таскать ее за них, пока из глаз дочери не брызнул слезы. Она кричала, что Примми пойдет на Рейнлаф-Роуд, что она будет работать и приносить в дом хорошие деньги, а если нет, то она, Лили Дилкес, лично позаботится о том, чтобы Примми всю жизнь провела в нищете. Дальнейшие протесты привели к тому, что она отхлестала дочь по щекам со всей силы, что только в ней была. Примми не соглашалась, хотя и перестала спорить, поскольку устала от всего, что происходило. Миссис Дилкес восприняла это как капитуляцию, и вопрос был снят.

После этого визит на Рейнлаф-Роуд прошел даже несколько забавно. Примми упорно молчала. Не проронила ни слова. Миссис Дилкес очень хотелось (и Примми об этом знала) возобновить дружеские отношения с дочерью, чтобы вместе убедить миссис Теннант взять девочку на работу. Было крайне неловко долго ехать в полном молчании и смотреть на уже взрослую девочку, не зная, что ей сказать. Кроме того, левая щека Примми посинела от нанесенного ей накануне удара, и миссис Дилкес хотела убедиться в том, что истинная причина происхождения синяка не раскроется. Но Примми молчала. Она была совершенно глуха к лести матери и не обращала внимания на ее попытки сбить дочь с толку, неожиданно задавая вопросы, не относящиеся к предстоящей встрече. Примми проснулась рано, привела себя в порядок и приготовила чай и кашу, остальное миссис Дилкес была в состоянии сделать самостоятельно.

Пока мать пресмыкалась перед миссис Теннант, Примми стояла как статуя и смотрела в окно. За окном она видела двух девочек, темненькую и светленькую, игравших в саду. Они бегали, прыгали, вертелись, но их совершенно не было слышно. Только голос их матери. Наконец миссис Теннант повернулась к ней и нежно сказала:

– Мисс Дилкес, можно я буду называть вас Примроуз?

Это было приятно Примми, и этот момент она будет помнить всегда. Ее побили, приволокли сюда силой, а здесь с ней разговаривали вежливо. Мать была ошеломлена. Работу Примми получила.

Потом миссис Теннант подошла к ней и спросила:

– Что у тебя с лицом, милая?

Но прежде чем Примми успела соврать что-нибудь подходящее, ее мать сказала:

– Это мой муж. Боюсь, он слишком распускает руки. Он выпивает... – Она мрачно кивнула ей, как бы рассчитывая на понимание.

Миссис Теннант смутилась и сочувственно произнесла:

– Ах да, конечно... Простите... Бедный ребенок.

Эта ложь потрясла Примми, даже не потому, что это действительно могло случиться, а просто ей показалось, что это уже слишком: пополнять и без того длинный список преступлений мистера Дилкеса. Когда они вышли из дома, Примми больше не произнесла ни слова.

Вскоре мистер Дилкес бросил их, и тонкая нить, связывающая Примми с матерью, разорвалась. Они больше не ссорились, они просто почти не разговаривали.

Итак, в субботу, покончив с делами по дому, Примми поднялась к себе в комнату и стала готовиться к отъезду. Она сняла фартук, платье, наколку с волос. К понедельнику все это нужно постирать. Накануне вечером она сложила вещи и повесила на стул одежду, которую собиралась надеть. Примми выбрала синий костюм с приталенным жакетом и голубую блузку с кружевной вставкой на груди и такими же манжетами. Она поняла, что замерзнет, и неохотно надела свое старое черное пальто, пыльное и потертое. К тому же она обернула тело под костюмом большим куском фланели. Старые плотные чулки она снимать не стала, поскольку другие, хорошие, уже упаковала. Так же она уложила отрез кружева: просто так, на всякий случай. Она никуда не собиралась, но мало ли что может случиться. Наконец она обулась в свои лучшие черные туфли и надела шляпку. Шляпка была радостью и гордостью Примми. У нее их было всего две, и эта – одна из немногих ее модных вещей. Примми скопила денег и купила ее в прошлый выходной в магазине Сугдена. Это был последний крик моды: в форме перевернутого розового бутона, украшенная узким длинным пером – темно-синим с бирюзовым отливом. В этой шляпке Примми чувствовала себя одетой великолепно, тем более что она добавляла добрых четыре дюйма к ее росту. Закрепив этот венец моды у себя на голове шляпной булавкой, она натянула перчатки, взяла вещи, в который раз оглядела безупречную комнату и вышла.

Спустившись с лестницы, она заглянула в кухню:

– До свидания, миссис Дакхэм.

– Примми! Ты меня до смерти напугала.

Миссис Дакхэм разливала чай из огромного фарфорового чайника в многочисленные чашки. Из комнаты для слуг доносились голоса. Кухарка поставила чайник и уставилась на шляпку Примми.

– Значит, носишь, – с сомнением проговорила она.

– Нравится?

– По-моему, замечательно.

Было совершенно ясно, что шляпка ей не нравится. Примми так и думала. Шляпка была слишком хороша для простой горничной. А это значило, что Примми совершает в ее глазах одно из страшнейших преступлений в кодексе миссис Дакхэм – важничает и подражает хозяйкам.

Примми была не расположена продолжать обмен любезностями.

– Тогда я пойду. Я починила ту одежду и сложила ее в шкаф на первом этаже.

– Спасибо, значит, до завтра.

– Счастливо!

– К чаю вернешься? – крикнула миссис Дакхэм в спину удаляющейся Примми.

– Можете не беспокоиться. Я не опоздаю.

Эта шляпа! Миссис Дакхэм сжала зубы.

Примми прошла через двор и направилась к боковым воротам мимо конюшни. Она помахала Мередиту, седлавшему лошадь. Он улыбнулся и начал что-то ей рассказывать, желая посплетничать, но она прошла дальше, сделав вид, что не слышит. Примми боялась лошадей. Она не много боялась, и у нее была простая тактика избегать всего, чего боишься. Примми торопливо пошла своей дорогой. У поворота на Эвхурст-Роуд ее ждал почтовый фургон.

Утро было морозным. Она вдруг подумала, что за последние полгода выходила из дома всего четыре раза. За день проходила целые мили по лестницам, коридорам и комнатам. На окружающий мир она смотрела из окон. Теперь у нее даже кружилась голова от свежего воздуха и впечатлений. Она чувствовала себя монахиней, вырвавшейся на свободу после долгих лет жизни в келье.

Мороз начал щипать ее. Ноги озябли, а нос и щеки онемели. Конечно, ей случалось мерзнуть и во время всего рабочего дня, руки бывали лиловыми, а под платьем бегали мурашки, но таковы условия работы в большом доме: повсюду нужно поддерживать огонь, но посидеть возле него нельзя. Самой большой роскошью было погреться в комнате для слуг, хотя самые лучшие места у огня всегда занимали Коллингвуд и миссис Дакхэм. Еще можно было встать у плиты и задрать юбку, чтобы теплый воздух проникал под нее, но, когда на кухне находилась миссис Дакхэм, она вполне резонно возражала против подобной практики. И несмотря на все это, Примми не была готова к такому холоду, как на улице. Она шла все быстрее, спотыкаясь на промерзшей бугристой земле. Она надеялась, что Тим Уоррен не опоздает.

Он подъехал вовремя. Как только она вышла на дорогу, показался его зеленый фургон с красными и белыми надписями по бокам, он спускался с холма со стороны деревни. Он остановился рядом с ней, Примми обежала фургон и с облегчением взобралась на пассажирское место. Они поехали, Тим взглянул на нее.

– Значит, едешь в Лондон? – спросил он, хотя это и так было ясно.

– Совершенно верно.

– Отлично выглядишь.

Примми резко взглянула на него, не понимая, комплимент это или нет, но решила, что все же комплимент.

– Спасибо, – как принято, ответила она.

Тим Уоррен считал, что пользуется успехом у дам. Разъезжая между Брумли и окрестными деревнями и развозя товары по магазинам и зажиточным домам, он считал, что у него

богатый опыт. Как моряк хвастается, что у него в каждом порту по невесте, так и Тим полагал, что разбил сердца по крайней мере дюжины дам. Но от его самодовольной ухмылки и подмигивания Примми было противно. Она сложила руки на коленях и созерцала сельские пейзажи, не поворачиваясь к нему. Кроме всего прочего, Тим был чрезвычайно толстокож и нетактичен. Тим лишь мельком бросал взгляды на дорогу и через несколько минут спросил:

– Тебя кто-нибудь ждет в Лондоне?

– Нет, – безразлично ответила Примми.

– Не могу поверить, – сказал Тим и широким движением руки со скрежетом переключил передачу. – Могу поспорить, вокруг тебя вертится немало парней. Разве тебя не ждет целая толпа поклонников? Давай признавайся.

– Ничего подобного.

– Сегодня вечером пойдешь прогуляться, – невозмутимо продолжал Тим, не думая переменить сложившееся у Примми представление о нем. – «Сладка субботняя ночь, – страстно пропел он, – когда закончил будничный свой труд». – Он снова взглянул на Примми.

Она повернула голову, собираясь сокрушить его какой-нибудь колкостью. Его черные курчавые волосы выбились из-под кепки, на шее повязан пестрый платок. Рот растягивала широкая улыбка, настолько веселая, что Примми не удержалась и тоже рассмеялась в ответ.

– Так-то! – воскликнул он, радуясь, что одержал еще одну победу благодаря своему обаянию, устоять перед которым невозможно. – Так-то, крошка. «Этим вечером ты вольешься в толпу, не забудь взять собой и подружек».

Примми отругала себя за то, что так неосторожно открыла шлюзы, откуда хлынуло его бурное веселье. Теперь ее будут обхаживать всю дорогу до Брумли.

Возле станции Тим остановил фургон и спросил:

– Хочешь, заберу тебя отсюда завтра вечером?

– Только если тебе по дороге.

– С вами, принцесса, мне всегда по дороге.

– Не утруждайся, пожалуйста. Я запросто могу добраться автобусом, а потом пройтись, как всегда.

– Ты собираешься идти одна в темноте? – Его глаза стали размером с блюдца. Таким образом он выразил свое недоумение. – В такой шляпке? Я приеду. До завтра.

– Спасибо. Я буду здесь около пяти.

Примми снова улыбнулась ему. Теперь это было безопасно, поскольку они расставались. Он подмигнул ей на прощание и захлопнул дверь.

В лондонском поезде, как и всегда по выходным, былолюдно. Примми купила билет в два конца за шиллинг и шесть пенсов. Ей пришлось несколько минут идти по вагонам, прежде чем она нашла место в уголке купе, где уже сидела женщина с маленькой дочкой. Примми подумала, что за последнее время она стала какой-то робкой. Просто отвыкла от большого скопления людей и робела при посторонних. Ее жизнь текла размеренно, долгое время она как бы находилась в заточении. В детстве она была гораздо храбрее. Когда ей было тринадцать, Тонни, соседский мальчик, уговорил ее взглянуть на его половые органы. Случилось это в школьном саду. Под ее взглядом его гениталии удивительным образом увеличивались. Примми осторожно прикоснулась к ним, это привело Тонни в крайнее возбуждение. Он сразу же решил, что эксперимент следует непременно продолжить, но это уже не имело никакого успеха. Несмотря на желание обеих сторон, плоть все же не подчинялась разуму. В результате все вышло как-то неловко. Примми до сих пор помнила, как твердые холодные кирпичи царапали ей спину, при этом она не испытывала ни малейшего подобия страсти. Потом им было неудобно друг перед другом, хотя они и остались друзьями. После Тонни принес ей немного устриц на блюдце и украденную у отца мелочь, которую тот хранил в банке из-под пива.

На этом сексуальный опыт Примми закончился. Она была девушкой строгой морали, и к тому же по натуре одиночкой. С детства она видела, как ее мать плывет по течению, и со временем в Примми крепло желание улучшить свою жизнь, и теперь это было единственным ее желанием. И хотя некогда парень по имени Дик был весьма близок к тому, чтобы очаровать ее, в конце концов это не привело ни к чему, и сейчас она изредка вспоминала его с чувством легкой печали.

Поезд подошел к станции Нью-Кросс, Примми взяла вещи и торопливо пошла в Детфорд. Ее утреннее ощущение, что она – вернувшаяся в мир затворница, вновь захватило ее, но теперь во сто крат сильнее. Ее потрясли шум и суeta улиц. Толпа людей на тротуарах, казалось, кричала во все горло. Улицы были полны транспортом, в основном гужевым. Поскольку была суббота, все вокруг пронизывало ожидание предстоящего праздника. На улицы выставили лотки, Панч и Джуди уже зазывали народ к своему балагану. Среди всеобщего гама слышались гнусавые крики ломовых извозчиков. Здесь их было немало, летом они оставляли своих стреноженных лошадей прямо на лугах у реки. В детстве Примми с друзьями часто ходила туда и носила лошадям угощение. Иногда им удавалось покататься, и они сидели все на одной лошади и подпрыгивали на ее широкой гладкой спине при каждом ее шаге.

На пути Примми была пивная. У окна стояли на холоде человек двадцать пять с кружками в руках. Проходя мимо них с гордо поднятой головой, она заметила там ребенка с большим эмалированным кувшином. Она вспомнила, как в детстве тоже приходила сюда, чтобы купить пива своим измученным родителям, по два пенса за пинту. Но так происходило лишь в те далекие дни, когда у отца была работа.

Потом он стал напиваться один. Он уже не становился от этого добрым, а, наоборот, вернувшись пьяным, устраивал дома скандалы. В такие дни он был «вне себя» в буквальном смысле. Обычно любезный, добродушный человек от разочарования в жизни напивался до чертиков, но это же разочарование лишь усиливалось от чувства вины за то, что он потратил несколько шиллингов. И он пытался притупить это чувство, обвиняя во всем первого попавшегося. На следующее утро он был угрюм и молчалив, потом долго извинялся и, наконец, становился безумно веселым. Именно в таком состоянии он снова отправлялся в кабак, надеясь в глубине души встретить человека, который знает, где можно подработать.

Примми понимала, что посетители кабака обратили на нее внимание. Наверняка мужчины смотрели ей вслед, обсуждая ее достоинства. Через полчаса она свернула на Гров-Роуд. Все здесь было как прежде. Улица так и осталась угрюмо уютной. Даже в такую погоду женщины в фартуках стояли у дверей, сидели на ступенях, созерцая окружающий мир. Бегали дети. Никто ее не узнавал, и она, не пытаясь отыскать знакомые лица, пошла к дому номер 15. Впервые за все время она почувствовала себя неловко в своей шляпке, но было уже поздно останавливаться и снимать ее. Этим она бы только привлекла в себе внимание.

У двери с номером 15 она остановилась, собираясь постучать, но потом передумала и вошла без стука. Мать стояла у плиты, она мыла Эдди. Примми удивилась, что после стольких месяцев отсутствия она вернулась именно в этот момент, достаточно редкий даже в лучшие времена.

– Привет, ма.

Миссис Дилкес выпрямилась, секунду молча на нее смотрела, затем кивнула и вернулась к прежнему занятию.

– Привет, Прим.

Примми подошла к жестяной ванне и склонилась над ней. Эдди, которому был уже двадцать один год, сидел в ней, согнув колени, глядя в теплую мыльную воду и плеская ее ладонями.

– Привет, Эдди. Эдди! Это я, Примми. Я приехала тебя поведать.

Он флегматично на нее посмотрел. В его мутных глазах будто что-то промелькнуло, он, казалось, узнал ее, но тут же вновь принялся плескать воду.

– Лучше ему, похоже, не стало, – заметила Примми.

Она сняла плащ, поставила сумку на стол и стала откалывать шляпные шпильки.

– А ты чего хотела? – спросила мать. – Как тебе известно, в Детфорде нет целителей, способных творить чудеса.

Примми смотрела, как мать тщательно трет Эдди спину. В детстве они постоянно ходили грязными. Казалось, было проще укусить себя за локоть, чем стереть с них сажу, что во время несчастных купаний удавалось лишь отчасти. Теперь, когда Эдди вырос, задача усложнилась. Закончив тереть ему спину, миссис Дилкес окатила его теплой водой и подала ему руку, помогая встать. Он неуклюже поднялся. С него потоками лилась вода. Миссис Дилкес взяла маленькое полотенце, висевшее над плитой, и бросила на пол у ванны, потом протянула ему другое, такое же маленькое, чтобы он вытерся. Она указала на пол:

– Давай выходи. С тобой все. – В ее голосе слышалось раздражение.

Эдди подчинился и начал медленно вытираться. Примми печально смотрела на него. Он всегда был высоким, самым высоким в семье, но в его теле не было ни силы, ни зрелости. Он был большим переросшим ребенком, слабым, неуклюжим, словно недоделанным.

– Как ты справляешься? – спросила она у матери.

– С кем? С ним?

Примми кивнула.

– Это не трудно. Когда меня не станет, его отправят в исправительный дом или психлечебницу. Но он не доставляет особых хлопот.

– А как остальные?

– Фрэнка я вижу нечасто, – сказала она о третьем брате Примми, работавшем на железной дороге, как и Сэм. – Сейчас у него много забот. Сэра снова на сносях.

– И какой же это у них?

– Третий. Он неплохо зарабатывает. И Элизабет кое-что нам приносит. Эдди помогает мне на работе по четвергам.

– На работе?

– Я работаю швеей.

Миссис Дилкес старалась не смотреть дочери в глаза. Она знала отношение Примми к предприятиям с потогонной системой. Примми даже предлагала матери больше денег из своего жалованья, но та отказалась. В конце концов – это ее дело.

Примми решила промолчать.

– И чем же он тебе помогает? – спросила она.

– Делает все, что скажу, – грозно произнесла миссис Дилкес. – Сметает обрезки, заваривает чай, пришивает пуговицы. Но мистеру Стину это не нравится.

Примми все себе прекрасно представляла. После ухода отца она была с матерью на одном из таких предприятий. Темный сырой подвал, битком набитый женщинами, изможденными, похожими на узниц, работавшими с маниакальной сосредоточенностью за мизерное жалованье. Все они были мертвенно-бледны, с пустыми глазами без всякого выражения, как у рыб на прилавке продавца. Некоторые женщины засыпали прямо на столах. На это не обращали внимания и будили их, лишь когда появлялся хозяин. Многие страдали бронхитом: в зловонном воздухе слышалось их тяжелое дыхание и надрывный кашель. Примми тогда испугалась. Она не хотела такой жизни для себя и своих близких. Хотя тогда они жили в бедности, их жизнь была нелегкой, убогой, а подчас и жестокой, но в этом подвале витал еще и страшный дух страдания и отчаяния.

Эдди закончил вытираться и бросил полотенце на пол. Миссис Дилкес больно шлепнула его по задку.

– Подними сейчас же.

Он тупо уставился на нее.

– Ну-ка, подними!

Она снова звонко шлепнула его по влажному телу. Примми с любопытством наблюдала. Эдди был большим, а мать совсем маленького роста, но Эдди все равно наклонился и поднял полотенце. Миссис Дилкес взяла со стула ворох одежды.

– На! – Она положила вещи возле сына. – Одевайся. – Она взглянула на Примми. – Я приготовлю чай.

– Спасибо, я с удовольствием выпью чашечку.

Примми смотрела, как мать выполняет привычный ритуал. Коричневый облупленный чайник стоял на полке над плитой. Чтобы его достать, матери приходилось вставать на цыпочки, но она терпеть не могла, когда ей помогали. Рядом с чайником стояла жестяная коробка с чаем: черная с красно-золотым изображением двух индусов. Теперь золото стерлось, отчего радостные некогда индусы сделались потрепанными и оборванными. Миссис Дилкес положила в чайник четыре ложки чая и переставила чайник на центр плиты, чтобы он скорее закипел.

Эдди никак не мог справиться с брюками. Он влез в одну штанину и теперь отчаянно махал в воздухе другой ногой, не догадываясь, что наступил на подтяжки. Примми подошла к нему. Она всегда умела «управляться с Эдди».

– Подожди, сейчас разберемся.

Примми встала рядом и обняла его за талию. Резким умелым движением она выдернула ляжку из-под его ноги, расправила штанину и подтянула брюки вверх на нужную высоту, чтобы он мог попасть в них неуклюжей ногой. Тяжело навалившись на нее, Эдди сунул ногу в штанину. Примми выскользнула из-под его руки и, подойдя спереди, с громким хлопком натянула ему на плечи подтяжки. Она принялась быстро застегивать пуговицы, но он с удивлением попятился.

– Эдди!

Брюки не были застегнуты, и Примми заметила у него эрекцию. Она посмотрела ему в глаза. На его лице появилась широкая, искренняя, чрезвычайно добрая улыбка.

– Примми... – пробормотал он.

Она улыбнулась. Мать, занятая приготовлением чая, стояла к ним спиной. Примми приложила палец к губам и указала на нее взглядом. Эдди кивнул и принялся бороться с пуговицами, застегивая их поверх уменьшающейся на глазах выпуклости.

Миссис Дилкес налила чашку чая Примми и половину большой кружки для Эдди. Эдди размешивал чай, энергично постукивая ложкой о кружку, пока в центре темной жидкости не образовалась воронка. Он по-прежнему улыбался.

– С чего это он вдруг развеселился? – подозрительно спросила миссис Дилкес. – В чем дело, Эдди? – Она подалась вперед, пытаясь заглянуть ему в глаза.

Он сидел, склонившись над чаем, челка длинных прямых волос закрывала его лицо.

– Все в порядке, – сказала Примми, – просто он узнал меня.

– Ладно, я так и подумала. Чем собираешься заняться, Прим?

– Не знаю... – Примми взяла чашку и отпила маленький глоток крепкого сладкого чая. – Я привезла тебе немного денег.

– Да.

Миссис Дилкес всегда боялась показаться нетерпеливой. Деньги ей в самом деле были нужны, но она никогда не просила и никогда за них не благодарила. И сейчас она не доставит Примми такого удовольствия.

Примми открыла сумку и вытащила оттуда деньги в коричневом конверте.

– Я положу на полку.

– Хорошо.

Примми сунула конверт за стоящие на камине деревянные часы и вернулась к столу.

– Как поживает Элизабет? – спросила она, не потому, что ей было интересно, а потому, что она должна была это спросить.

– Работает на корсетной фабрике. Двенадцать пенсов в неделю, не так уж плохо.

– Действительно, неплохо, – ответила, как положено, Примми.

– Знаешь, она выходит замуж, – произнесла миссис Дилкес с укором.

Несмотря на свое сокрушительное поражение на данном поприще, она по-прежнему считала, что замужество – главная победа в жизни девушки. Примми, по ее мнению, была уже старой девой: ею никто не интересовался, ведь она так высокомерна.

– Правда? Я его знаю?

– Джим Сондерс. Работает в бакалее.

– Я помню.

Джим Сондерс. Он всегда был примерным мальчиком. В школе его считали занудой и подхалимом. Повзрослев, он стал ходить на работу в потертом темно-коричневом костюме, впрочем, вся его жизнь проходила исключительно в коричневых тонах. «И все же, – подумала Примми, – кто я, чтобы критиковать кого-то? Я ведь и сама не замужем».

– И когда же великий день? – спросила она.

– Скорее всего, весной, – ответила мать. – Они будут жить у его родителей. Их дом дальше по шоссе.

– Понятно.

«Этого стоило ожидать», – решила про себя Примми. Лиспет, как ее называли в семье, всегда стеснялась своей семьи, их нищеты, Эдди, того, что мистер Дилкес сбежал от них. Примми презирала ее за малодушие. Лиспет в детстве принималась реветь по пустякам и вопить, что «это несправедливо», словно против нее, бедной маленькой Элизабет Дилкес, плелись дьявольские интриги. Примми и раньше злилась на нее за это, и было совершенно ясно, что и сейчас ничего не изменилось. Лиспет присмотрела себе самого приличного жениха в округе, и можно не сомневаться, что, заполучив его, будет держаться подальше от своей семьи.

– Она придет в шесть, – сказала миссис Дилкес. – Я припасла к чаю немного ветчины.

– Отлично, ма. – Примми осторожно подошла к самому главному. – Ты не хочешь прогуляться вечером? Я хочу сказать, что мы могли бы сходить в варьете. У меня есть немного денег, я за все заплачу. Ты, должно быть, уже несколько лет никуда не выходила.

– Ну, я не знаю...

Было совершенно очевидно, что миссис Дилкес сражена предложением. И хотя она любила представления и действительно давно нигде не была, в ней поднялся протест. В ней росло стремление ни в коем случае не показаться растроганной и не принимать подарки с готовностью. Наконец она нашла достойное оправдание отказу:

– Я не могу из-за него. – Она кивнула на Эдди.

– Думаю, можно попросить Лиспет побыть с ним.

– Она не любит с ним сидеть, – мрачно покачала головой миссис Дилкес.

– Ну и что? – Примми начинала злиться. – Могу поспорить, что она вообще тебе не помогает.

– Она хорошая девочка, – сказала миссис Дилкес с сомнением в голосе. – Она много работает, и сейчас ее голова постоянно занята предстоящим замужеством.

– Я, между прочим, тоже много работаю и в варьете хожу не часто. Бьюсь об заклад, Лиспет и Джим ходят туда постоянно.

– Не думаю.

– Но все же чаще, чем мы.

– Да...

– Ну и отлично.

Примми становилась все настойчивее. Ей хотелось сходить в мюзик-холл с матерью, чтобы не быть там одной и затем, чтобы исчезло смутное чувство долга перед ней. Она посмотрела в маленькое сморщенное лицо матери, острые скулы покраснели от лопнувших сосудов, губы сжались в тонкую прямую линию.

– Если Лиспет останется, – проговорила она обреченно.

– Останется. – Примми поняла, что произнесла это чуть ли не с угрозой, и добавила: – Она может позвать Джима. Они могут представить, что уже поженились, и провести семейный вечерок.

– Хм.

Миссис Дилкес была совершенно уверена, что Примми шутит, но шуток она сама не понимала, не ценила и поэтому решила не обращать внимания.

– Значит, с этим – все. – Примми взяла вещи и направилась к лестнице. – Встретимся здесь?

– Никаких других мест я здесь не знаю, – отозвалась мать ледяным тоном.

Примми поднялась по узкой лестнице. В их доме номер 15 по Гроув-Роуд была одна комната на первом этаже, за ней крошечная кухня. Наверху было две комнаты. Когда они жили здесь все вместе, Лиспет, Примми, Сэм и Фрэнк занимали одну комнату: девочки спали на одной кровати, мальчики на другой. У родителей и Эдди была другая комната. Теперь здесь оставались только Лиспет и Эдди. И у Лиспет была отдельная комната. Как заметила Примми, Лиспет постаралась. Она навела лоск на старую потертую мебель, расставила фарфоровые фигурки, на изъеденной сыростью стене висел красочный горный пейзаж. Вторая кровать исчезла. Это означало, что теперь здесь царство Лиспет. Примми отлично понимала, что сестре не понравится ее присутствие.

Примми поставила сумку в угол возле узкого гардероба. Она не стала ее распаковывать, поскольку никакой необходимости в этом не было. Подошла к немытому окну и посмотрела на маленький дворик позади их дома, а потом на соседский. И справа и слева – один и тот же пейзаж. Одинаковые дворики, посыпанные песком, огороженные потемневшими кирпичными стенами. Про себя она отметила, что можно с легкостью определить, в каких домах все по-прежнему в порядке, где есть мужчина, где, по крайней мере, минимум домашнего уюта. У таких домов были разбиты небольшие клумбы, сейчас без цветов, но все же опрятные и ухоженные, у других росла живая изгородь или расползшийся по стенам вьюн. Двор Дилкесов зарос травой. Среди хлама и потрескавшегося цемента торчали большие кусты чертополоха. Раньше, когда садом занимался мистер Дилкес, во дворе росли капуста, картофель, красивая развесистая герань.

Примми печально подумала, что на самом деле она любила своего беспомощного, отчаявшегося отца. В ее жизни было не слишком много хорошего, но всеми ее лучшими днями она была обязана Альберту Дилкесу. Этот веселый, нежный человек отчаянно нуждался в любви. И не его вина была в том, что он не мог найти себе работу. Временная работа в доках была слишком непостоянна. Только мастер на все руки мог работать там ежедневно. Остальных же отправляли на все четыре стороны. Неудивительно, что это подавляло его. Отец был веселым, покладистым и чересчур добрым. Он не опустился до мелких краж, как случалось со многими, а просто становился все более беспокойным и распущенным. Мрачная апатия покидала его только на время пьянства, после чего он впадал в ярость. Примми особенно запомнились два случая. Однажды, после того как жена устроила ему очередной скандал, Примми села рядом с ним на крыльцо, и он показал ей фотографию: маленький овальный портрет молодой женщины.

– Знаешь, кто это? – спросил он, протягивая ей карточку.

– Не знаю.

– Попробуй догадайся. – В его голосе слышалось и веселье, и отчаяние одновременно. Примми легко догадалась по его тону.

– Должно быть, мама, – предположила она.

Он кивнул и убрал фотографию в карман, не спеша, задумчиво.

– Правильно, твоя мать.

– Она была такой красивой.

– О да. Она была красавица, Лили Мастерз. Мне всегда нравились женские имена, обозначающие цветы. Поэтому тебя и назвали Примроуз.

Примми смутилась, но постаралась скрыть это. Она чувствовала, что ей надо остаться с отцом, выслушать его. Но после долгого молчания, во время которого он печально смотрел вдаль, отец сказал лишь:

– Никогда не забывай, Примми, какой была твоя мать.

– Не забуду.

Она покачала головой, отец похлопал ее по коленке и побрел в кабаке, насвистывая «Лили из лагуны» – свою любимую мелодию. Теперь Примми подумала о том, что Лиспет не назвали именем цветка. Она появилась на свет слишком поздно.

Второе воспоминание было связано с собакой. Миссис Дилкес устроила мужу скандал за то, что он отдал остатки мяса забежавшей к ним во двор бродячей собаке. Это было совершенно несчастное животное: рахитичное, жалкое, давно брошенное, если у него вообще когда-то был дом. Миссис Дилкес не вынесла вида пса, пожиравшего жир и легкое прямо возле задней двери ее дома. Женщина бросилась к собаке, животное тут же метнулось в дом, откуда его предательски вытолкали дети, и миссис Дилкес обрушила шквал ударов на голову мужа, который только съежился и отвернулся.

– Ты понимаешь, что скормил этой дурацкой собаке больше мяса, чем мы все вместе съедаем за неделю?! – вопила она, продолжая колотить его маленькими твердыми кулачками.

Это-то как раз мистер Дилкес понимал очень хорошо. Каждый день его сжигал стыд за то, что он не может обеспечить семью. Но после того, как он накормил собаку, ему стало немного лучше. Это существо было настолько несчастно, что нуждалось в его помощи и принимало эту помощь с нескрываемой благодарностью. Даже те небольшие деньги, что мистер Дилкес пропивал в кабаке, зарабатывала его жена и давала ему их не по доброте, а потому, что хотела доказать окружающим, что они живут не хуже других. Продажная любовь в глазах собаки была бальзамом для израненной гордости Альберта.

Примми вздохнула и отвернулась от окна. Она считала, что все эти давние, не связанные между собой события и сделали ее такой, какой она была теперь. И в то же время ей казалось, что все эти события не имеют к ней никакого отношения, словно они произошли в другом месте, в другое время и даже в другом мире.

Примми спустилась вниз и около часа играла с Эдди в домино, пока мать гладила и пила чай. В шесть часов, как и было обещано, вернулась Лиспет. Примми поднялась и подошла к сестре, чтобы, как всегда, поцеловать ее.

– Здравствуй, Лиспет.

– Здравствуй, Прим, как доехала?

– Спасибо, хорошо.

– Здравствуй, мамочка.

«Мамочка». Лиспет, на которую можно положиться. Примми видела, как Лиспет поцеловала мать, но не Эдди. Тот, не поднимая глаз, смотрел на домино и, склонив голову к самому столу, тяжело дышал. Лиспет сняла пальто, шляпку, перчатки и положила их на спинку стула.

– Как ты? – спросила Примми, пока Лиспет наливала себе чай. – Выходишь замуж? Поздравляю.

– Спасибо, мы так счастливы.

- Мама говорит, у вас есть где жить.
- Да, верно. У нас прекрасная маленькая квартирка, недалеко от родителей Джима.
- Замечательно.

Миссис Дилкес бросила на стол отутюженную скатерть, фишки домино разлетелись во все стороны. Эдди принялся собирать их по одной в коробку. Примми встала, чтобы помочь ему. Лиспет стояла у окна и маленькими глотками пила чай. Она была пухлой и бледной, ее темные выющиеся волосы были собраны на затылке. Ее простодушное лицо могло показаться веселым, если бы не постоянное выражение непоколебимой уверенности в своей правоте. Ее походка, вся ее коренастая фигура, казалось, должны были принадлежать женщине в возрасте. Примми принялась раскладывать вилки и ножи, и тут в ней вспыхнула злобная юношеская обида.

– Думаю, мы с мамой немного развеемся вечером, – сказала она как ни в чем не бывало. – Я свожу ее в варьете. Ты ведь побудешь дома? – Она продолжала выполнять задуманное, не глядя на Элизабет, но, судя по паузе, последовавшей за этим, ее сестра была шокирована. Так ей и надо.

- Мм? Что ты сказала? – переспросила она, выпрямившись и оперев руки в бока.

Миссис Дилкес была занята. Она бросала ломтики ветчины на сковороду и не собиралась принимать участия в этом разговоре. Обеспокоенная Лиспет указала на склонившегося над столом Эдди:

- Ты хочешь сказать, что я должна остаться с ним?
- Только один раз. В конце концов, мама сидит с ним постоянно.
- После чая должен зайти Джим...

– Надо же, как хорошо. Значит, вы неплохо проведете время с ним. Я имею в виду, что тебе не придется здесь скучать.

- Я не...
- Большое спасибо, Лиз.

Примми подошла к матери и заглянула ей через плечо.

- Пахнет хорошо.

Таким образом Лиспет пришлось выкручиваться самой, и на бедного Джима была яростным шепотом обрушена продолжительная тирада в дверях на холодном крыльце, и его выпроводили домой. Очевидно, присутствие Эдди не подтолкнуло Лиспет к романтическим свиданиям. Но Примми не почувствовала никаких угрызений совести по этому поводу.хлопот Эдди не доставлял. Его усадили за какое-то вязание, снабдив большими спицами и шнуром, и он был совершенно спокоен.

Они ушли в семь. Представление начиналось в восемь, и в театр они поехали на автобусе, после чего немного прошли пешком. В мюзик-холле Примми купила два четырехпенсовых билета на балкон. Как она решила, суэта и беспорядок трехпенсовой галерки – это слишком для женщины такого возраста и с таким неуравновешенным характером, как у ее матери, и ей не хотелось омрачать вечер сценами, которых можно избежать. Их места оказались несколько с краю, но сцену было видно хорошо. Зал был полон. Внизу, под ними, покачивалось целое море голов, шум голосов сливался в теплый обволакивающий рокот.

Примми критически оглядела мать. Она выглядела совсем неплохо в своем длинном двубортном пальто и шляпе, напоминающей по форме цветочный горшок, на которой спереди красовалась некогда яркая искусственная чайная роза. Осунувшееся лицо пожилой женщины напоминало обезьянью мордочку. Эту самую шляпку она надевала по случаю бриллиантового юбилея старой королевы, когда на Грейв-Роуд был большой праздник. Тогда прямо на тротуаре стояла шарманка, дворняга, одетая в красный пиджак, танцевала под эту музыку вместе со всеми остальными. Можно было войти в любой дом, поесть и выпить, и миссис Дилкес наготовила бутербродов с ветчиной и фруктовый пирог к чаю. Это был счастливейший день, и

шляпка с розой очень подходила к розовой блузке и полосатой юбке. У Альберта Дилкеса тогда была работа, и на какое-то время жизнь была покрыта обманчивым глянцем благополучия.

Представление началось. Примми заглянула в программку. Обычный набор номеров: жонглеры, акробаты, клоуны. Первая строчка обещала, что будет петь Соловей Темзы, она же Виктория Хаббард. Примми удобно устроилась на своем месте и приготовилась наслаждаться выступлениями. Это было несложно. Звучала плавная мелодичная музыка, публика тепло встречала артистов, и даже неудачные номера не подвергались критике и получали право на существование. У «Летающих счастливыхчиков» оказались черные наваксенные усы, лихо закрученные кверху, и костюмы, украшенные блестящими стекляшками. С разной степенью ловкости они прыгали сквозь обручи, через столы, друг через друга и, наконец, с детских качелей, после чего они образовали умопомрачительную живую пирамиду, простоявшую ровно столько, сколько требовалось для аплодисментов, и потом рассыпавшуюся как карточный домик. Драйтон Даблдей – «Вы так еще не смеялись» – оказался невероятно толстым. Его номер заключался в том, чтобы быть неуклюжим, но всегда, казалось в самый последний момент, избегать неприятностей. Его большое грузное тело постоянно на что-то наталкивалось, выписывало пируэты, пролетало пушечным ядром с одного конца сцены на другой под восхищенное зрительское «Ух!», но страшного падения так и не случилось, хотя все его ожидали и даже надеялись. Молодой человек великолепно пропел тенором несколько серенад, в том числе «Лили из лагуны», во время которой Примми старалась не смотреть на мать, а вслед за ним на сцену вышла Мейбл Хайд, актриса в летах, которая скрипучим голосом прочла два трагических монолога, оба длинные и невероятно мрачные.

К тому времени, как на сцене появилась Виктория Хаббард, зрители были в приподнятом настроении. Но Соловей Темзы превзошла все ожидания. Она была чем-то похожа на Мэри Ллойд, чем успешно пользовалась. Подвижная дама с большим бюстом, уже начавшая полнеть. Но сейчас, в белой тонкой кисее, вся в розах, с блестящими глазами и голосом тонким, как у ласточки, она была каждому невестой или любимой дочерью: заставляла задуматься, но ни к чему не понуждала, была соблазнительной и веселой, чуть развратной и трогательно сентиментальной. Она словно держала всех на своей пухлой ладошке в белой перчатке. Напоследок она исполнила песню «Парень с галерки», и там, наверху, лица засияли, и в ответ вниз снежинками поплыли белые носовые платки. Миссис Дилкес сидела неподвижно прямо, но Примми показалось, что ее впалые щеки блестели от слез.

Примми с матерью, как и большинство зрителей, не остались смотреть биоскоп. После шумного и красочного варьете было неинтересно созерцать мерцающие черно-белые картинки, к тому же им надо было успеть на автобус. На улице было морозно. Дул пронизывающий ледяной ветер, и женщины, застегнувшись на все пуговицы, пошли быстрее. Примми вдруг почувствовала прикосновение к своей руке и услышала:

– Примми? Это?.. – Ветер унес в темноту окончание фразы.

Она остановилась и подняла голову. Ее глаза слезились от холода. Перед ней стояли двое, молодой человек и девушка. Оба улыбались, он доверчиво, а она словно что-то предвкушая.

– Простите... – Примми смутилась, не узнавая ни одного из них.

Она по-прежнему была под впечатлением шоу. Мимо пробежали люди, поживаясь от ветра, стараясь поскорее добраться домой.

За ее спиной раздался хриплый голос матери:

– Я подожду тебя на остановке.

– Да, мама, хорошо.

Миссис Дилкес быстро ушла, а Примми снова посмотрела на молодого человека. Он был примерно ее возраста, почти такого же роста, со светлыми волосами. На нем были хорошо сидящий костюм, красная жилетка и шляпа с загнутыми полями. Несмотря на щегольский вид

и закрученные усы, у него были приятное молодое лицо и чистые голубые глаза. Он улыбался ей так широко, сияя от гордости и удовольствия, что в конце концов Примми его вспомнила.

– Дик? – пробормотала она. – Дик?

– Он самый. Я же тебе говорил, что она вспомнит, – добавил он, обращаясь к стоявшей рядом девушке.

Та энергично кивала, не сводя с Примми глаз.

– Она должна была вспомнить, – сказала девушка ничуть не смущаясь, – ты же так много о ней рассказывал.

Примми взволнованно улыбнулась.

– Правда?

– Он не раз вспоминал вас. Вы произвели на него неизгладимое впечатление.

Дик радостно рассмеялся.

– Прости, Примми, это моя жена Алиса.

– Очень рада. – Примми протянула ей руку, но Алиса шагнула к ней и поцеловала в щеку. Она была совершенно искренна в выражении своих чувств, но от этого Примми почувствовала себя старой.

– Мне кажется, что мы давно с тобой знакомы, – сказала Алиса, которую Дик обнял за плечи.

Примми смотрела на него. Он почти не изменился, по-прежнему был франтом. Он всегда следил за собой и уже в те далекие дни был из тех парней, что умели произвести впечатление на потенциального работодателя. Несмотря на его элегантный костюм и шляпу, Примми показалось, что он только вчера подошел к ней и заявил: «Я – Дик. А как тебя зовут?» Тот вечер был жарким, пыльным и ленивым. Уже надоевший приторный желтый цвет клонившегося к закату солнца золотил серый Детфорд. В тот день Примми тоже была выходная на Рейнлаф-Роуд. На ней было синее платье в белых цветах и широкий кружевной воротник. На самом деле она давно уже выросла из этого платья, оно выцвело, но все равно ей нравилось. Они погуляли, полюбовались лодками, плывущими по реке, съели одну на двоих сдобную булочку. Он проводил ее на Гроув-Роуд, и все ей казалось праздничным: и маленькие захудалые улочки, и люди, проходившие мимо, а они шли, купаясь в солнечном свете и улыбаясь друг другу. Потом они встречались еще несколько раз, когда Примми была выходная, но вскоре Теннанты переехали в Кент и встречи стали невозможны.

И вот сейчас Дик стоял перед ней: красивый, элегантный, улыбчивый, как всегда, в общем, он был хорош собой. Алиса, несомненно, считала так же, она не отпускала его руки из своей.

– Где ты сейчас живешь? – поинтересовалась Примми, желая показать, что совершенно незнакома с подробностями жизни Дика.

– У нас квартирка в Саутворке, прямо над гаражом.

– Над гаражом?

– Видишь ли, нам придется переехать в скором времени, – сказал он с улыбкой.

– У него свое дело, и достаточно прибыльное, – пояснила Алиса, восхищенно заглядывая ему в лицо.

Примми смотрела на них и ясно видела, как обстояли у них дела сейчас и как все будет лет через десять. Дик располнеет, станет немного самодовольным, но останется таким же приятным и веселым. А Алиса будет величественно представлять рядом с ребенком на руках и с тремя или четырьмя детьми постарше, толкающимися у ее юбки. Они, трудолюбивые и богобоязненные, будут жить в достатке, соблюдая все правила домашней добродетели. И все это могло бы быть у нее.

– Как замечательно, – сказала она. – Мне следовало догадаться, что у тебя достойное дело в жизни. – Она взглянула на Алису. – Тебе повезло.

– О, я знаю, – ответила та.

Примми отметила, что она была симпатичной и напоминала Соловья Темзы, милая, красивая, хорошо сложенная и с жизнерадостной улыбкой. Она просто идеально подходила Дику.

– Я должна идти, – сказала Примми. – Мать ждет меня на остановке, если мы опоздаем на автобус, нам придется идти пешком.

– Передай ей от меня привет. – Дику всегда удавалось быть с миссис Дилкес в хороших отношениях, и он относился к ней лучше, чем она того заслуживала.

– Хорошо. Простите, что она убежала так быстро. Наверное, она тебя не узнала.

– Я не в обиде. Просто передай ей привет.

Примми повернулась, собираясь уходить, но Дик поймал ее за рукав.

– Ты приехала надолго? Сможешь прийти к нам в гости?

– Да, приходи, – поддержала его Алиса. – Это было бы здорово.

Примми замялась.

– Я приехала всего на одну ночь и уезжаю завтра же. Не думаю, что...

– Ради нашей старой дружбы... – Он одарил ее нежной искренней улыбкой. И именно эта улыбка все решила.

Она не пойдет.

– Прости, Дик. Это так мило с вашей стороны, но у меня в самом деле нет времени. Может быть, в другой раз... Счастливо! Была рада увидеться. – Она побежала, показывая им, что опаздывает на автобус, а в действительности чтобы поскорее с ними расстаться. Слезы, теперь уже не только от холода, текли по щекам, высыхая на холодном ветру.

Автобус уже подошел, мать была в середине очереди. Она никак не отреагировала на появление запыхавшейся Примми. Они вошли в автобус. Миссис Дилкес устроилась на заднем сиденье, Примми встала напротив нее, неудобно прижавшись к ее острым коленям. Она надеялась, что мать решит, что холод – причина ее покрасневших глаз и носа. Но когда несколько пассажиров сошли и Примми смогла сесть рядом с матерью, миссис Дилкес сказала:

– Я тебя предупреждала, что нечего время терять, когда у тебя были шансы.

– Так ты занешь, кто это был?

– Конечно. Единственный парень в округе хоть с какими-то манерами. Ты для него слишком проста.

– Неправда. Просто мне надо было уехать из города.

– Если бы ты хотела, то пообещала бы скоро вернуться, и он бы тебя ждал. А теперь он нашел себе другую и, судя по всему, неплохо живет.

– У него свой гараж. В Саутворке.

– Вон как. Я знала, из него выйдет толк. Ладно, это тебе хороший урок.

– Ты ничего не понимаешь.

Примми сказала правду. На самом деле Дик никогда не интересовал ее. Находясь с ним, она всегда смотрела куда-то вдаль, мимо него. Сейчас она плакала не по Дику, а по ушедшим дням, по тому легкому флирту и тусклому лондонскому солнцу, по сладким булочкам и платью в белых цветах и оттого, что ей хотелось чувствовать себя нужной. Сейчас она не нужна никому: ни Теннантам с их либеральным мышлением, ни здесь тем более. Она была сама по себе.

– Ты никогда не знаешь, что тебе надо, – продолжала ворчать миссис Дилкис. Происшедший случай давал ей возможность не выражать благодарность за этот вечер.

– Замолчи, ма. – Примми вдруг надоели придирки матери. – Думай лучше о своих делах.

– Очень хорошо. Я именно так и сделаю. Очень хорошо. Я буду молчать. Не волнуйся.

Обе они погрузились в свои мысли и больше по дороге домой не проронили ни слова.

Когда они добрались до Гроув-Роуд, в доме было темно. Лиспет и Эдди спали. Миссис Дилкес взяла керосиновую лампу, а Примми зажгла свечу, и они, по молчаливому согласию, сразу же отправились наверх.

Лиспет спала, слегка приоткрыв рот и уютно свернувшись на кровати с латунными спинками. Ее вьющиеся волосы разметались по подушке. Примми, дрожа от холода, переоделась в хлопковую ночную рубашку и залезла на кровать с другой стороны, но тут же услышала, как мать ходит по своей комнате, ругаясь сквозь зубы и что-то бормоча время от времени. Примми, падая от усталости, выбралась из кровати и, стараясь не обращать внимания на холод, выглянула за дверь.

– Что случилось?

– Эдди намочил постель.

– Я тебе помогу.

Примми снова зажгла свечку, вошла в комнату матери и поставила ее на засаленный плетеный столик у кровати. В тусклом дрожащем свете она разглядела полулежащего Эдди. В комнате пахло мочой, но Примми, спавшая многие годы на одной кровати с младшими братьями и сестрами, не была брезгливой. Она была привычна к подобным ночным происшествиям. Ей стало совершенно ясно, что мать здорово разозлилась. Эдди смущался. Она подошла, чтобы помочь ему встать с кровати, но, поразившись, остановилась.

– Что это?

Он был привязан к кровати. Привязан не крепко, но так, чтобы не мог встать. Старая грязная бельевая веревка тянулась через его живот под кровать и снова выходила наверх, где была завязана. Этого вполне хватало, принимая во внимание, что у него было плохо с координацией движений. Примми стала возиться с узлом. Она не могла вспомнить, когда последний раз так злилась.

– Это Лиспет сделала? – яростно прошипела она.

– А кто же еще? Пересади его сюда, на мою кровать. Я поменяю простыню.

Казалось, мокрое белье расстроило миссис Дилкес куда больше, чем веревка.

– Она часто так делает? А ты?

– Я не делала этого никогда в жизни.

Миссис Дилкес сразу же уловила осуждение в голосе дочери, но, честно говоря, она не видела ничего особенного в этом. Способ был хорош, как любой другой, чтобы удержать Эдди на месте. Так он не мог причинить себе вреда, правда, к сожалению, он намочил постель. И это уже было плохо. Ей стоило большого труда научить Эдди пользоваться горшком, и теперь все ее старания могли пропасть даром.

Примми развязала веревку и помогла Эдди подняться. Он смотрел на нее, у него был жалкий вид. Он смущался, ему было стыдно, он чувствовал себя виноватым, сам не зная отчего. Примми усадила его на край второй кровати и поцеловала в щеку.

– Все в порядке, Эдди, – сказала она, стараясь успокоить его, убирая у него со лба прядь волос. – Все в порядке.

Миссис Дилкес сняла простыню с потертой кушетки, стоявшей в углу, Примми помогла ей застелить постель, сделав это быстро и умело. Затем они снова уложили Эдди, Примми направилась к двери.

– Никто, кто бы он ни был, не имеет права так поступать, – убежденно сказала она, уверенная в своей правоте.

– Я не делала этого ни разу в жизни, – раздраженно повторила мать.

Примми ей верила. Несмотря на все ее грехи, миссис Дилкес нельзя было обвинить в недостатке здравого смысла. Она могла предвидеть последствия подобного поступка. Но было совершенно ясно, что если она этого и не оправдывала, то по крайней мере допускала, что

другие могли время от времени пользоваться этим методом. Однако винить ее в этом нельзя. Она, как умела, заботилась об Эдди, ее было не в чем винить.

– Спокойной ночи, ма, – сказала Примми и вернулась в свою комнату.

Она легла в постель и лягнула Лиспет в пухлый зад.

– Ой, тише ты, Прим, осторожно! – Голос был сонным и недовольным.

Примми лежала неподвижно, натянув одеяло до подбородка. Лиспет заворочалась, кровать затряслась.

– Лиспет.

– Мм?

– Ты поступила с Эдди жестоко.

– Ах, ты об этом... Он даже не заметил.

– Но он намочил постель. На него было жалко смотреть. Привязывая его, ты лишаешь его возможности сделать что-нибудь для себя. Это эгоистично.

– С ним все в порядке...

Было очевидно, что Лиспет снова засыпает.

– О, черт! – Лицо Примми исказили гнев и отчаяние, и она с головой укрылась одеялом. – Тупая корова.

На следующий день Примми встала рано и, оставив сестру храпеть, собрала вещи. В сумке лежало кружево: чистое, аккуратно сложенное, ни разу не надетое. Ей было некуда в нем ходить. Перед уходом она решила поискать одну вещь, напоминание о былом, фотографию матери в молодости. Миссис Дилкес и Эдди были на кухне, поэтому она быстро и бесшумно порылась в буфете на втором этаже, но не нашла ничего. Не было ничего, связанного с отцом, словно он никогда не существовал. Никаких следов. Она, расстроившись, взяла свои вещи и спустилась вниз. Миссис Дилкес не выразила ни удивления, ни досады по поводу ее раннего отъезда. Эдди сидел за столом и жевал хлеб, запивая его чаем. Примми подошла и положила руки ему на плечи. Он продолжал жевать. Его глаза были пусты. Этим утром он был «плох», и не следовало ждать от него проявления любви. Она сжала его плечи.

– Присматривай за ним, мама.

– Я разве этого не делаю? – Миссис Дилкес оскорбилась.

Примми подошла к ней и поцеловала ее в худую щеку. В конце концов, это правда.

– Да, конечно.

– Ты еще приедешь к нам?

– Да, наверное... – Примми замялась. На самом деле она не сказала еще миллиона слов буквально обо всем. Но теперь уже не было времени, и поэтому сказала только о самом главном: – Если не смогу приехать в ближайшее время, пришлю деньги, как обычно.

– Хорошо.

Примми вышла из дома. На улице было по-прежнему холодно, на Гроув-Роуд завывал поднявшийся еще вчера ветер, он гнал пыль вдоль низких изгородей и ворошил мусор в канавах. Примми про себя простилась с этим домом, она знала, что больше не вернется сюда. Она не могла притворяться, даже перед собой. Прошлое не давало ей покоя. Теперь она должна стать самостоятельной. Но хорошо было бы найти ту фотографию.

– А куда мы пойдем сегодня вечером? – спросила Тея у Мориса.

Они сидели в маленьком кафе на Тринити-стрит и потягивали послеобеденный кофе. Это был второй день Теи в Кембридже. Морис нашел ей комнату на Джизус-Лейн, где управляла миссис Мур, энергичная, жизнерадостная вдова. Стоило это всего пятнадцать шиллингов в неделю. Тея была в восторге от своего жилища и считала, что здесь так же роскошно, как в отеле «Риц».

Морис ответил весьма уклончиво:

– В гости к Луи Эвери. Мы с ним соседи.

– Какой он?

– По-моему, я рассказывал тебе о нем.

– Нет, я хочу знать, какой он на самом деле. Что ты о нем думаешь?

– Он отличный парень. – Морис принялся рисовать рожицу на запотевшем окне. Рот он нарисовал так, что получалась недовольная гримаса. – На самом деле он мне, в общем-то, не интересен.

– Я так и подумала. – Тея рассмеялась.

Она была приятно удивлена, увидев, насколько увереннее стал ее кузен после того, как уехал из Чилвертон-Хаус. Он, заботясь о ней, был решителен и ловок. Даже выглядел иначе: казался выше и стройнее. Выяснилось, что одежда может быть ему к лицу. Он носил ее немного небрежно, в нем уже жил университетский дух. Теперь, в теплом уютном кафе, его глаза сверкали под очками, он был похож на птицу, добрую и умную.

– Тогда почему же мы к нему идем? – спросила она, по-прежнему смеясь и удивленно качая головой.

– Не было смысла отказываться. Разве можно отклонять совершенно искреннее приглашение только на основании смутных ощущений? Мы ведь с ним не на ножах. Кроме того, я думал, тебе он вполне может понравиться.

– Не стоит идти только ради меня.

– Я все равно пойду. Иначе потом придется извиняться. В общем, он хороший парень, просто такие люди мне не очень нравятся.

– Чем же?

– Он слишком бесцеремонный. Очень умный, способный, амбициозный. Хочет уйти в политику.

– Ты ему не доверяешь?

– Отчасти. Мне просто не хочется быть раздавленным кем-то вроде него, когда он будет карабкаться вверх по лестнице жизни. – Он бросил на Тею язвительный взгляд. – Тебе он понравится.

– После того, что ты о нем рассказал, вряд ли.

– Он нравится женщинам.

– Я не из тех женщин.

Морис пожал плечами.

– Посмотрим. В любом случае к завтрашнему дню его интерес к дамам поубавится. Как я понимаю, на выходные к нему приезжает девушка из Лондона.

– Это место, похоже, кишит привезенными отовсюду девушками.

– Среди коих, – старомодно произнес Морис, – ты самая прекрасная.

Тея услышала, как он тихо вздохнул, словно собираясь сказать что-то еще, но вместо этого лишь кашлянул, и снова наступила тишина.

Морис подумал о Примми. О Примми, столько раз без спроса врывавшейся в его буйное воображение, чтобы мучать его всеми огнями ада. Теперь он уже не мог усомниться в своем сексуальном влечении. Его отношение к Примми говорило само за себя. За все время они обменялись не больше чем десятком слов, она была полностью отдалена от него – классом, положением, равнодушием к нему или симпатией к кому-то другому. И все же она всегда вызывала в нем напряжение одним своим присутствием в доме, что делало его непереносимо несчастным. Весь день он старался не смотреть на нее, а ночами лежал в темноте без сна и представлял, что она делает в своей комнате на самом верху. Представлял, как она снимает свое черное платье, наколку с волос, распускает и рачесывает волосы. Потом ему становилось стыдно за свои мысли, поскольку она была служанкой, и он не мог даже намекнуть ей о своих чувствах, не показавшись бестактным и нелепым.

– Не унывай, – говорила Тея, – все не так уж плохо, к тому же нам будет потом что обсудить.

Он посмотрел на нее отсутствующим взглядом.

– Морис? – удивленно улыбнулась она.

– Ты права. Ты допила кофе?

Позже Тея зашла в спальню Мориса, чтобы переодеться. Вещи она принесла с собой, поскольку ей не хотелось возвращаться холодным темным вечером к себе только за этим. Она надела зеленое платье, в котором была на Рождество, и подаренное Джеком ожерелье. Морис опустил решетку на камине, потушил свет, и они поднялись по лестнице на два этажа. В подъезде носились сквозняки, было холодно. Морис постучал в дверь, и она широко распахнулась, их охватила теплая волна света и уюта.

Молодой человек в дверях протянул к ним руки, приветствуя их.

– Морис! Дорогой друг, как я рад тебя видеть. А это, должно быть, Тея. – Он взял ее за руку и повел в комнату, разглядывая на расстоянии вытянутой руки, словно картинку.

Морис представил их:

– Да, это моя кухня, Тея Теннант. Тея, это наш хозяин, Луи Эвери.

– Очень приятно. Здравствуй, Тея. – Он подошел к ней и поцеловал в щеку. – Добро пожаловать.

– Спасибо. – Тея взглянула на Мориса, но его лицо ровным счетом ничего не выражало.

Луи снова взял ее за руку.

– Проходи, Тея. Позволь мне предложить тебе что-нибудь выпить.

– Спасибо, с удовольствием.

Ее подвели прямо к столу, стоящему в углу. Хозяин изящно наполнил бокалы неизменным шампанским и, слегка поклонившись, протянул один ей, после чего взял свой бокал и чокнулся с ней:

– За знакомство.

– Конечно. – Тея отпила шампанского и вдруг смутилась. Луи по-прежнему смотрел на нее, улыбаясь. Чтобы нарушить молчание, она добавила: – Было так любезно с вашей стороны пригласить и меня.

– Вряд ли. Ваш кузен отличный парень, но, скажем так, не является украшением общества.

Тея улыбнулась.

– В то время как вы, – он сделал изысканный жест, указав на ее волосы, платье, туфли, на все, – просто восхитительны.

Тея обернулась, ища взглядом Мориса. Был он украшением общества или нет, но его присутствие ее успокаивало. Луи проследил за ее взглядом.

– Не беспокойтесь за него, – сказал он. – Морис уже ведет с кем-нибудь глубоко академическую беседу. Ваш кузен из тех, кто не любит торопиться, а я питаю симпатию к энергичным людям. – Он поднял палец. – В свое время я хорошо усвоил этот урок.

Луи отвернулся для того, чтобы с кем-то поздороваться, а Тея тем временем его рассмотрела. Он был невысокого роста, аккуратен и изящен. Черные волосы и усы, подвижные карие глаза, точные и уверенные движения, словно он не ведал, что такое смущение. Но во всей манере держаться было что-то неестественное,стораживающее.

– Я вам не надоел? – вежливо спросил он, и его аккуратные изогнутые брови взметнулись вверх.

Господи! Неужели это так заметно?

– Нет. – Ее голос оказался несколько резок. – Конечно нет. Совершенно лишний вопрос.

– На самом деле нет. Видите ли, я с вами искренен и жду искренности в ответ.

– Я тоже искренна, и вы мне не надоели.
– Ага. – Луи почувствовал напряжение в ее голосе. – Вот теперь вы действительно раздражены.

– Нет. Может быть, смущена...

– Смущены? – Секунду он думал. – Да, очень звучное, вежливое, светское слово, за которым можно многое скрыть.

– Вы искажаете мои слова.

– Я? Я лишь приверженец правды, не более того. Скажите, – он доверительно положил руку ей на плечо, – что говорил обо мне Морис?

– Ничего.

– В подобных случаях люди всегда готовят друг друга к предстоящей встрече.

Тея с облегчением вспомнила невинные слова Мориса.

– Он сказал только одно, что вы мне понравитесь.

Луи рассмеялся.

– Старина Морис! Это значит, что он терпеть меня не может. Боже мой!

Он все еще смеялся, как вдруг послышался голос:

– Прекрати разыгрывать бедную девушку.

Тея обернулась и вдруг узнала свою спасительницу.

– Андреа!

Луи переводил взгляд с одной гостьи на другую.

– Вы знакомы?

– Мы вместе учились в школе.

– Больше не надо ничего говорить. – Луи закатил глаза. – Оставляю вас наедине с вашими захватывающими воспоминаниями. Андреа, дорогая, только не монополизируй Тею. Общество ждет. – Он обвел рукой комнату и добавил, обняв Андреа, но наклонившись к Тее: – В той стороне комнаты вас ждут копченый лосось, Йоркская ветчина и стильтонский сыр.

– Уходи, Луи. – Андреа оттолкнула его руку, впрочем, без особого раздражения, и улыбнулась Тее. – Иди поговори с кем-нибудь еще.

– Я уже ушел.

Несмотря на то что они время от времени писали друг другу, последний раз встречались на вечере в школе Страт – лена три года назад. Тогда их отношения оставались прежними. Сейчас Тея почувствовала, что их придется восстанавливать. Андреа, несомненно, переменилась. Она была очень аккуратной: в коричневом бархатном костюме и кремовой блузке с повязанным на шее шелковым платком табачного цвета. Ее светлые волосы были собраны на затылке, но лицо обрамляли выбившиеся пряди. Она никогда не была красива, но всегда умела себя подать. И внушала уважение.

Андреа заговорила первой:

– Итак, что привело тебя в эту цитадель знаний?

– Я приехала к Морису. Ты помнишь Мориса? – Она кивнула на него.

Андреа задумчиво посмотрела туда, куда указала Тея.

– Хм... Да, конечно, Морис.

– Сейчас он на последнем курсе. Его комната в этом же здании, двумя этажами ниже. Я здесь совершенно чужая. А ты?.. – Она отчаянно пыталась вспомнить, о чем писала Андреа в своем последнем письме, но у нее ничего не получалось. В письмах всегда больше рассуждений, чем новостей.

– Если хочешь спросить, не учусь ли я здесь, то нет. Далекie вершины меня не манят. Я по-прежнему в Лондоне.

– Подожди-ка, а не ты ли приехавшая из Лондона девушка Луи?

– Господи, думаю, что я. Хотя и не принадлежу ему полностью.

Тея смутилась. Андреа потянулась к столу и взяла маленькую дамскую сигару. Она закурила, привычно затянулась и, взяв сигару в правую руку, стала разглядывать Тею сквозь табачный дым.

– Тея, и чем же ты занималась все это время?

Она стала рассказывать, и у нее тут же возникло ощущение, что на самом деле ее подругу это не интересует.

– В общем-то ничем. Немного преподавала в местной школе, и до сих пор иногда помогаю. Еще немного писала...

– Правда? – В голосе послышался интерес. – А что именно, можно спросить?

– Так, статейки для «Кантри компаньон». Всевозможные деревенские темы. Ничего, что могло бы потрясти мир.

– Ты себя недооцениваешь. Напечататься в газете – это девять десятых успеха. Если твои статьи публикуются, есть шанс, что тебя заметят.

– Кто заметит?

– Редакторы. Я говорю это, зная по опыту. Последние полтора года я работаю в «Геральд».

– Андреа! Вот это да. «Геральд»?

– Совершенно верно. Меня взяли на работу секретаршей главного редактора, а теперь я младший, самый младший репортер страницы для женщин.

– Ты мне ничего об этом не писала.

– Меня больше занимали другие вещи.

– Лига избирательных прав женщин?

– Ага. – Андреа потушила сигару.

– И ты... Ты – активистка? – поинтересовалась Тея.

– Да, я попадала в тюрьму, если ты это имела в виду. Но всего четыре дня, и насильственное кормление ко мне не применялось.

Тея была поражена, как спокойно она говорила.

– Это, наверное, было ужасно.

– Все же не настолько ужасно, как мне бы хотелось. – Она улыбнулась и на секунду стала прежней честолюбивой Андреа. – Насчет мук я обманулась.

– Но что случилось?

– Я ездила на конференцию в Кэкстон-Холл протестовать против этого подлого постановления. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Тея кивнула.

Согласно постановлению, суфражистки, объявившие голодовку, освобождались из тюрьмы, лишь когда их состояние становилось критическим и лишь для того, чтобы арестовать их снова, как только друзья и родственники хоть немного поставят их на ноги.

Андреа продолжала:

– Я приехала туда как представитель Лиги избирательных прав женщин. В конце собрания человек десять из нас председатель делегировала к министру внутренних дел, чтобы доставить ему нашу резолюцию. Он отказался встретиться с нами, и, когда миссис Петик Лоуренс попробовала передать наши документы кому-либо из членов парламента, откуда ни возьмись появилась полиция. Некоторые из нас отказались освободить помещение... – Она пожала плечами. – Нас арестовали.

– Ты держалась очень храбро.

– Правильнее будет сказать, я была упрямой и прямолинейной. Констебль, сажавший меня в полицейскую карету, постоянно спрашивал, не делает ли мне больно... – Она покачала головой, словно расстроившись из-за своего достойного поведения. – И все же ты просто обязана переехать в Лондон. Нельзя навечно похоронить себя в деревне!

– Может быть, ты и права.

Тея подумала, что подобное предложение вызвало бы множество нареканий со стороны ее домочадцев. Андреа приезжала в Чилвертон-Хаус лишь однажды, и Тее тогда пришлось непросто. Андреа умела говорить аргументированно, но Тея устала от бремени ответственности, которую ей приходилось нести за подругу. Андреа прекрасно справилась бы и без нее, но, как только вся семья оказывалась в сборе, Тея попадала под перекрестный словесный огонь. Лояльность к обеим сторонам была ее слабым местом.

Тея решила переменить тему:

– Может быть, я приеду осенью. До этого у меня другие планы. Мы с Далси собираемся летом за границу.

– Да? Крузиз вокруг Европы? – иронично спросила Андреа.

– Мы едем к родственникам в Вену.

– Как хорошо иметь родственников в Вене. – Андреа наклонилась и бросила окурков в пепельницу.

Тее захотелось дернуть ее за волосы, но вместо этого она вежливо осмотрелась, ища спасения. И оно пришло в виде Мориса.

– Андреа, я и понятия не имел, что ты знакома с Луи.

– Знакома. Хотя все и удивляются. Как поживаешь, Морис?

– Прекрасно. Но проголодался. Может быть, пройдем к столу? Луи, наверное, здорово потратился.

Тея была восхищена его спокойствием. Морис не был ни ослеплен, ни удивлен появлением Андреа. Ему было все равно.

Они пошли по комнате, и в это время раздался голос Луи:

– Регтайм для всех.

Он завел фонограф. На фоне шипения и щелчков полились завораживающие звуки фортепьяно. Луи подошел к Андреа и обнял ее.

– Давай-ка всем покажем, как это делается.

Под одобрительные возгласы они прошли на середину комнаты, а все остальные встали у стен. Андреа была несколько скованна для того, чтобы ее можно было назвать настоящей танцовщицей, но, несомненно, и она, и Луи знали новейшие ступы. Тея подумала, глядя на них, что никогда не сможет понять свою подругу до конца, если только Андреа ей по-прежнему подруга. Она была суффражистка, достаточно убежденная для того, чтобы провести четыре дня в камере Хэлловея, но в то же время Андреа оставалась достаточно светской девушкой, чтобы танцевать регтайм с человеком вроде Луи Эвери. И еще она не скрывала своего раздражения по поводу привилегированного положения Теннантов.

Ритмы музыки были восхитительны, мелодия неповторима. Тея стала притоптывать в такт и с надеждой посмотрела на Мориса. Но он был мрачен.

– Давай перекусим, – сказал он, и, хотя Тея с большим удовольствием посмотрела бы на танцы, она пошла вслед за ним к столу.

Позже, когда они уже прощались с Луи, Андреа протянула Тее газету:

– Не бойся. Это просто номер «Голоса женщин», нашего официального органа. Прочитай и купи еще, если удастся, а когда будешь в Лондоне, свяжись со мной.

– Спасибо, обязательно.

– Вот моя карточка.

На ней значилось: «Лига избирательных прав женщин. Хэмпстедская группа. Руководитель группы – мисс Андреа Саттон. Уайт-Беар-Хилл, 10 (по вечерам)».

– Я поражена, – сказала Тея, убирая карточку в сумку.

– Не удивляйся. Ничего особенного. Просто я одна из шишек.

Внезапный порыв откровенности был приятен Тее. Она пожала протянутую ей руку и улыбнулась, показывая свое дружеское расположение.

– Я напишу.

Луи проводил их до двери. После странного диалога в начале вечера они больше не разговаривали, но теперь он не сдержался:

– Морис, у тебя прекрасная кухня. Ты должен почаще ее показывать.

– Она не моя собственность, чтобы ее показывать, – сухо ответил Морис, но Луи не обратил на него внимания. Он взял ладонь Теи обеими руками, пожал ее и пристально посмотрел ей в глаза.

У нее появилось желание оттолкнуть его, сказать, чтобы он не делал глупостей.

– Мы обязательно встретимся снова, – произнес он.

– Я пробуду в Кембридже еще пять дней. – Она сделала вид, что не поняла его предсказания.

– Нет, мы встретимся в будущем. Наши пути пересекутся.

Морис вышел на лестницу и ждал там, сунув руки в карманы. Тея попыталась высвободиться из рук Луи, но с удивлением обнаружила, что он держит ее по-прежнему крепко.

– До свидания, – оживленно сказала она. – И спасибо за прекрасный вечер.

Он отпустил ее и развел руки, словно собираясь показать фокус.

– Au revoir, Тея Теннант, – сказал он, когда они с Морисом уже спускались. – Au revoir. A bientôt².

² До свидания. До встречи (*фр.*)

Глава 5

Тея подняла руку и протерла запотевшее стекло.

– По-моему, приехали, – сказала она. – Далси!

Далси открыла глаза и повернула голову, не поднимая ее со спинки красного плюшевого сиденья.

– Что ты говоришь?

– Мы подъезжаем. Иди посмотри.

– У меня нет сил. Который час?

– Давно за полдень.

– А мне казалось, уже наступил следующий год. – Далси опять закрыла глаза.

Тея снова выглянула в окно. Поезд с грохотом мчался по железному мосту. Под ними простиралась вдаль широкая река. Дунай был вовсе не голубым и далеко не живописным, а серым и беспокойным из-за обилия талых вод. Вдалеке виднелась неровная линия зданий Вельса, который стоял чуть в стороне от берега.

Пожилая пара, севшая в Венский экспресс в Лиенсе, расположилась в уголке. Теперь они поднялись и засуетились со своими сумками и пальто. Их попутчики казались веселыми и отдохнувшими. Тея зажмурила глаза. Они опухли и покраснели от усталости. Одежда была несвежей и помятой. Ее охватила паника. Поезд подходил к вокзалу. Колеса надрывно стучали, а они по-прежнему сидели на своих местах, как два надгробных памятника. Внезапно она ощутила прилив энергии, Тея встала и сняла одну из сумок с багажной полки. Их сундук, с которым еще предстоит повозиться по прибытии, был сдан в багаж, но вся ручная кладь была здесь, и вытаскивать вещи на платформу придется своими силами. Тея потрясла Далси за плечо:

– Далси, ради бога, шевелись хоть немного. Через минуту мы приедем.

– Хорошо, хорошо, не суетись.

– Да пошевели ты хоть пальцем.

Далси нехотя поднялась. Она не любила путешествий, считая поговорку «путешествовать лучше, чем приезжать» чистой ересью. Поездки наносили вред ее тщательно подобранным туалетам, в которых она все равно не могла блеснуть в обществе. Далси была не из тех, кто находил проплывавшие за окном пейзажи, пусть даже незнакомые, восхитительными, и ей не удавалось сосредоточиться на книге больше чем на полчаса. Следовательно, дискомфорт усиливался и скукой. А это путешествие было длительным. Утомительно длительным. С парохода они пересели на поезд, доставивший их накануне вечером в Париж. Она бегала за своей энергичной сестрой, пока не нашли Венский экспресс. И с тех пор скука развеивалась лишь немного на остановках, где можно было подышать воздухом и походить по перрону станции, которые (как заметила Далси) ничем не отличались друг от друга. Пару раз они сходили в вагон-ресторан, хотя и не были особенно голодны. Несмотря на то что половина путешествия приходилась на ночь, это не приносило существенного облегчения, поскольку Далси так и не могла толком заснуть. Энтузиазм Теи вызывал у нее восхищение. Она могла восторженно показывать на названия станций многочисленных платформ: Женева, Цюрих, Мюнхен, Зальцбург, после чего с интересом начинала листать свой путеводитель. После Лиенца она даже попробовала поговорить по-немецки с пожилой парочкой попутчиков, пока Далси с мученическим видом перекачивала голову по подушке сиденья. Не столько потому, что эти типичные тевтонские бюргеры совершенно ее не интересовали, сколько желая показать, что она не знакома с их ужасным гортанным языком.

Мучения начались в тот момент, когда они сели на паром. Море было беспокойно, судно раскачивалось, из-за чего Далси, всю дорогу стеной, просидела в салоне первого класса с белым как мел лицом, в то время как Тея изучала все вокруг. Теперь Далси медленно приподнялась

и посмотрела в зеркало, висевшее напротив нее. Ужасно. Лицо осунулось, глаза заspanные, волосы встрепанные. Она надела шляпку, яростно пряча под нее спутавшиеся пряди.

Австриец помог Тее снять чемодан и спросил:

– Чем еще могу быть полезен?

Взятые из разговорника английские фразы были сдобрены сильным венским акцентом. Как он успел сообщить Тее, они с женой ездили в гости в Лиенц к своей замужней дочери.

– Nein, danke³. Нас должны встретить. Вы и так нам очень помогли. – Тея улыбнулась и поклонилась, как китайский мандарин, выражая свою благодарность и доброжелательность. Она физически ощущала, что врожденная британская сдержанность бросается всем глаза, делая ее отличной от окружающих.

У их попутчика были добрые глаза и тонкие с проседью усы, он приподнял шляпу на прощание.

– Тогда мы вас оставим. Желаем хорошо отдохнуть, – сказал он, остановившись у двери, пропуская вперед свою дорожную жену.

– Спасибо, – с чувством произнесла Тея.

Ей отчаянно захотелось удержать его, упрямить потерпеть ее общество еще несколько минут, как бы обеспечивая им безболезненный переход из спокойствия поезда в незнакомый мир, но она, конечно, не могла позволить себе ничего подобного.

Экспресс с грохотом, шумом и скрежетом подошел к перрону вокзала Франца Иосифа. На платформе замелькали фигурки людей, словно картинки в синемамографе, все меленее и меленее по мере того, как паровоз, выпуская клубы дыма, подходил к концу перрона, где со вздохом и остановился. Тея и Далси, взяв вещи, вышли в узкий коридор, где уже медленно двигалась очередь пассажиров. Оказавшись на платформе, они поразились, как все вокруг отличалось от того, к чему они привыкли. Звучащая речь сильно отличалась от немецкой. Даже свет, проникавший сквозь потемневшие стекла купола станции, казался чище и ярче, чем дома.

Девушки стояли на платформе: две молодые англичанки, приехавшие за границу. Поставив чемоданы на землю, они с любопытством огляделись по сторонам. Тетя Джессика написала в последнем письме, что ее сын Джозеф встретит их у поезда. Но Тея никогда его не видела и, следовательно, не представляла, кого искать в толпе. Вдруг она вспомнила:

– Сундук! Я найду носильщика, а ты стой здесь и жди Джозефа.

Тея торопливо пошла по платформе к багажному вагону. Далси угрюмо смотрела, как она, бурно жестикулируя, объясняется с носильщиком. Тот, в свою очередь, кивнул, пожал плечами и посмотрел по сторонам. У Далси упало сердце. Боже! Их сундук потерялся, а с ним и вся приличная одежда. Все вокруг поплыло и растворилось в набежавших слезах.

Но в этот момент раздался голос:

– Мисс Теннант?

Далси поспешно обернулась, вытирая глаза. Сказать, что появление Джозефа фон Криффа ее приятно удивило, значит не сказать ничего.

– Я надеюсь, вы – мисс Теннант? – повторил он, мило смущаясь.

– Да, да, это я. – Далси приободрилась. – Меня зовут Далсимер. Далси. Добрый день.

– Как я рад, что нашел вас наконец.

К своему удивлению, Далси отметила, что он вовсе не похож на коренастого молодого человека в очках и тирольской шляпе, как она ожидала. Вместо этого перед ней стоял лейтенант Первого Кайзеровского кавалерийского полка Джозеф фон Крифф. Он склонился над ее рукой, радуясь, что наконец нашел ее. Джозеф был в военной форме, изящной фуражке (которую теперь держал на согнутой в локте руке), кителе с высоким воротником, идеально сидевших на нем бриджах и высоких начищенных сапогах, при сверкающих шпорах и сабле.

³ Нет, спасибо (нем.).

Все это было восхитительно. Далси, заглянув в его серые глаза, на лишнюю секунду задержала руку в его ладони, чувствуя, что жизнь еще может наладиться. При одном условии.

– Сестра пошла разыскивать наш сундук, – сказала она.

– Я уже взял ваши вещи, – ответил Джозеф, указывая на стоявшего чуть поодаль носильщика, рядом с ним на тележке лежал их багаж.

– Господи, какая радость. – Далси одарила их обоих очаровательной улыбкой.

– А как выглядит ваша сестра? – поинтересовался Джозеф, вглядываясь в толпу.

– Вот она!

Далси указала на спину Теи, заметив ее клетчатый плащ. Она быстро куда-то шла, расталкивая пассажиров, за ней бежал маленький носильщик.

– Я скажу ей, что у нас все в порядке. – Джозеф поспешил за ней.

Далси видела, как он взял Тею за руку, снова улыбнулся, поклонился, представившись, и указал на сундук. Тея громко рассмеялась в ответ. Она всегда была слишком бесхитростна.

Тее же казалось, что она очутилась на сцене, где шла немецкая оперетта, и что ее спаситель вот-вот прижмет руку к сердцу и запоет, сообщая восхищенным работникам станции о том, что он должен ехать на войну, но сердце свое оставит здесь. Теперь он снова надел фуражку, взял Тею под руку и повел обратно к Далси.

– Экипаж ждет, – сообщил он.

Сестры, как ягнята, побрели за ним сквозь вокзальную толпу. Повсюду были люди в военной форме: богемские и моравские драгуны, венгерские гусары, венские пехотинцы, саперы, разведчики, егеря – «императорские одежды» во всем своем радужном великолепии. Плюмаж покачивался, словно гребешки экзотических птиц. Звенели шпоры, сабли отражались в начищенных сапогах. Первым и самым ярким впечатлением Теи об Австрии было то, что австрийцы – нация военных.

На привокзальной площади Джозеф посадил девушек в экипаж, погрузил чемоданы и дал кучеру какие-то указания по-немецки. Потом он сел напротив них, снял фуражку и аккуратно положил ее рядом с собой, после чего оглядел гостей.

Не без удовольствия Джозеф отметил, что обе были хороши собой. Одна изящна и светло-волоса, как куколка. Он уже не раз убеждался, что женщин подобного типа следует остерегаться. Они кажутся хрупкими, словно дрезденский фарфор, но на самом деле – вероломные и расчетливые хищницы. Вторая девушка была совершенно иной. Ее красота более необычна, непреклонна. Лицо озаряли ум и отличное настроение. Во взгляде была прямота и открытость. Ее улыбка, манера держаться заставили Джозефа забыть о той осторожности, что он обычно испытывал при общении с девушками.

– Как доехали? – спросил он, всем видом выражая живой интерес, и, звякнув шпорами, закинул ногу на ногу.

– Ужасно!

– Великолепно! – хором ответили они, и все рассмеялись.

– Вы, должно быть, устали?

– Не особенно, – сказала Тея. – Может быть, немного утомлены обилем новых впечатлений.

– Конечно. – Он понимающе кивнул.

Тее ее кузен казался самым красивым мужчиной из всех, кого она встречала. Всю жизнь ее отношения с молодыми людьми расстраивались из-за того, что они были объектом пристального внимания и оценки отца. Иначе получилось лишь с Джеком Кингсли, который не нуждался в оценке. Сейчас перед ней сидел человек, очаровавший ее своим присутствием и имеющий безупречную внешность настоящего героя.

Джозеф фон Крифф был высок, элегантен, военная форма придавала ему несколько лихой вид. У него были пшеничного цвета волосы и усы, светло-серые глаза. Но даже если не

обращать внимания на его внешность, от него все равно веяло настоящей силой, словно от изображения молодого римского императора на монете. Был лишь один небольшой недостаток: маленький белый шрам в уголке рта под нижней губой, от чего лицо казалось уязвимым. Он кашлянул, Тея поспешно отвела взгляд, осознав, что тарашится на него.

– Честно говоря, – сказал он с едва заметным акцентом, – я попросил кучера провезти нас по Рингштрассе, прежде чем поехать домой. Это не будет слишком после столь утомительного путешествия? Это не займет много времени.

– Нет, нет. Замечательно, – откликнулась Тея. – К тому же это поможет хоть немного освоиться в Вене, перед встречей... – Она замялась, боясь показаться невежливой, словно не хочет встречаться с членами его семьи.

Но он поднял руку, прогоняя ее смущение.

– Я понимаю.

Тее показалось, что он действительно ее понимает, и она была благодарна ему за это.

Далси смотрела в окно. Впервые с тех пор, как они выехали из дома, она проявила интерес к окружающему миру.

– Мы снова едем по мосту! – воскликнула она. – Это опять Дунай?

– Нет, на этот раз Дунайский канал, – ответил Джозеф. – Сейчас мы выедем на Штабенринг, а потом на Ринг-штрассе, она проходит вокруг Старого города. Мы практически объедем старую Вену.

Несколько минут все молча смотрели на проплывавшие за окном виды.

– Парк, – послушно объявил Джозеф, хотя в этом не было необходимости. Они проезжали мимо прекрасных садов.

Дорога была чрезвычайно широка. По обе стороны в два ряда росли деревья, на которых едва начали распускаться листья. Они разделяли бульвар на зоны для пешеходов, трамваев, гужевого и моторного транспорта. За деревьями тянулась бесконечная процессия величественных зданий в стиле барокко, похожих на важных дам на приеме. Тея почувствовала на себе взгляд Джозефа и поняла, что ей следует высказаться по поводу очарования города.

– Восхитительно, – сказала она. – Очень величественно.

– Величественно, да, конечно, – согласился Джозеф, словно собираясь добавить еще какой-то эпитет.

Он хорошо говорил по-английски, но фразы были немного официальные, и только по этому можно было понять, что английский язык ему не родной.

– Расскажите, что это за здание? – попросила Тея.

Она это сделала не столько из любопытства, сколько понимая, что Джозефу будет легче, если он почувствует, что чем-то полезен. Они наклонились друг к другу. Его сапоги скрипнули, Тея уловила запах лакированной кожи и обратила внимание на то, что его усы чуть закручены вверх, отчего он часто подносил руку к верхней губе и разглаживал их.

– А как же я? – Далси не на шутку обиделась.

– Ох, простите! – Он встал и указал ей место напротив Теи. – Я сяду напротив, – добавил он таким тоном, будто собирался защитить ее от дракона.

Далси села, и он оказался рядом с Теей, время от времени показывая на здания, мимо которых они проезжали, или отвлекая их внимание еще на что-нибудь находящееся по другую сторону Рингштрассе. Тее казалось необычным такое обилие величественных строений вдоль их маршрута. Здание Государственной оперы (не самое большое, но прекраснейшее здание оперного театра в мире, по мнению Джозефа)... Дворец Афины, богини мудрости, где располагался парламент... Императорский театр... Музей естествознания и Художественная галерея, стоящие друг напротив друга и взвизгивающие на памятник императрице Марии Терезии... Новый Хофбург, напоминавший счастливую улыбку, унаследовал все пропорции своего старого двойника: полуколонны и сомкнутые ряды окон... Немного дальше – Хельденплац...

– Площадь Героев, – перевел Джозеф.

Они повернули головы. Просторная площадь, украшенная двумя конными статуями.

– У нас гораздо больше героев, – добавил он, улыбнувшись. – Статуи героев – печальное зрелище. Площадь очень красива в мае, когда цветет сирень. Отличное место для прогулок.

«В мае». Два этих коротких слова снова напомнили Тее и Далси о том чудовищном шаге, который они сделали. До мая еще долгие недели, сейчас начало апреля. Сирень даже не собирается цвести, и все же они ее увидят и проведут здесь, вдали от дома, целые месяцы. В Кенте будет еще холодно, весна там не такая ранняя, как здесь. Венеция будет пить чай в библиотеке, Эдгар – читать вечернюю газету на сиденье автомобиля у станции Брумли, за Вязовой аллеей на ветру будут кланяться и скидывать головы светло-желтые нарциссы.

Здесь же воздух уже был весенним. Они свернули на Рингштрассе, и вдруг хлынул теплый грибной дождь. Над затейливыми крышами появилась несказанно красивая радуга. Слева из арки массивного здания показалась кавалерийская колонна. Весь транспорт, включая и их экипаж, уважительно остановился, давая дорогу всадникам. Тея смотрела на их профили под высокими остроконечными шлемами, на лошадей с выгнутыми, как у лебедей, шеями и развевающимися хвостами, на сильные руки, сжимающие вожжи. Все звуки улицы потонули в цокоте копыт.

Когда они проехали, экипаж плавно тронулся, Джозеф указал на большое здание.

– Казармы Россау, – объявил он. – Можно сказать, мое рабочее место.

– Вы в отпуске? – поинтересовалась Далси.

– В увольнении, но не в отпуске. Пока, – пылко ответил он, словно радуясь, что сестры спросили о нем лично. – Но скоро буду. Так что к вашим услугам.

Он склонил голову, и Далси подумала, что если бы он сейчас стоял, то непременно щелкнул бы каблуками. Она видела это зияющую пропасть между ней и ее венским кузеном. Ее радостные надежды, возникшие в первый момент их встречи, блекли с каждой секундой. Он был обходительным, добрым, несомненно красивым, но недоступным. Далси чувствовала себя рядом с ним совсем ребенком. Ей казалось, что он по своей натуре не одобрит некоторых черт ее характера, изменить которые она была не в силах. Сейчас, глядя на Джозефа, сидевшего рядом с Теей, склонившего свою златовласую голову к ней, Далси испытывала обиду, раздражение, и еще ей было ужасно одиноко.

Они проехали по улице Скоттенринг и затем резко свернули вправо в Старый город, проехали по Зальцгриц и снова свернули на тихую улочку, в жилой квартал. Тея поняла, что они находятся в богатом районе. Прекрасные дома в стиле барокко, стоявшие по обе стороны улицы, напоминали скорее дворцы. Тея облизнула губы и тяжело сглотнула. У нее в голове пронеслись слова отца: «Там вы будете жить так, как живут они, я думаю, великолепно... И от вас потребуется вести себя подобающе...»

– Приехали, – сказал Джозеф.

В то время как Джозеф со своими подопечными выехал со станции, барон Томас фон Крифф возвращался после очередного визита к врачу. Он свернул на Хеленштрассе, и ему оставалось пройти всего метров двести до своего особняка. Тут он вспомнил, что с минуты на минуту должны приехать племянницы его жены, если уже не приехали. От этой мысли он побледнел, его орлиное лицо выразило еще большую меланхолию, чем обычно. Томас надеялся, что девушки не будут сильно ему досаждать. Жена не виделась с ними годами, и необычный поток писем от их отца отнюдь не развеял дурных предчувствий барона. В этих письмах содержались туманные намеки на семейные проблемы, вследствие которых девушкам следовало пожить какое-то время вдали от дома. Старшая, как он думал, была синим чулком, а младшая любила пофлиртовать. Настроение его упало. Они будут жить с ними много месяцев,

требуя от него вежливости и внимания, лишая его одиночества, которого он всегда жаждал. Он яростно взмахнул тростью. Пусть о них заботятся другие.

Барон открыл маленькую калитку чугунных ворот и вяло пошел по дорожке к массивной двери. Прошел весенний ливень, и с нимф и херувимов, украшавших дом, капала вода. Он поднялся по ступеням и вошел в дом. Через холл к нему бросилась Минна, чтобы встретить его и взять пальто.

– Спасибо, Минна.

Барон старался не встречаться с ней взглядом. Она его раздражала. Эта девушка, казалось, всегда вела безуспешную борьбу со своим идиотским хохотом, глаза были вечно выпучены, а на полном славянском лице то и дело появлялись ямочки, поскольку она задыхалась от своего никчемного веселья. Девушка была глупа. Но Джессика ее любила. Она отдавала должное ее приподнятому настроению, которое оставалось хорошим, несмотря ни на что. Барон испытал облегчение, найдя в гостиной только жену и двух младших детей. Джессика, сидевшая у камина на диване с золотой и розовой парчовой обивкой, оторвалась от своего неизменного вышивания.

– Здравствуй, дорогой, как ты?

– Спасибо, неплохо.

Аннелиза и Дитер не заметили его появления. Они играли в тарок за карточным столом в дальнем конце комнаты. Иногда он жалел, что научил детей этой игре. Казалось, что нижняя часть их лиц теперь всегда будет скрыта картами.

– Здравствуйте, дети.

– Здравствуй.

Ответил только Дитер. Он сидел, задумчиво нахмутив брови. Джессика улыбнулась, как бы извиняясь, мол, дети есть дети, и похлопала рукой возле себя.

– Садись, – предложила она мужу.

Он сел.

– Где они?

– Будут здесь с минуты на минуту. Джозеф поехал за ними на вокзал.

– Ты очень спокойна. Ты все подготовила?

– А почему бы мне не быть спокойной? – усмехнулась Джессика, перекусила шелковую нитку и подняла с пола корзинку с рукоделием. – Они мои племянницы, а не злые тролли.

– Да, конечно. Аннелиза!

– Мм?

– Далсимер одного с тобой возраста. По-моему.

– Мама мне постоянно об этом напоминает.

– Вы можете подружиться, все делать вместе. Ты позаботишься о ней, как хорошая хозяйка?

«Все, что угодно, – подумал он, – что угодно, лишь бы они были подальше от меня».

Аннелиза откинулась на стуле и, вытянув ноги, рассматривала свои карты. Эта поза подчеркнула ее полноту. «В зрелом возрасте она будет ужасно толстой, – подумал Томас. – Почему Джессика не посадит ее на диету?» Его часто раздражало то обстоятельство, что женщины в его семье были склонны к полноте. Он объяснял это наличием у них английской крови.

– Аннелиза, ты меня слышишь?

– Да. Конечно, я о ней позабочусь, но она, вероятно, в состоянии справиться и без меня. Я ей не нянька какая-нибудь.

– Конечно нет. Но вежливость требует...

– Знаю, знаю... – Аннелиза бросила карты и, подавшись вперед, положила подбородок на руки и отвернулась к окну. – Я уже до смерти устала от того, что мне постоянно твердят, как я должна вести себя с этими кузинами.

– Тогда почему бы тебе не приготовить? Они могут приехать в любой момент, – невозмутимо сказала Джессика, откладывая вышивание.

– Я уже готова, – ответила ей дочь.

– А Дитер – нет.

Дитер застонал, встал, отодвинув стул и вышел из комнаты с несчастным видом.

– А тебе следует убрать карты и пойти посмотреть, готов ли чай?

Аннелиза принялась убирать карты.

– А с чего ты взяла, что они захотят именно чаю?

– Чай, – с улыбкой ответила мать, – это английская традиция. Разве ты не слышала?

– Я думала, что, приехав сюда, они будут жить как мы.

– Они наши гости, и мы должны оказывать им гостеприимство. Если понадобится, мы будем говорить по-английски и пить чай. Теперь будь умницей и сделай все, что я прошу.

Аннелиза убрала карты в стол и не спеша вышла из комнаты.

– А где же Ласло? – спросил барон, справляясь об учителе младшего сына.

– У себя, наверное.

– А почему Дитер бездельничает и играет в карты в такое время?

– На сегодня уроки закончены.

– Не слишком-то много времени он тратит на занятия. Он хоть немного занимается самостоятельно?

– Не знаю, дорогой. По-моему, нет.

– Почему нет? – Барон раздраженно ударил рукой по дивану. – Я должен поговорить с Ласло. Дитер ничего не добьется, если его не заставлять.

– У Питера отличные рекомендации, – сказала Джессика, собирая остатки шелковых ниток со своей юбки.

– Это я знаю. Я сам его нанимал. Какие бы ни были у него способности, он не использует их, обучая моего сына.

– Тогда поговори с ним, Томас, – ответила ему жена умиротворенной интонацией человека, увидевшего свет в конце тоннеля.

– Я так и сделаю.

Джессика вздохнула, показывая, что прониклась проблемами мужа. Ее удивляло, как многие могут быть такими мрачными и озабоченными, когда нет никаких на то причин.

– А как, – беспечно спросила она, пытаясь отвлечь его, – поживает доктор Фрейд?

Аннелиза проводила Тею в ее комнату, где та обнаружила, что ее чемоданы уже распакованы, платья повешены в шкаф, мелкие предметы туалета аккуратно разложены по ящикам и переложены мешочками с душистыми лавандой и вербеной. Ее ночная рубашка лежала на огромной подушке под высоким паланкином кровати, отчего казалась маленькой, почти детской. Расческа и щетка из панциря черепахи лежали на столике рядом с фарфоровыми предметами туалета. Возле хитрого зеркала с многочисленными гранями, в которое можно было смотреть с любого места в комнате, стояли многочисленные хрустальные баночки и пузырьки с серебряными крышками. Комната была самой роскошной из всех, что Тея когда-либо видела. Потолок, до которого, казалось, были целые мили, украшали изображения красочных сельских сцен: мускулистые пастухи и смиренные девушки в прозрачных одеждах. Помимо огромной кровати в комнате стояли два кресла с высокими подлокотниками и пуфиками для ног и инкрустированный стол с письменными принадлежностями. Вся мебель была обита той же розово-золотой парчой, которая так ее восхитила в гостиной. Тея обратила внимание на то, что комната, очевидно, находилась в самом конце бокового крыла, поскольку одно из двух высоких окон выходило в сад, а другое – в маленький дворик за домом, где была конюшня. Из

этого же окна было видно арку под вереницей окон, через которую они с Джозефом подъехали к дому.

Тея подошла к окну и обнаружила в нем дверь, которая вела на небольшой балкон, где стояли витые металлические стулья и столик. Сад внизу был очень большим по городским меркам, его окружала высокая кирпичная стена, которая, судя по всему, имела форму буквы Г, поскольку справа Тея увидела маленький летний домик, его словно рукой обнимал изгиб стены. Дорожки, бассейны, садовые скульптуры говорили об изрядном богатстве хозяев. Бархатный газон вряд ли когда-нибудь унижали игрой в гольф или крикет, в нем не было видно лунок, равно как и следов от автомобильных шин: вместилища потерявшихся мячей и утащенных собаками костей.

Справа от кровати в комнате была еще одна дверь, за которой Тея обнаружила восхитительную ванную. Ванна стояла на золоченых ножках в виде лап грифона, краны сверкали, на перекладине висели три розовых полотенца, а на полу стоял большой кувшин с солями для ванны. Для уставшей, утомленной путешествием Теи это было слишком большим искушением. К тому же чем еще она могла заняться до ужина, который назначен на половину восьмого? Она не сможет сосредоточиться, чтобы почитать или написать письмо. А если ляжет поспать, то ни за что не проснется вовремя. Она повернула краны.

Как только она разделась, распустила волосы и вышла на минутку в комнату, в дверь постучали. Тея вдруг почувствовала себя неловко. Может быть, ее ждут внизу? Или не стоило наливать ванну без разрешения? Или по правилам это должна делать горничная? Остановившись в центре комнаты, она кашлянула.

– Войдите.

Это была низенькая румяная горничная с косой пшеничного цвета, короной обернутой вокруг головы. Девушка взглянула на Тею, потом на дверь ванной, из-за которой шел уютный пар.

– У вас все в порядке? – спросила она с сильным акцентом. – Вы все нашли, фрейлейн Тея?

– Да, спасибо, все. Очень вам признательна. – Тея понимала, что столько благодарить ни к чему, но она была слишком смущена. – Кстати, – добавила она. – Надеюсь, ничего страшного, что я решила принять ванну? – Она махнула рукой в сторону ванной комнаты.

Минна улыбнулась:

– Конечно нет. Это ваша ванная.

Тея снова почувствовала себя совершенной дурой.

– Да, спасибо.

– Пожалуйста, позвоните, если что-то понадобится.

– Хорошо.

Минна вышла. Тея с облегчением прошла в ванную и опустилась в горячую воду, бросив туда пригоршню душистой соли, как бы в знак своей независимости.

Расслабившись в ароматном облаке пара, она подумала, что впервые испытывает те чувства, которые испытывали остальные, когда оказывались в доме Теннантов. Впервые они с Далси были чужими, лишними, являясь объектами пристального изучения и, вероятнее всего, критики. Тея полностью отдавала себе отчет в том, что Ральф навязал их этой семье. Их здесь вообще никто не ждал, хотя ей было трудно об этом судить. И она, привыкшая больше других быть любимой, очень хотела, чтобы ее первое впечатление оказалось неверным. Если бы Далси умела вести себя как следует, умела разговаривать почтительно и не похвалялась своими сомнительными победами, ничего бы этого не произошло.

Тетя Джессика мало изменилась за пятнадцать лет, с тех пор как они виделись в последний раз. Тея вспомнила, как однажды, когда они еще были маленькими и жили на Рейнлаф-Роуд, Венеция привела ее пожелать им спокойной ночи. Тетя была не такой красивой, как

Венеция, но очень симпатичной и веселой. У нее была мягкая щека, от нее приятно пахло, и она принесла им рахат-лукум, наказав съесть его немедленно, в темноте, не обращая внимания на то, что постель будет перепачкана сахаром. Проявления такой анархии со стороны взрослого человека было вполне достаточно, чтобы трое маленьких детей сразу же ее полюбили, хотя Обри все же оставил свою порцию лакомства до утра.

Сейчас Джессика была по-прежнему доброй и улыбочивой, но заметно пополнела и поседела. Она-то уж точно была рада приезду сестер, целовала их, обнимала, расспрашивая о доме, не слушая толком ответов.

В радости ее мужа, дяди Томаса, Тея не была столь уверена. Он пожал ей ладонь своей узкой, сухой рукой. Его бесцветные глаза с темными кругами под ними смотрели на нее из-за золотой оправы очков. Выражая гостеприимство, он произнес пару формальных фраз. С тем же успехом он мог не пожимать ей руки и ничего не говорить. Он смотрел на нее так, словно хотел запомнить ее лицо и никогда больше не встречаться с ней. Он не выразил ни любопытства, ни теплоты, лишь полное безразличие.

Аннелиза, дочь тети Джессики, относилась к тому типу людей, что не нравились Тее, хотя она и понимала, что это ее личное предубеждение. Аннелизе было восемнадцать, она была полной симпатичной девушкой с веснушками и волосами темными ровно настолько, что их можно было называть каштановыми, а не рыжими. Она была старше Далси всего на несколько месяцев. Аннелиза достаточно тепло поздоровалась и расцеловалась с ними, но не забыла напомнить, что в Австрии чай употребляют только как целебный напиток, а не ради удовольствия. Когда Минна принесла поднос, она от чая отказалась, и сестрам пришлось пить его перед целой аудиторией, смотревшей на них, как на пришельцев. В поведении Аннелизы было некое лукавство, отчего сойтись с ней можно было лишь тому, кто вел себя так же бесцеремонно, как и она. Но теперь она не единственная кокетка в доме...

Мальчику Дитеру было десять лет. Он, угрюмо пожав им руки, сообщил, что через две недели у него день рождения. В его тоне было что-то угрожающее, словно он хотел разъяснить англичанкам, что их присутствие никак не повлияет на празднества, которые будут проходить в доме. Джессика снисходительно улыбнулась и выразила надежду, что они согласятся поприсутствовать на празднике, устраиваемом для членов семьи и избранных друзей. Тея не возражала, но у Далси недовольно опустили уголки рта. Ведь день рождения ребенка – дело обычное, и повсюду его отмечают одинаково.

И еще здесь был Джозеф. Тея закрыла глаза и запрокинула голову, наслаждаясь своими мыслями. Думать о нем было тем более приятно, поскольку она чувствовала, что тоже нравится ему. У нее было мало знакомых мужчин. Просто друзей, которые, так уж вышло, были мужчинами. Они ей нравились, их общество было приятно, некоторых, как Джека Кингсли, она знала многие годы. Хотя их отношения даже до Рождества были непростыми... Раньше она никогда не встречала мужчин, которые бы так открыто напоминали ей о ее женственности, которые бы взывали к этому и в присутствии которых она чувствовала себя именно женщиной.

Впервые за несколько месяцев она вспомнила о Далси и Джеке. Потом подумала о Джозефе. Тея взглянула на свое белое тело. От теплой воды поднимался пар, округлые формы нарушали водную гладь там, где шелковистыми островками возвышались колени и грудь. Тея снова закрыла глаза и положила руку на шею, а затем провела вниз по телу, в восхитительное тепло воды. Она представила, что это рука Джозефа, и ее тело моментально откликнулось.

Тея резко открыла глаза и села, наклонившись вперед, чтобы спустить воду. При этом ставшие упругими соски коснулись колен, и только тогда она поняла, как возбудили ее эти мечты. Она вылезла из ванной и стала яростно растираться самым большим полотенцем, стараясь энергичными движениями прогнать желание. И все же она не могла не думать о том, что ей надеть к ужину, чтобы подчеркнуть все достоинства фигуры.

Спустя полчаса Тея сидела за туалетным столиком в белой атласной блузке и черной бархатной юбке. Она расчесала свои длинные волосы и теперь тщательно их укладывала. Ей нравились изящные линии ее шеи.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула Джессика.

– Можно?

– Конечно, тетя. Я как раз закончила одеваться. Надеюсь, я не слишком долго?

– Нет, дорогая, вовсе нет. Тебе здесь удобно? – Джессика прошла по комнате, разгладила покрывало и поправила шторы.

– Спасибо, очень. Прекрасная комната. Я прямо как королева.

– Хорошо. Хорошо...

Джессика подошла к креслу и, присев на подлокотник, потерла ладонью спинку.

– Лично для меня не особенно важно, насколько жилье красиво. Ведь уют – это несколько другое, правда?

Тея была озадачена. Казалось, ее тетушка чувствует себя неловко. Тея принялась скручивать волосы в жгут и закреплять его на затылке. Джессика посмотрела на нее.

– Если хочешь, моя горничная будет тебе помогать, – вкрадчиво предложила она.

Тея рассмеялась, не разжимая губ, во рту у нее были шпильки.

– Об этом не стоит и думать. Мои волосы – это просто кошмар. Я даже не смею никого попросить сразиться с ними.

– У вас в доме нет служанки, которая помогает тебе с волосами?

– Нет. – Тея поморщилась. – Честно говоря, меня бы это раздражало. У нас вообще не очень много слуг. – Она скрепила волосы и покрутила головой, изучая свое отражение. По-прежнему чувствуя на себе тетин взгляд, она повернулась и тепло сказала: – Вы так добры, что согласились принять нас. Мы это очень ценим.

Джессика просияла.

– Ты даже не представляешь, какое это для меня удовольствие.

– Отец с мамой передавали вам привет. По-моему, мама даже завидовала нам.

– Наверняка. Бедная. Они обязательно должны сюда приехать. Сразу же, как твой отец сможет вырваться с работы. Скажи, Тея... – Тее показалось, что тетя наконец добралась до цели своего визита. – Ты ничего не хочешь мне рассказать? Дело в том, что по письмам Ральфа у меня сложилось впечатление, будто что-то произошло...

– Нет. Правда, нет. Ничего серьезного, – живо соврала Тея.

– Пожалуйста, пойми меня правильно. Я ненавижу совать нос в чужие дела, просто...

– Всего лишь небольшая семейная размолвка. Правда.

– Далси ведь всегда была наказанием, да?

– Да, наверное. Видимо, дело в том, что ей очень быстро становится скучно. В деревне не так много развлечений, а отец никогда не понимал, зачем нужна светская жизнь. Поэтому... – Она пожала плечами. – Для нее ничего не могло быть лучше этой поездки. – Заметив, что тетя все еще сомневается, она решила, что лучше сказать сейчас долю правды, чтобы потом не рассказывать ее целиком. – Дело в том, что у нее был неудачный роман. Ничего серьезного, но она слишком молода, а он ей совершенно не подходил. И она плохо все это перенесла. Я уверена, вы понимаете. Для Далси произошедшее показалось концом света, – да простит ей Бог эту ложь, – но это у нее пройдет. Ей нужна перемена обстановки и немного радости. Уверена, здесь у нее будет и то и другое. – Она широко улыбнулась.

Джессика поднялась. Видимо, она осталась довольна.

– Дорогая, я так рада, что ты мне доверилась. Просто мне вас поручили, если так можно выразиться, и мне не хотелось бы сделать что-то не так. Ваш отец ничего конкретно не написал...

– Это все, что случилось.

– Хорошо. – Она пошла к двери, но на пороге остановилась и добавила: – Кстати, пусть вас не беспокоят манеры моего мужа. Он всегда несколько неразговорчив. Сейчас его голова забита другими вещами. Недавно умер его отец, это был для него страшный удар. Уверяю тебя, он ждал вашего приезда с таким же нетерпением, как и все остальные.

Питер де Ласло пригладил ладонью волосы, поправил галстук, вышел из своей комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь. Он начал спускаться по лестнице ленивой походкой, изучая шеренгу надменных предков фон Криффа, чьи портреты висели вдоль стены. У всех его предков были рыбы глаза, ясно, откуда у старика такой взгляд.

Питер был учителем Дитера, он работал здесь с начала года, но своим положением в доме был не особенно доволен. Ему хорошо платили, он жил в комфорте, но чувствовал, что статус его не определен. Фрау баронесса относилась к нему как к сыну, барон – как к лакею, а Аннелиза и Дитер смотрели на него так, будто его увольнение с самыми нелестными характеристиками было лишь вопросом времени. Что касается второго сына, Джозефа, он был словно человеком другой эпохи: его было не за что не любить, но также не было никаких шансов завести с ним дружбу. Военная форма говорила сама за себя.

Семья собиралась вместе только за ужином. Питер со своим учеником завтракал рано, барон обычно показывался, когда их уже не было за столом, а фрау баронессе подавали кофе в спальню. Аннелиза поднималась в зависимости от ее планов на утро. И если она не собиралась кататься верхом, в гости, на урок музыки, то оставалась в постели до обеда. Обед был необязателен, и если везло, то Питеру приносили еду в комнату, но чаще всего он ел с теми, кто был в столовой. Барон, как правило, не обедал дома.

Ужин же был обязателен для всех, а сегодня – тем более, из-за двух молодых англичанок. Он слышал, как они приехали пару часов назад. Ему было любопытно на них взглянуть, хотя их появление и не внушало оптимизма. Английские женщины славились громкими голосами, большим размером ноги и задом, который лучше смотрится в седле, чем в юбке.

Дурные предчувствия усугублялись тем, что в последнее время он чувствовал возросшую раздражительность барона, который уже несколько дней прямо-таки дымился от негодования. Питер знал причину: дела у Дитера шли неважно. Но этот чертенок ужасно ленив, так чего же старик хочет? Чуда? На самом деле барон просто не хотел признавать, что его сын бездарен. Но ничего. Возможно, фрау баронесса заступится, как всегда. Она любила лести. И Питер мягко играл на том, что у них обоих в жилах течет английская кровь, пусть даже у него она разбавлена венгерской. Он постоянно повторял, как у них много общего, подставляя ей стул, приветливо улыбался, и старушка таяла, после чего ее мужу неудобно было разговаривать с ним слишком резко.

В холле Питер замедлил шаг. Стоя на выложенном черными и белыми мраморными плитками полу, он чувствовал себя пешкой на шахматной доске. Из-за двери доносился тихий, невнятный разговор. Голоса звучали не слишком весело. За спиной послышались легкие шаги. Это была Минна, переодевшаяся в свою вечернюю форму. Многочисленные белые оборки ее черной юбки смешно трепыхались. Она несла в столовую приборы. Питер подмигнул ей. Минна несдержанно фыркнула, зажав рот ладонью. Просто удивительно: каждый раз, когда он ей подмигивал, она находила это чрезвычайно забавным. Питер расправил плечи и открыл дверь.

Фрау баронесса сразу же засуетилась, взяла его под руку, представила и предложила аперитив, от которого он отказался. Ему нравилось производить впечатление непьющего человека. С несколько мученическим видом Питер подошел к своему подопечному. Дитер сидел на стуле со стаканом минеральной воды в руках, на нем был коричневый пиджак с жестким воротником. Выглядел он недовольным. Барон стоял посреди комнаты, изучая рисунок ковра с таким видом, словно собирался постичь тайны мироздания.

Тихо, но так, чтобы его работодатель слышал, Питер осведомился:

– Дитер, ты выполнил мое задание по математике?

– У меня не вышло.

– Значит, не выполнил?

– Не смог.

– Дитер, если тебе что-то непонятно, ты должен обратиться ко мне. Если уроки закончились, это не значит, что ты не можешь со мной посоветоваться. Я всегда готов тебе помочь.

– Хорошо.

«Ну и хватит», – подумал Питер.

Барон делал вид, что не слышит, но так бывало часто, даже когда обращались к нему лично. Питер, довольный тем, что выполнил поставленную задачу, обратил внимание на остальных членов семьи, они разговаривали, сидя у камина. Англичанки его приятно удивили. Брюнетку Питер сразу же отверг. Несмотря на свою красоту, она была выше ростом, что ставило его в невыгодное положение. Кроме того, на нее, похоже, положил глаз наследный сын. А вот младшая, такая миленькая, такая миниатюрная, с такими шаловливыми глазками... Сейчас она смотрела на него и ослепительно улыбалась. Питер улыбнулся в ответ и слегка поклонился. Очаровательна.

Джессика постаралась, чтобы в этот вечер ужин состоял исключительно из национальных австрийских блюд. Начался он с фишбушеля, крепкого острого бульона из потрохов свежей рыбы и с ломтиком лимона. Нельзя сказать, что баронесса была без ума от этого кушанья, но ее мужу оно нравилось, и к тому же относилось к блюдам истинно национальной кухни. Затем подали знаменитый тафелшпиц – вареную говядину под чесночным соусом. А на десерт она была просто обязана угостить гостей захер-тортом, который, впрочем, не особенно хорошо получался у ее повара, но она не отважилась послать за другим, поскольку опасалась потерять в таком случае великолепного во всем остальном работника.

Ко всему этому она приказала поставить на стол очень хорошее, по ее мнению, белое вино «Гризенгер». Барон сжал губы, когда увидел его на столе.

– Простите, – обратился он к Тее и Далси, – что приходится пить с мясом белое вино. Можно было бы подать великолепное французское красное, но моя жена настояла на том, чтобы все было исключительно местным.

– По-моему, отличная идея, – ответила Тея.

– Все вовсе не плохо, – отозвался Джозеф, сидевший слева от нее. – Отец, ты слишком много внимания уделяешь мелочам. Если ты будешь все постоянно критиковать, то испортишь настроение нашим кузинам. – Он улыбнулся Тее и поднял бокал, предлагая выпить.

Тея заметила, что на затылке его волосы, касающиеся высокого жесткого воротника, выются. Ей захотелось прикоснуться к ним, даже казалось, что она знает, какие они на ощупь – жесткие, упругие, словно мех сильного здорового зверя.

– А я люблю белое, – вмешалась Далси, отпив глоток в доказательство.

Барон, казалось, не слышал. Он смотрел в бокал с таким видом, словно ожидал увидеть на дне осьминога.

– Мы не стали подавать местное красное вино, поскольку его просто невозможно пить, – мрачно пробормотал он.

– Что за ерунда, Томас! – Джессика оглядела всех присутствующих.

– Просто так говорят местные жители, – сообщил ей муж, принимаясь за говядину. Казалось, что это производит на него удручающее впечатление.

Тея посмотрела на остальных. Никто не обращал на барона внимания. Все сосредоточенно принялись за еду. Был слышен лишь стук вилок и ножей по тарелкам. Тея сидела, не поднимая глаз на Джозефа, всеобщее молчание начинало действовать ей на нервы.

Питер де Ласло сидел между Далси и Дитером. Он неприязненно посмотрел в тарелку последнего. Между картофелинами он широким потоком вылил соус. Никогда еще Питер не видел ребенка, который бы так непристойно ел. Питер коснулся руки мальчика и, когда он поднял голову, взглядом указал в его тарелку. Но Аннелиза не стала манерничать:

– Ой, мама! Посмотри в тарелку Дитера. Это просто ужасно.

– Дитер, ешь как следует.

– А что я такого делаю?

– Ты делаешь из еды отвратительное месиво! – воскликнула его сестра. – Тебе, может быть, все равно, но почему остальные должны смотреть на это? Меня от этого тошнит.

– Ешь как следует, дорогой, – попросила Джессика.

Дитер подчинился и расправился с оставшейся в тарелке едой с невероятной быстротой. Тея удивленно посмотрела на него, но, переведя взгляд на Джозефа, увидела, что его губы плотно сжаты. Ему не понравился этот разговор.

Питер повернулся к Далси:

– Путешествие не было утомительным, мисс Теннант?

– Зовите меня Далси. Оно было ужасным. Из меня плохая путешественница. Я очень устала.

– Путь не близкий, – согласился Питер. Ему хотелось бы поговорить об этом только с ней, но беседа за столом не клеилась, и он был вынужден обратиться ко всем присутствующим. – Если вам понравилось здешнее вино, – сказал он, – жаль, что вас здесь не было на Хауригер.

– А что это? – спросила Тея, адресуя вопрос скорее Джозефу.

Но ответил Питер:

– Это восхитительный день. Правда, фрау баронесса? Все едут в деревню, например в Дорнбах или в Гризинг. Там виноделы вывешивают венки на своих домах, приглашая прохожих зайти попробовать молодого вина.

– Как интересно, – сказала Тея.

– Еду приносят с собой, все сидят в саду на деревянных скамьях, слушают музыку и поют.

– Как замечательно! – воскликнула Далси, мысленно уже умчавшаяся далеко, но все же стараясь удержать на себе внимание Ласло. – И когда же это бывает?

– В октябре, – ответил Джозеф достаточно резко.

Тея заметила, что он смотрит на Ласло с неприязнью.

– Возможно, когда-нибудь и мы сможем... – пропела Далси.

Ее поведение вдруг напомнило Тее о причине их приезда сюда. Она взглянула на Питера, все еще нахваливавшего Хауригер. Молодой человек был строен, гибок, с большими черными глазами и длинными волосами. Как цыганская скрипка в дорогом ресторане, очаровательная, соблазнительная, но фальшивящая. Казалось, не только Джозеф недолюбливал его. Как только Питер начинал говорить, барон втягивал голову в сутулые плечи, словно черепаха, а его тяжелые, с прожилками веки опускались от скуки и отвращения. «Здесь тоже нет особой любви», – подытожила Тея и вдруг почувствовала легкое прикосновение к своему запястью.

– Я уверен, Вена вам понравится, – сказал Джозеф. – Завтра вам, наверное, захочется познакомиться с городом поближе.

– Да, конечно.

– Мы могли быть взять машину покататься. Выпить кофе в старой кофейне. Мне бы хотелось вам многое показать. Вы любите оперу?

– Я никогда в ней не была. – Тея покраснела, но Джозеф как будто обрадовался.

– Значит, мне выпадет честь познакомить вас с ней.

В разговор вмешалась Аннелиза:

– Тея, не позволяй ему таскать тебя по операм слишком часто. Это так скучно! И к тому же они такие длинные.

– Тея сама решит, – вежливо ответил Джозеф. – Я считаю, опера – высшая форма искусства. Лучшие из них просто божественны.

Аннелиза добродушно рассмеялась:

– Берегись, Тея.

– Я уверена, что мне понравится, – честно призналась Тея, за что была награждена взглядом полным нежности, восхищения. Часы, проведенные в опере, решила она, не станут большой платой за общество серьезного мужчины.

На столе появился захер-торт, и дальше трапеза прошла в молчании. Позже Тея и Далси поняли, что долгие паузы в разговоре не были вызваны их присутствием, а являются отличительной чертой поведения за столом в доме фон Криффов. Барон являл собой пример австрийского отношения к трапезе как к церемонии, которой необходимо отдаваться без остатка. За стол садятся, чтобы есть, а любое общение отходило на второй план. Следовательно, беседы велись только в перерывах между блюдами, а все остальное время надо было методично опустошать тарелки. Не так быстро, чтобы нанести вред пищеварению, но и не настолько медленно, чтобы еда успела остыть.

Однако после третьего бокала «Гризенгера» Далси собралась влезть в чужой монастырь со своим уставом. Она становилась с каждой секундой все оживленнее, наказывая возить ее «повсюду, абсолютно повсюду», потому что «она просто умирает, как ей хочется все посмотреть». По мнению барона, Далси позволяла себе лишнего, но было совершенно очевидно, что она просто очаровала остальную часть семейства. Джессика лучезарно улыбалась ей. Аннелиза предложила пройтись по магазинам при первой же возможности. Даже Дитер, которого отпустили из-за стола после десерта, застенчиво предположил, что Далси, должно быть, понравится большое колесо в парке Пратер. Далси поцеловала его в пылающую щеку и поклялась кататься на каруселях только с ним. Что же касалось Питера де Ласло, то он сидел с таким восхищенным видом, словно развернул нежданную посылку и обнаружил именно то, что ему давно было нужно. Тее показалось, что Джозеф очень хотел изменить свое мнение о ее сестре и молча смотрел на бурную радость Далси, задумчиво поглаживая усы.

После ужина все прошли в гостиную пить кофе. Далси села за карточный стол, и Питер с Аннелизой принялись обучать ее игре в тарок. Тея и Джозеф расположились с бароном и его женой. Разлили кофе, Джессика снова занялась рукоделием, а Тея отчасти из-за того, чтобы не смотреть на Джозефа, отчасти из чувства уважения обратилась к хозяину.

– Мне очень нравится ваш прекрасный город, – попробовала она завязать разговор. – Сегодня мы ехали с вокзала по Рингштрассе. Очень красивая улица.

– Вы считаете? – Он посмотрел на нее поверх чашки. Спорить он явно не собирался.

– Да, Вена очень симметрична, элегантна, построена по плану, не то что английские города.

– Мм. Хорошо, – последовал загадочный ответ.

Тея продолжала:

– Хофбург восхитителен. Там резиденция императора?

Ее вопрос повис в воздухе. Казалось, барон не слышал ее слов. Джессика спокойно делала стежок за стежком.

Ей на помощь пришел Джозеф. Он спокойно сказал:

– Дворец императора в Шонбруне, к югу отсюда. Прекрасное место, более спокойное. Он предпочитает жить там.

Тея благодарно слушала. Даже голос его был мягким, успокаивающим, почти заботливым. Но его заглушил резкий и холодный голос барона, заявившего:

– Наш император постепенно становится затворником. Его комнаты в Шонбруне похожи на жилище сторожа, железная кровать, ни воды, ни удобств, ничего. Он по-прежнему полон достоинства, но не у дел. Ежедневно к нему приходит редактор одной из умеренных газет и

знакомит его с политическим положением. Летом он переезжает еще дальше, в Альпы, на Кайзервиллу.

– Вы говорите так, словно это печально.

– А это печально, – сказал Джозеф.

– Таковы факты. – Его отец был краток.

Тея почувствовала какое-то напряжение.

– Император, – начал Джозеф, – несмотря на все недостатки, по-прежнему остается главой нации.

– Мы не нация, – гневно поднял голос барон. Впервые за все это время на него взглянула жена. – Мы безнадежно разделены. Вы понимаете, что за сорок три года у нас сменился двадцать один кабинет министров? Что сейчас у нас по меньшей мере две дюжины политических партий, находящихся в оппозиции не только к правительству, но и друг к другу. А император? Он в оппозиции ко всем: к парламенту, к демократам, к народу.

– Если так, то, значит... – сказала Тея.

– Я просто сказал как есть.

Она перевела дыхание.

– Если так, то, значит, он последний император. Иначе и быть не может.

Барон удивленно посмотрел на нее, Тея повернулась к Джозефу и увидела, что он поражен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.